

الدوريات العربية في الأوراسية

АРАБИСТИКА ЕВРАЗИИ EURASIAN ARABIC STUDIES

ЕВРАЗИЯ АРАБИСТИКАСЫ

Том 5, № 3 / Vol. 5, No. 3

2022

ISSN 2619-1261

الدِّرَاسَاتُ الْعَرَبِيَّةُ الْأُورَاسِيَّةُ

АРАБИСТИКА ЕВРАЗИИ
EURASIAN ARABIC STUDIES
ЕВРАЗИЯ АРАБИСТИКАСЫ

2022, т. 5, № 3

ISSN 2619-1261

Казанский (Приволжский) федеральный университет
Египетско-российский фонд культуры и науки
Центр арабской культуры «Аль-Хадара»
Центр исследований и научного взаимодействия «Ауалим»

АРАБИСТИКА ЕВРАЗИИ

Научный журнал

2022, т. 5, № 3

ISSN 2619-1261

DOI: 10.26907/2619-1261

Размещается на платформах РУНЭБ (elibrary.ru), БД «КиберЛенинка» и Ulrich's Periodicals Directory
Издаётся с августа 2018 года – 4 выпуска в год

Рубрики и специальности журнала

Филологические науки:

5.9.2. Литературы народов мира
5.9.6. Языки народов зарубежных стран
5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Педагогические науки:

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики
и образования
5.8.2. Теория и методика обучения и
воспитания (по областям и уровням
образования)
5.8.7. Методология и технология
профессионального образования

Исторические науки:

5.6.2. Всеобщая история
5.6.3. Археология
5.6.7. История международных отношений
и внешней политики

Теология (по исследовательскому направлению ислам):

5.11.1. Теоретическая теология
5.11.2. Историческая теология
5.11.3. Практическая теология

Адрес редакции:

420008, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. М.
Межлаука, 3, каб. 117
Тел.: +7 (843) 221-33-21
E-mail: arabicstudies@mail.ru
Website: http://eas20188.org

Учредители: Хайрутдинов Рамиль Равилович,
Мингазова Наиля Габделхамитовна
Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в
сфере связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций. Свидетельство о регистрации печатного
СМИ (журнал) ПИ № ФС 77-73332 от 24.07.2018.
Подписано в печать 28.03.2022. Бумага офсетная. Печать
цифровая.
Формат 60х84/8. Тираж 500 экз. Отпечатано с готового
оригинал-макета, подготовленного в типографии
Издательства Казанского университета.
Дата выхода выпуска в свет: 19.10.2022

Издатель: АНО «Институт культурного наследия»

Адрес: 420111, Россия, г. Казань, ул. Кремлёвская, 10/15.
Тел.: +7 (843) 221-33-21

Адреса типографий:

Издательство Казанского университета
420008, г. Казань, ул. Профессора Нухина, 1/37.
Тел.: (843) 233-73-59, 233-73-28.
Египетско-российский фонд культуры и науки (доп.
тираж)

11769 Nozha, 114 Joseph Tito St., Heliopolis – Cairo – Egypt

Tel.: + (202) 219 271 57 & 58

Fax: + (202) 219 271 50

www.russiannewsar.com secretary_ert@yahoo.com

Подписка и распространение: каталог «Газеты
и журналы – 2022 1 полугодие» ГК «Урал-Пресс», 64983

Редакционно-издательская группа

Ответственный секретарь

Мингазова А.Р. (г. Казань, Россия)

Научный редактор

Субич В.Г., канд. филол. наук (г. Казань, Россия)

Оператор сайта

Витоль Е.В. (г. Казань, Россия)

Ответственный за выпуск

Витоль Е.В. (г. Казань, Россия)

Корректор

Хабибуллина А.М. (г. Казань, Россия)

Учредитель, шеф-редактор

Хайрутдинов Рамиль Равилович – канд. ист. наук,
доцент, КФУ, г. Казань, Россия.

Учредитель, главный редактор

Мингазова Наиля Габделхамитовна – канд. филол. наук,
доцент, КФУ, г. Казань, Россия.

Заместитель главного редактора

Закиров Рафис Рафаелевич – канд. филол. наук, доцент,
РИИ, г. Казань, Россия.

Заместитель главного редактора

Аль-Аммари Мохаммед Салех – канд. пед. наук, КФУ,
г. Казань, Россия.

Председатель редакционной коллегии

Аль-Фоади Рахим Али – Ph.D., профессор, Багдадский
университет, г. Багдад, Ирак.

Сопредседатели редакционной коллегии

Аль-Джарф Рейма Саадо – Ph.D., профессор, г. Рияд,
Саудовская Аравия.

Берникова Ольга Александровна – канд. филол. наук, доцент,
СПбГУ, г. Санкт-Петербург, Россия.

Ибрагимов Ибрагим Джавпарович – канд. пед. наук,
доцент, ПГУ, г. Пятигорск, Россия.

Кирилина Светлана Алексеевна – д-р ист. наук,
профессор, ИСАА, г. Москва, Россия.

Редакционная коллегия

Алексеев Игорь Леонидович – канд. ист. наук, г. Москва,
Россия.

Аликберов Аликбер Калабекович – д-р. ист. наук, ИВ
РАН, г. Москва, Россия.

Алмазова Лейла Ильдусовна – канд. филос. наук, КФУ,
г. Казань, Россия.

Аль-Мусави Саид – Ph.D., доцент, г. Тетуан, Марокко.

Андреасян Арусяк Каляевна – канд. филол. наук,
г. Ереван, Армения.

Бельхамити Мохаммед Эль Милуд – канд. филол. наук,
г. Оран, Алжир.

Большаков Андрей Олегович – д-р ист. наук, профессор,
СПбГУ, г. Санкт-Петербург, Россия.

Газизова Альфия Ильдусовна – д-р пед. наук, профессор,
КФУ, г. Казань, Россия.

Галиев Максим Хайдарович – канд. филол. наук,
г. Москва, Россия.

Гатин Марат Ильшатovich – г. Каир, Египет.

Гюнтер Себастьян – Ph.D., профессор, г. Гёттинген, Германия.
 Дмитриев Кирилл – Ph.D., г. Сент-Андрус, Великобритания.
 Дьяков Николай Николаевич – д-р ист. наук, профессор, СПбГУ, г. Санкт-Петербург, Россия.
 Кашаф Шамиль Равильевич – ИВ РАН, г. Москва, Россия.
 Кузнецов Василий Александрович – канд. ист. наук, ИВ РАН, г. Москва, Россия.
 Кямилев Саид Хайбуллович – канд. филол. наук, г. Москва, Россия.
 Лазерини Эдвард – Ph.D., профессор, г. Блумингтон, США.
 Лебедев Владимир Васильевич – канд. филол. наук, ИСАА МГУ, г. Москва, Россия.
 Мухаметзянова Флера Габдулбаровна – д-р пед. наук, профессор, КФУ, г. Казань, Россия.
 Наумкин Виталий Вячеславович – д-р ист. наук, профессор, ИВ РАН, г. Москва, Россия.
 Орфали Билал – Ph.D., г. Бейрут, Ливан.
 Пиотровский Михаил Борисович – д-р ист. наук, профессор, СПбГУ, г. Санкт-Петербург, Россия.
 Попов Вениамин Викторович – канд. ист. наук, г. Москва, Россия.
 Прозоров Станислав Михайлович – канд. ист. наук, СПбГУ, г. Санкт-Петербург, Россия.
 Редькин Олег Иванович – д-р филол. наук, профессор, СПбГУ, г. Санкт-Петербург, Россия.
 Резван Ефим Анатольевич – д-р ист. наук, профессор, г. Санкт-Петербург, Россия.
 Рейснер Марина Львовна – д-р филол. наук, профессор, ИСАА МГУ, г. Москва, Россия.
 Сабирова Диана Рустамовна – д-р пед. наук, КФУ, г. Казань, Россия.

Суворов Михаил Николаевич – д-р филол. наук, профессор, СПбГУ, г. Санкт-Петербург, Россия.
 Сюкияйнен Леонид Рудольфович – д-р юр. наук, профессор, Институт государства и права РАН, г. Москва, Россия.
 Тимерханов Айнура Ахатович – д-р филол. наук, доцент, г. Казань, Россия.
 Тулеубаева Самал Абаевна – д-р филол. наук, доцент, г. Нур-Султан, Казахстан)
 Хириди Иман – г. Каир, Египет.
 Фарах Сухейль – д-р филос. наук, профессор, г. Москва, Россия.
 Фролов Дмитрий Владимирович – д-р филол. наук, профессор, ИСАА МГУ, г. Москва, Россия.
 Чупрыгин Андрей Владимирович – ВШЭ, г. Москва, Россия.
 Чупрыгина Лариса Альбертовна – ВШЭ, г. Москва, Россия.
 Шайхуллин Тимур Акзамович – д-р филол. наук, доцент, РИИ, г. Казань, Россия.
 Шульц Эккехард – Ph.D., профессор, г. Лейпциг, Германия.
 Эль-Ханнаш Мохамед – Ph.D., профессор, г. Фес, Марокко.
 Аль-Шаркави Мухаммад – Ph.D., профессор, г. Детройт, США.
 Эль-Шейх Нурхан – профессор, г. Каир, Египет.

Представительство в Арабской Республике Египет:

Центр политических и медиа-исследований
 2 El Sharekat St. Off Roshdy St., Abdeen, Cairo, Egypt.
 Т / Ф: (+202) 23920375 (+2) 01021396352-01221646442
 2 ул. Эль-Шарекат Манфараа, ул. Рушди; Абдин; Каир; Египет. E-mail: hcpms.hewar2@gmail.com

Распространяется бесплатно
©Арабистика Евразии, 2022

الدراسات العربية الأوراسية

مجلة علمية

مساعد رئيس التحرير
أساذ مشارك د. زاكروف رافيس ر.، دكتوراه في العلوم اللغوية (قازان، روسيا).

مساعد رئيس التحرير
أساذ / دكتور محمد صالح العمري، دكتوراه في العلوم التربوية (قازان، روسيا)

رئيس هيئة التحرير
أساذ/ دكتور د. رحيم علي الفوايدي، دكتوراه في العلوم اللغوية (بغداد، العراق).

رؤساء هيئة التحرير المشاركون
أساذ/ دكتور ريماء الجرف، دكتوراه في العلوم التربوية (الرياض، المملكة العربية السعودية).

أساذ مشارك د. إبراهيم د.، دكتوراه في العلوم اللغوية (بياتيجورسك، روسيا).

أساذ مشارك د. كيريلينا سفيتلانا أ.، دكتوراه في العلوم التاريخية (موسكو، روسيا).

أساذ مشارك د. بيرنيكوف أولغا أ.، دكتوراه في العلوم اللغوية، (سانت بطرسبورج، روسيا).

هيئة التحرير

أساذ / دكتور الحناش محمد (فاس، المغرب).

أساذ / دكتور. بولشاكوف أندريه و.، دكتوراه في العلوم التاريخية (سانت بطرسبورج، روسيا).

أساذ / دكتور بيتروفسكي ميخائيل ب.، دكتوراه في التاريخ (سانت بطرسبورج، روسيا).

أساذ / دكتور إيمان أحمد هيريدي دكتوراه في علم اللغات (القاهرة، مصر).

أساذ / دكتور تولوبايغا شمال أ.، دكتوراه في العلوم اللغوية (نورسلطان، كازاخستان).

أساذ دكتور تيميرخانوف إينور أ.، دكتوراه في العلوم اللغوية (قازان، روسيا).

أساذ / دكتور جيونثير سبيستيان. (جيويتنجن، ألمانيا).

أساذ / دكتور دياكوف نوكولا ي. ن.، دكتوراه في العلوم التاريخية (سانت بطرسبورج، روسيا).

أساذ / دكتور ريدين أليج. إي.، دكتوراه في العلوم اللغوية (سانت بطرسبورج، روسيا).

أساذ / دكتور ريزفان إيفيم أ.، دكتوراه في التاريخ (سانت بطرسبورج، روسيا).

أساذ / دكتور ريسنير مارينابل، دكتوراه في العلوم اللغوية (موسكو، روسيا).

أساذ / دكتور سوفوروف ميخائيل ن.، دكتوراه في العلوم اللغوية (سانت بطرسبورج، روسيا).

أساذ / دكتور سيوكيانين ليونايدي ر.، دكتوراه في القانون (موسكو، روسيا).

أساذ / دكتور شولتس أكهارد. (ليبيج، ألمانيا).

أساذ / دكتور فرالوف دميتري ف.، دكتوراه في العلوم اللغوية (موسكو، روسيا).

أساذ / دكتور فرح سهيل، دكتوراه في العلوم اللغوية (موسكو، روسيا).

أساذ / دكتور لازيريني إدوارد. (بولمنجتون، أمريكا).

أساذ / دكتور ناعومكين فيتالي ف.، دكتوراه في التاريخ (موسكو، روسيا).

أساذ مشارك د. شيوخوللين تيمور أ.، دكتوراه في العلوم اللغوية (قازان، روسيا).

جاتين مراد ي. (القاهرة، مصر).

جويريغين أندريه ف. (موسكو، روسيا)

جويريغينا لاريسا أ. (موسكو، روسيا)

د. علي أكبروف علي أكبرك، دكتوراه في العلوم التاريخية (موسكو، روسيا)

د. سعيد المسايوي (تطوان، المغرب)

د. أليكسييف يغور ل.، دكتوراه في العلوم التاريخية (موسكو، روسيا).

د. إندرياسان أروسيك، دكتوراه في العلوم اللغوية (بريفان، أرمينيا).

د. بابوف فينيامين ف.، دكتوراه في التاريخ (موسكو، روسيا).

د. برازوروف ستانيسلاف م.، دكتوراه في التاريخ (سانت بطرسبورج، روسيا).

د. جاليف محمد حيدر. خ.، دكتوراه في العلوم اللغوية (موسكو، روسيا).

المجلد الخامس العدد الثالث – 2022

الرقم الدولي المعياري ISSN 2619-1261

DOI: 10.26907/2619-1261

المجلة تُنشر في قواعد البيانات التالية:

Elibrary.ru, Cyberleninka, Ulrich's Periodicals Directory

تصدر منذ أغسطس (آب) 2018 – أربعة أعداد في السنة.

عنوان هيئة التحرير:

420008، روسيا، جمهورية تتارستان، مدينة قازان،

شارع م. ميچالوكا، 3، الغرفة رقم 117.

هاتف: +7 (843) 221-33-21

البريد الإلكتروني: arabicstudies@mail.ru

الموقع الإلكتروني: http://eas2018.org

المؤسسون:

رأمل رافيلوفيتش خير الدينوف، نائلة عبد الحميدوفنا مينغازوفا.

المجلة مسجلة لدى الوكالة الفيدرالية للمراقبة في مجال الإتصال وتقنيات

المعلومات ووسائل الإعلام.

شهادة تسجيل النسخة المطبوعة لوسائل الإعلام (مجلة) ب ي رقم ف س 77-

73332 في 2018.07.24

وقعت للنشر في 2022.03.28 ورق أوفسيت، طباعة رقمية.

الحجم 60x84/8. عدد النسخ 500 نسخة. طبعت وفق التصميم الأصلي الجاهز

المُعد في دار طباعة دار النشر لجامعة قازان.

تاريخ صدور العدد 2022.10.19

الناشر: أن و "مركز الإرث الحضاري"

العنوان: 420111، روسيا، مدينة قازان،

شارع كريمليوفسكايا، 15/10.

هاتف: +7 (843) 221-33-21

Тел.: +7 (843) 221-33-21

عناوين المطبعة: دار نشر جامعة قازان

420008، مدينة قازان، شارع الأستاذ نوجين، 37/1.

هاتف: +7 (843) 233-73-59، 233-73-28

طبعت في جمهورية مصر العربية:

المؤسسة المصرية للثقافة والعلوم .

11769 النزهة، 114 ش جوزيف تيتو، هليوبوليس - القاهرة.

هاتف: +7 (202) 219 271 57 & 58

فاكس: +7 (202) 219 271 50

www.a-rfcs.org secertary_ert@yahoo.com

الإشتراك والتوزيع: دليل الصحف والمجلات – النصف الأول من عام 2022،

مجموعة شركات يورال بريس، ١٩٨٣، ٦٤٩٨٣.

هيئة التحرير والنشر

السكرتير المسؤول

مينجازوفا ألينا ر. (قازان، روسيا).

المحرر العلمي

أساذ مشارك د. سوييتش فيتالي ج.، دكتوراه في العلوم اللغوية (قازان، روسيا).

مشغل الموقع

فيتول يفغيني ف. (قازان، روسيا).

المسؤول عن الإصدار

فيتول يفغيني ف. (قازان، روسيا).

المصحح

حابيبولينا الفيا. م. (قازان، روسيا).

المؤسس والمشرّف على التحرير

أساذ مشارك د. خير الدينوف رأمل ر.، دكتوراه في العلوم التاريخية (قازان،

روسيا).

المؤسس ورئيس التحرير

أساذ مشارك د. مينجازوفا نائلة ع.، دكتوراه في العلوم اللغوية، (قازان،

روسيا).

أستاذ / دكتور عزيزوفا ألفيا، إ.د.، دكتوراه في العلوم التربوية (قازان، روسيا).
أستاذ / دكتور نورهان الشيخ . (القاهرة، مصر).

مكتب التمثيل بجمهورية مصر العربية:

مركز الحوار للدراسات السياسية والإعلامية .
2 ش الشركات متفرع من ش رشدى - عابدين - القاهرة - مصر .
ت / ف: 00223920375 . موبايل: -01021396352
01221646442 . (+2)
بريد إلكتروني: hcpms.hewar2@gmail.com

د. دميترييف كيريل . (سنت-أندروس، المملكة المتحدة وشمال إيرلندا).
د. كوزنيتسوف فاسيلي أ.، دكتوراه العلوم اللغوية (موسكو، روسيا).
د. كياملوف سعيد.خ.، دكتوراه في العلوم اللغوية (موسكو، روسيا).
د. المازوفا ليلي .إ.، دكتوراه في العلوم الفلسفية (قازان، روسيا).
د. ليبيديف فلاديمير.ف.، دكتوراه في العلوم اللغوية (موسكو، روسيا).
د. الأرفه لي، ب. (بيروت، لبنان).
كاشاف شاميل.ر. (موسكو، روسيا).
د. صابيروفا ديانا ، ر.د.، دكتوراه في العلوم التربوية (قازان، روسيا).
أستاذ / دكتور محمدجانوفا فلورا، غ. د.، دكتوراه في العلوم التربوية (قازان، روسيا).

(متاحة مجاناً)

حقوق النشر تعود لمجلة الدراسات العربية الأوراسية

Kazan (Volga Region) Federal University
Egyptian-Russian Foundation for Culture and Science
Arabic culture centre "Al-Khadara"
Awalim Center for Research and Communication

EURASIAN ARABIC STUDIES
Scientific journal

2022, vol. 5, no. 3

ISSN 2619-1261

DOI: 10.26907/2619-1261

Hosted on the databases of **eLIBRARY.RU**, **CyberLeninka**,
and **Ulrich's Periodicals Directory**

Published since August 2018 – 4 issues per year

Categories and specialties of the journal

Philology:

5.9.2. Literature of the peoples of the world

5.9.6. Languages of the peoples of foreign countries

5.9.8. Theoretical, applied and comparative Linguistics

Pedagogy:

5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education

5.8.2. Theory and methodology of teaching

and upbringing (by areas and levels of education)

5.8.7. Methodology and technology of professional education

Historical sciences:

5.6.2. General history

5.6.3. Archeology

5.6.7. History of International relations and Foreign policy

Theology (research direction: Islam):

5.11.1. Theoretical theology

5.11.2. Historical theology

5.11.3. Practical theology

Editorial address:

Office 117, 3, M. Mezhlauk str., Kazan, Russia, 420008

Phone: +7 (843) 221-33-92

E-mail: arabicstudies@mail.ru

Web Site: <http://eas20188.org>

Founders: Ramil Ravilovich Khayrutdinov, Nailya Gabdelkhamitovna Mingazova

Registered by the Federal service for supervision of communications, information technology, and mass media. Certificate of registration of the printed media source (journal) ПИ № ФС 77-73332. Issued on July 24, 2018.

Signed for printing 28.03.2022. Offset paper. Digital printing.

Page size 60x84/8. Printed copies 500 copies. Printed on the basis of a make-up page, assembled by the Kazan University publishing house. Date of output: 19.10.2022

Publisher's profile: Non-commercial organization "The Institute of Cultural Legacy"

Address: 420111, Russia, Kazan, Kremlyovskaya str., 10/15.

Tel.: +7 (843) 221-33-21

Printing office addresses:

Kazan Federal University Printing House.

1/37, Professor Nuzhin str., Kazan, 420008

Phone: (843) 233-73-59, 233-73-28.

Printed in Egypt, Egyptian-Russian Foundation for Culture and Science

11769 Nozha, 114 Joseph Tito St., Heliopolis – Cairo – Egypt

Tel.: + (202) 219 271 57 & 58

Fax: + (202) 219 271 50

www.russiannewsar.com

secetary_ert@yahoo.com

Subscription and distribution:

catalog "Newspapers and magazines – 2022 the first half of the year" the Ural-Press Group of Companies, 64983

Editorial and Publishing Board

Assistant Editor

Mingazova A.R. (Kazan, Russia)

Science Editor

Subich V.G., Candidate of Philology (Kazan, Russia)

Website Operator

Vitol E.V. (Kazan, Russia)

Output Editor

Vitol E.V. (Kazan, Russia)

Corrector

Khabibullina A.M. (Kazan, Russia)

Founder, Editor-in-chief

Khayrutdinov R.R., Candidate of History, Associate Professor (Kazan, Russia)

Founder, Executive Editor

Mingazova N.G., Candidate of Philology, Associate Professor (Kazan, Russia)

Deputy Editor

Zakirov R.R., Candidate of Philology, Associate Professor (Kazan, Russia)

Deputy Editor

Al-Ammari M.S., Candidate of Pedagogy, Associate Professor (Kazan, Russia)

President of the Editorial Board

Al-Foadi R.A., Ph.D., Professor (Baghdad, Iraq)

Board Executives

Al-Jarf R.S., Ph.D., Professor (Riyadh, Saudi Arabia)

Bernikova O.A., Candidate of Philology, Associate Professor (Saint Petersburg, Russia)

Ibragimov I.D., Candidate of Pedagogy, Associate Professor (Pyatigorsk, Russia)

Kirillina S.A. Doctor of History, Professor (Moscow, Russia)

Editorial Board

Alekseev I.L., Candidate of History (Moscow, Russia)

Alikberov A.A., Candidate of History (Moscow, Russia)

Almazova L.I., Candidate of Philosophy (Kazan, Russia)

Al-Musawi S. Ph.D., Associate Professor (Tetouan, Morocco)

al-Sharkawi M., Ph.D., Associate Professor (Detroit, USA)

Andreasyan A.K., Candidate of Philology (Yerevan, Armenia)

Belhamiti M.E.-M., Candidate of Philology (Oran, Algeria)

Bolshakov A.O., Ph.D., Professor (Saint Petersburg, Russia)

Chuprygin A.V. (Moscow, Russia)

Chuprygina L.A. (Moscow, Russia)

Dmitriev K., Ph.D. (St Andrews, United Kingdom)

Dyakov N.N., Ph.D., Professor (Saint Petersburg, Russia)

El-Hannach M., Ph.D., Professor (Fez, Morocco)

ElSheikh N. professor (Cairo, Egypt)

Farah S., Ph.D., Professor (Moscow, Russia)

Frolov D.V., Ph.D., Professor (Moscow, Russia)

Galiev, M.Kh., Candidate of Philology (Moscow, Russia)

Gatin M.I. (Cairo, Egypt)

Gazizova A.I., Doctor of Pedagogy, Professor (Kazan, Russia)

Gunther S., Ph.D., Professor (Göttingen, Germany)

Kashaf Sh. R. (Moscow, Russia)
Kuznetsov V.V., Candidate of History (Moscow, Russia)
Kyamilev S.Kh., Candidate of Philology (Moscow, Russia)
Lazzerini E., Ph.D., Professor (Bloomington, USA)
Lebedev V.V., Candidate of Philology (Moscow, Russia).
Mukhametzyanova F.G., Doctor of Pedagogy, Professor (Kazan, Russia)
Naumkin V.V., Ph.D., Professor (Moscow, Russia)
Orfali B., Ph.D. (Beirut, Lebanon)
Piotrovsky M.B., Ph.D., Professor (Saint Petersburg, Russia)
Popov V.V., Candidate of History (Moscow, Russia)
Prozorov S.M., Candidate of History (Saint Petersburg, Russia)
Redkin O.I., Doctor of Philology, Professor (Saint Petersburg, Russia)
Reisner M.L., Doctor of Philology, Professor (Moscow, Russia)

Rezvan E.A., Doctor of History, Professor (Saint Petersburg, Russia)
Sabirova D.R., Doctor of Pedagogy (Kazan, Russia)
Schulz E., Ph.D., Professor (Leipzig, Germany)
Shaikhullin T.A., Doctor of Philology, Associate Professor (Kazan, Russia)
Suvorov M.N., Doctor of Philology, Professor (Saint Petersburg, Russia)
Sykiainen L.R., Ph.D., Professor (Moscow, Russia)
Timerkhanov A.A., Doctor of Philology, Associate Professor (Kazan, Russia)
Tulebaeva S.A., Doctor of Philology, Associate Professor (Nur-Sultan, Kazakhstan)
Khiridi I.A., Dr. (Cairo, Egypt)

Representative Office in A.R.E.:

Al-Hewar Center for political & Media Studies.
2 El Sharekat St.-Roshdy St., Abdin, Cairo, Egypt.
T-F: (+202) 23920375- (+2) 01021396352-01221646442
E-mail: hcprms.hewar2@gmail.com

Available free of charge
©Eurasian Arabic Studies, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Колонка главного редактора (на русском языке)	12
Колонка главного редактора (на арабском языке)	13
Колонка главного редактора (на английском языке)	14
Колонка главного редактора (на татарском языке)	15

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Адыгезалов А. Р. Описательный перевод как один из способов образования военно-технической терминологии в арабском языке (на русс.)	16
Мингазова Н. Г., Закиров Р. Р., Субич В. Г. Асимметрия подходов изучения категории сослагательного наклонения в английском и арабском языках (на русс.)	28
Шайхаттарова З. З. Особенности перевода стилистических средств с арабского на русский язык (на примере романа Нагиба Махфуза «Вор и собаки») (на русс.)	47

ТЕОЛОГИЯ

Пирбари Д. В., Мосаки Н. З. Езидская рукопись – Мшур Пира Амара Кубайси: критический анализ (на англ.)	66
Седанкина Т. Е. Научно-исследовательская деятельность теолога как особый вид поклонения всевышнему (на русс.)	88

المحتويات

- ١٢ كلمة رئيس التحرير (باللغة الروسية)
١٣ كلمة رئيس التحرير (باللغة العربية)
١٤ كلمة رئيس التحرير (باللغة الانجليزية)
١٥ كلمة رئيس التحرير (باللغة النتارية)

العلوم اللغوية

- ١٦ أديجيزالوف أ. الترجمة الوصفية كواحدة من طرق تشكيل المصطلحات العسكرية التقنية باللغة العربية (بالروسية)
٦٨ مينجازوفا ن. ج. ، زاكيروف ر. ر. ، سوبيتش ف. ج. عدم تناسق المقاربات لدراسة فئة الحالة المزاجية الشرطية باللغتين الإنجليزية والعربية (بالروسية)
٤٧ شيخاتاروفا ز. ترجمة الوسائل الأسلوبية من العربية إلى الروسية (على سبيل المثال رواية نجيب محفوظ "اللس والكلاب") (بالروسية)

علم اللاهوت

- ٦٦ بيرباري د. ف. ، موساكي ن. ز. المخطوطة اليزيدية-مشور بيرأ أمارا كوبايسي: تحليل نقدي (باللغة الإنجليزية)
٨٨ سيدانكينات. نشاط البحث العلمي لللاهوتي كنوع خاص من عبادة الله سبحانه وتعالى (بالروسية)

CONTENTS

Editor-in-Chief column (In Russian)	12
Editor-in-Chief column (In Arabic)	13
Editor-in-Chief column (In English)	14
Editor-in-Chief column (In Tatar)	15

PHILOLOGY

Adygezalov A. R. The descriptive translation as a way of creating military terminology in Arabic (in Russ.)	16
Mingazova N. G., Zakirov R. R., Subich V. G. Asymmetry of Approaches to Investigating the Subjunctive Mood in the English and Arabic Languages (in Russ.)	28
Shaykhattarova Z. Z. Features of the translation of stylistic means from Arabic into Russian (on the example of the novel by Nagib Mahfuz “The Thief and Dogs”) (in Russ.)	47

THEOLOGY

Pirbari D. V., Mossaki N. Z. A Yezidi Manuscript – Mišūr of Pir Amar Qubaysi, its study and critical analysis (in Eng.)	66
Sedankina T. E. The theologian’s research activity as a special kind of worship of the almighty (in Russ.)	88

Дорогие читатели!

Выходит в свет очередной выпуск нашего журнала «Арабистика Евразии».

13-14 октября 2022 г. в Казанском (Приволжском) федеральном университете пройдет III Международный научный форум «Россия-Африка: политика, экономика, история и культура» и VII Всероссийская студенческая олимпиада с международным участием по арабскому языку, которые призваны популяризировать арабский язык и культуру, что ведет к укреплению академических и научных связей Российской Федерации с Арабским миром и странами Азии и Африки. Проведение подобных мероприятий способствует упрочению имиджа России как одного из глобальных лидеров на международной арене.

В текущий номер журнала «Арабистика Евразии» включены научные изыскания ученых из Грузии и Российской Федерации, посвященные критическому анализу Езидской рукописи – Мшуры Пира Амара Кубайси; рассмотрению стилистических особенностей перевода романа известного египетского писателя, лауреата Нобелевской премии по литературе 1988 г. Нагиба Махфуза «Вор и собаки» на русский язык; исследованию специфики описательного способа перевода при образовании военно-технической терминологии в арабском языке; освещению ассиметричных подходов в изучении категории сослагательного наклонения в английском и арабском языках; описанию особенностей научно-исследовательской деятельности теолога.

В этом номере журнала продолжается публикация серии заметок заместителя главного редактора журнала М.С. Аль-Аммари о Республике Татарстан в 80-е – 90-е годы XX в. в рубрике «Путевые заметки».

Мы надеемся, что этот выпуск журнала внесет значительный вклад в распространение научных идей отечественных и зарубежных ученых-арабистов и исламоведов на пути развития арабистики.

С уважением, учредители
шеф-редактор Рамиль Хайрутдинов,

главный редактор Наиля Мингазова

القراء الأعزاء،

صدر العدد الدوري لمجلتنا "الدراسات العربية الاسيوية" و ستُجرى في الفترة من 13-14 من شهر تشرين الاول في رحاب جامعة قازان الفدرالية على نهر الفولغا الندوة العلمية الدولية الثالثة "روسيا – افريقيا: السياسة، الاقتصاد، التاريخ والثقافة" والاولمبياد الطلابي السابع لعموم روسيا بمشاركة دولية في اللغة العربية تدعو لنشر اللغة والثقافة العربية، مما يؤدي الى تعزيز العلاقات الأكاديمية والعلمية لروسيا الاتحادية مع العالم العربي وبلدان اسيا وافريقيا

ان اجراء مثل هذه الفعاليات يساعد على تعزيز صورة روسيا كأحد القادة العالميين في المضمار الدولي. أدرجت في العدد الحالي بحوثا علمية لعلماء من جورجيا وروسيا الاتحادية وهي مكرسة للتحليل النقدي للمخطوطة الايزيدية لبيير مشور لعمار الكبيسي، وكذلك لبحث خصائص ترجمة رواية الكاتب المصري الشهير الحائز على جائزة نوبل في الأدب 1988 نجيب محفوظ "اللص والكلاب" الى اللغة الروسية، ولبحث خصائص الاسلوب الوصفي للترجمة عند اشتقاق المصطلحات العسكرية التقنية في اللغة العربية. وكرست ايضا لتسليط الضوء على المقاربات غير المتماثلة في دراسة الحالة الشرطية باللغتين الإنجليزية والعربية و لوصف ملامح نشاط العلمي البحثي لرجل الدين

يستمر في هذا العدد من المجلة نشر سلسلة من ملاحظات نائب رئيس تحرير المجلة م. س. العماري عن "جمهورية تتارستان في 80-90 من القرن العشرين بعنوان "ملاحظات السفر

نأمل أن يسهم هذا العدد من المجلة إسهاما كبيرا في نشر الأفكار العلمية للعلماء العرب وعلماء الإسلام المحليين والأجانب على طريق تطوير الدراسات العربية.

أ.د. رحيم علي الفوادي

raheem_3friend@yahoo.com

Dear readers!

The next issue of “Eurasian Arabic Studies” is coming out.

On October 13-14, 2022, the Kazan (Volga Region) Federal University will host the III International Scientific Forum "Russia-Africa: Politics, Economics, History and Culture" and the VII All-Russian Student Olympiad with international participation in Arabic, which are designed to popularize the Arabic language and culture, which leads to the strengthening of the academic and scientific ties of the Russian Federation with the Arab world and the countries of Asia and Africa. The holding of such events contributes to strengthening the image of Russia as one of the global leaders in the international arena.

The current issue of the journal “Eurasian Arabic Studies” includes scientific research by scientists from Georgia and the Russian Federation, devoted to the critical analysis of the Yezidi manuscript – Mshura Pir Amar Kubaisi; consideration of the stylistic features of the translation of the novel by the famous Egyptian writer, Nobel Prize winner in literature in 1988 Naguib Mahfouz “The Thief and Dogs” into Russian; the study of the specifics of the descriptive method of translation in the formation of military-technical terminology in Arabic; highlighting asymmetric approaches in the study of the category of the subjunctive mood in English and Arabic; description of the features of the research activities of the theologian.

The current edition of the journal continues the section “Travel Diary” based on the impressions of the Republic of Tatarstan gained by Editor-in-Chief Deputy, M.S. Al-Ammary, in 1980s-90s.

We hope that our journal and the upcoming developments will contribute to the dissemination of the scientific ideas of the Russian and foreign specialists of the Arabic and Islamic studies for the benefit of the development of the Arabic studies.

Sincerely, the founders
Editor-in-Chief Ramil Khayrutdinov,

Executive Editor Nailya Mingazova

Хөрмәтле укучылар!

«Евразия Арабистикасы» журналының чираттагы саны дөнья күрдө.

2022 елның 13-14-нче октябрҙә Казан (Идел буе) федераль университетында «Россия-Африка: сәясәт, иҡтисад, тарих һәм мәдәниәт» исемле III-нче халыкара фәнни форумы һәм Гарәп теле буенча VII-нче Бөтөнроссия студентлар олимпиадасы уздырыла. Олимпиаданың максаты – гарәп телен һәм мәдәниәтен популярлаштыру. Бу үз чиратында Россия Федерациясенең гарәп илләре һәм, гомумән, Азия һәм Африка илләре белән булган академик һәм фәнни бәйләнешләрен нығытуға юнәлтелгән. Мондый чаралар үткәрү Россиянең халыкара аренаһында булган лидерлык имиджын нығытуға ярҙәм итә.

«Евразия Арабистикасы» журналының әлеге санында Грузия һәм Россия Федерациясе галимнәренең түбәндәге фәнни тикшеренүләре бастырылды: Мшура Пир Амар Кубайсының Йәзид кулъязмасын критик анализлау турында; танылган Мисыр язучысы, 1988-нче ел Нобель премиясе лауреаты Нагиб Махфузның «Карак һәм этләр» романының рус теленә тәржәмәһендә стилистик үзенчәлектәрен өйрәнү турында; гарәп телендә хәрби-техник терминнар ясалганда тасвирлау юлы белән тәржемә итү үзенчәлектәрен өйрәнү турында; инглиз һәм гарәп телләренең теләк фигуралы категорияһен өйрәнгәндә асимметрик карашларны яҡтырту турында; теологның тикшеренү эшчәнлеген үзенчәлектәрен тасвирлау турында.

Шулай ук «Сәяхәт язмалары» рубрикаһында журналыбыҙның баш мөхәррир урынбасары М. С. Әл-Гаммәриның XX-нче ғасырның 80–90-нчы елларында Татарстан Республикаһы турында язмаларын бастыру дәвам итә.

Журналыбыҙның әлеге саны безнең ил һәм чит ил гарәп һәм ислам белгечләренең фәнни идеяләрен таратуда үз өлөшөн кертәчәк, дип ышанып калабыз.

Ихтирам белән, оештыручылар
шеф-мөхәррир Рамил Хәйретдинов,

баш мөхәррир Наилә Минһажева

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

العلوم اللغوية

PHILOLOGY

Филология

Научная статья

УДК: 821.411.21

DOI: 10.26907/2619-1261.2022.5.3.16–27

Описательный перевод как один из способов образования военно-технической терминологии в арабском языке

Ариф Роят оглы Адыгезалов

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

arhiststar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1287-6953>

Аннотация. В статье рассматривается один из способов образования военно-технических терминов в арабском языке – описательный перевод. Изучение данного и других способов имеет важное значение для арабской лексикологии, поскольку военно-техническая терминология представляет собой особый пласт лексики арабского литературного языка и является одной из активно пополняющихся лексических групп в этом языке с учетом расширения контактов между арабским миром и странами Европы, Россией, США и некоторыми другими странами в разных сферах сотрудничества, в том числе и в сфере поставок вооружений. Появление в тех или иных арабских странах новой военной техники обуславливает необходимость создания в арабском языке терминов, которые их обозначают, или поиска эквивалентов для иностранной военной терминологии. При этом способы, при помощи которых иноязычные военно-технические термины приспособляются к арабскому языку, могут представлять большой интерес для ученых-лексикологов, изучающих процесс обогащения арабского языка новыми терминами в военной сфере. В то же время изучение военно-технической терминологии в арабском языке, систематизация данных терминов важны и

потому, что такую терминологию постоянно используют на практике военные специалисты, нередко она применяется и в средствах массовой информации.

На данный момент существует небольшое количество работ, посвященных изучению заимствований военно-технических терминов при помощи описательного перевода. Основные научные труды в этой области представляют собой статьи, анализирующие, прежде всего, конкретные примеры таких терминов без анализа общей ситуации в области арабской военной терминологии и без их связи с различными способами терминообразования, принятыми в арабском языке. Поэтому в данной статье предпринимается попытка обозначить общую классификацию способов образования терминов в военно-технической сфере, и, на примере выборки таких терминов, определить место описательного перевода в обозначенной ранее области арабской терминологии.

Ключевые слова: военно-технический термин, словообразование, описательный перевод, терминологическое словосочетание, эквивалент термина, генитивная конструкция (изафет)

Для цитирования: Адыгезалов А. Р. Описательный перевод как один из способов образования военно-технической терминологии в арабском языке // Арабистика Евразии. 2022. т. 5 № 3. С. 16–27. DOI: 10.26907/2619-1261.2022.5.3.16–27.

Philological studies

Original article

The descriptive translation as a way of creating military terminology in Arabic

Arif Royat ogly Adygezalov

Moscow State University, Moscow, Russia

arhiststar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1287-6953>

Abstract. The article describes one of the ways of creating military terms in Arabic – descriptive translation. The study of this and other methods is important for Arabic lexicology, since military terminology is a special layer of the vocabulary of the Arabic language and is one of the actively growing lexical groups in this language, taking into account the expansion of contacts between the Arab world and European countries, Russia, the USA and some other countries in various areas of cooperation,

including the field of arms supplies. The appearance of new military equipment in certain Arab countries necessitates the creation of terms in the Arabic language that denote them, or the search for equivalents for foreign military terminology. The way in which foreign military terms adapt to the Arabic language and how this area of lexicology develops in this language as a whole may be of great interest to lexicologists. At the same time, the study of military terminology in Arabic, the systematization of these terms is also important because such terminology is constantly used in practice by military specialists, and often it is also used in the media.

At the moment, there are quite a few works devoted to the study of borrowings of military terms in Arabic with the help of descriptive translation. The main scientific works in this area are small articles that analyze, first of all, specific examples of such terms without analyzing the general situation in the field of Arabic military terminology and without their connection with various methods of term formation adopted in Arabic. In this regard, this article attempts to represent a general classification of the ways of forming terms in the military sphere, and, using the example of a selection of such terms, to determine the place of descriptive translation in the previously designated area of Arabic terminology.

Keywords: military terms, word formation, descriptive translation, terminological phrase, term equivalent, idafa construction

For citation: Adygezalov A. R. The descriptive translation as a way of creating military terminology in Arabic. *Eurasian Arabic Studies*. 2022;5(3):16–27. DOI: 10.26907/2619-1261.2022.5.3.16–27.

Введение

Отечественные (среди них В. М. Белкин [1, 201 с.]) и зарубежные лингвисты (К. Ферстег [2, 288 с.], Рамадан Ахмад ал-Мграб [3, с. 75–85]) по-разному классифицируют способы образования терминов в арабском языке. Тем не менее, между этими классификациями есть общие черты (например, все перечисленные лингвисты обращали внимание на приспособление заимствованных терминов к арабским словообразовательным моделям (словообразовательная модель, по определению отечественного лексиколога В. М. Белкина, «представляет собой прерывистую морфему, которая состоит либо из одних гласных, либо же из комбинации гласных и согласных») [1, с. 64–65]). Если обобщить данные способы и выделить наиболее распространенные, то получится такая классификация:

- Образование терминов путем применения арабских словообразовательных моделей.
- Описательный перевод с передачей смысла иностранного термина (что эквивалентно *al-ishtiqaq bi-t-tarjamah* (транслитерация представлена в соответствии с требованиями кафедры арабской филологии ИСАА МГУ)).
- Прямое заимствование термина (транскрипция и транслитерация).
- Трансформация иноязычного термина путем словосложения или эллипсирования (сокращения).
- Использование исконно арабских слов и придание им нового лексического значения на основе сходства с первоначальным значением.

Говоря об описательном переводе («описательный перевод – способ перевода безэквивалентной лексики, заключающийся в раскрытии значения исходной функции с помощью развернутого описания» [4, с. 124]) как одном из способов образования военно-технической терминологии в арабском языке, стоит упомянуть, что арабский лингвист Рамадан Ахмад ал-Мграб выделил в рамках словообразования (*al-ishtiqaq*) такую его разновидность, как *al-ishtiqaq bi-t-tarjamah* («словообразование путем перевода»). Такое словообразование подразумевает прямой перевод термина на арабский, зачастую его объяснение с использованием исконно арабских слов, передачу его общего смысла, т.е. описательный перевод. Для выражения значения термина в таком случае, как правило, используются словосочетания, включающие два и более слов. Стоит также отметить, что у данного способа нет четких правил, поэтому каждый новый термин, переведенный на арабский язык таким образом, может обладать своими отличительными чертами.

Материалы и методы исследования

На данный момент существует достаточно мало работ, посвященных изучению заимствований военно-технических терминов при помощи описательного перевода. Основные научные труды в этой области представляют собой небольшие статьи, анализирующие, прежде всего, конкретные примеры таких терминов без анализа общей ситуации в области арабской военной терминологии (как, например, в статье П. Е. Демина «Особенности образования военных терминов в современном арабском языке» [5, с. 105–109]).

В качестве источниковой базы данного исследования можно отметить работы отечественных ученых-лексикологов, прежде всего, монографию

В. М. Белкина «Арабская лексикология». Наряду с ними, важную роль в исследовании поставленного вопроса сыграли труды европейских и арабских лингвистов, таких, как Кес Ферстер («The Arabic Language» [2, 288 с.]), Р. А. ал-Мграб («The Creation of Terminology in Arabic» [3, с. 75–85]), С. Хамди («Lexical Borrowing in Arabic and the Role of Orthography») [6, с. 17-32] и др. Стоит отметить также практическую ценность «Арабско-русского и русско-арабского военного словаря» И. С. Данилова, В. И. Рыжкова и М. Г. Анисимова 1965 года [7, 704 с.], «Русско-арабского военного словаря» Р. А. Епифанова 2013 года [8, 390 с.], книг И. И. Марущака и А. В. Старикова «УМК Армейские международные игры. Танковый биатлон: арабский язык» [9] и «Основы военного перевода: арабский язык: учебное пособие. В двух частях. Часть 1» [10], а также материалов таких арабских СМИ, как Aljazeera [11], RT Arabic [12] и др.

В ходе исследования были рассмотрены 367 военно-технических терминов, взятых из вышеупомянутых словарей, систематизированы материалы по различным способам терминообразования в арабском литературном языке, в том числе по описательному переводу, а также впервые рассмотрен данный способ в отношении военно-технических терминов посредством отбора некоторого числа терминов, их классификации и сопоставительного анализа.

Результаты

В вышеупомянутой выборке военно-технических терминов было найдено множество примеров использования описательного перевода (зачастую вместе с другими способами). Среди этих примеров 197 слов и словосочетаний связано только с рассматриваемым способом. Ниже приведем некоторые из них:

Русский термин	Арабский термин	Буквальный перевод арабского термина
Паровая катапульта	آلة بخارية لإطلاق الطائرات (ālah bukhāriyyah li-ʾitlāq at-ṭāʾirāt)	«Паровое устройство для запуска летательных аппаратов»
Канонерка	سفينة حربية صغيرة للدفاع عن السواحل (saḡīnah ḥarbiyyah ṣaghīrah li-d-difāʿ ʿan as-sawāḥil)	«Маленький военный корабль для защиты берегов»
Минный раскладчик	عربة زرع الألغام (ʿarabat zarʿ al-ʾalghām)	«Машина, которая сажает мины»
Саперный танк	عربة اقتحام المهندسين العسكريين	«Штурмовая машина»

	(‘arabat iqtihām al-muhandisīn al-‘askariyyīn)	военных инженеров»
Осколочно-фугасный снаряд	دانة شديدة الانفجار ذات شظايا (dānah shadīdat al-infijār dhāt shazāyā)	«Снаряд, вызывающий сильный взрыв с осколками»
Зенитный танк	دبابة ضد الطائرات (dabbābah ḍidda aṭ-ṭā’irāt)	«Противосамолетный танк»
Антиобледенитель	آلة لرفع الثلوج (ālah li-raf’ ath-thulūj)	«Устройство для удаления льда»
Эхолот	آلة قياس الأعماق (ālat qiyās al-’a’māq)	«Устройство для измерения глубин»
Лафет	عربة المدفع (‘arabat al-midfa’)	«Телега для пушки»
Бризантная граната	قنبلة شديدة الانفجار (qunbulat shadīdat al-infijār)	«Бомба, вызывающая сильный взрыв»

Первое терминологическое сочетание ālah bukhāriyyah li-’iṭlāq aṭ-ṭā’irāt означает «паровая катапульта». Поскольку слово «катапульта» иностранного происхождения и обозначает некоторое устройство, арабы перевели его с помощью слова ālah, которое можно использовать для обозначения различных инструментов, аппаратов. При этом данное слово часто встречается в других примерах нашей выборки терминов, не представленных в таблице (например, ālat raṣṣ al-’alghām – «минный раскладчик», ālat qiyās al-’a’māq – эхолот и др.). Кроме того, само сочетание «паровая катапульта» не разъясняет функцию данного устройства, поэтому в арабском языке к словосочетанию ālah bukhāriyyah посредством частицы цели lām добавляется другое словосочетание – ’iṭlāq aṭ-ṭā’irāt, которое указывает на предназначение прибора («запуск летательных аппаратов»).

Стоит обратить внимание на следующее длинное словосочетание – saḥnāh ḥarbiyyah ṣaghīrah li-d-difā’ ‘an as-sawāḥil («канонерка»). Арабский эквивалент этого термина довольно точно описывает функцию канонерской лодки, которая применяется во время военных действий на берегу рек или других водоемов для охраны гавани. Для того чтобы дать общую характеристику данной техники в арабском словосочетании используется слово saḥnāh («корабль»), хотя в некоторых языках канонерку называют «лодкой» (напр., в англ. gunboat).

Арабский вариант этого термина более близок к реальному описанию канонерки, поскольку она представляет собой более крупное судно, чем лодка. При этом в словосочетании *safīnah ḥarbiyyah ṣaghīrah li-d-difāʿ ‘an as-sawāḥil* также подчеркивается, что это небольшое (*ṣaghīrah*), по сравнению с кораблем, судно, которое используется в военных целях (*ḥarbiyyah*), затем дается объяснение его функции (*li-d-difāʿ ‘an as-sawāḥil*).

Третье терминологическое сочетание, которое можно рассмотреть в рамках выборки – *‘arabat zar‘ al-’alghām* («минный раскладчик»). Первое слово *‘arabah* обобщенно указывает на то, что данная техника – разновидность сухопутного (в данном случае – колесного) транспорта, за ним следует метафорическое объяснение его функции (техника «сажает» мины на землю как сельскохозяйственные культуры, то есть закапывает, раскладывает их). Можно отметить, что в данном примере, в отличие от предыдущих, где при обозначении предназначения военной техники используется частица цели *lām*, применяется генитивная конструкция (изафет).

В следующем примере (*‘arabat iqtihām al-muhandisīn al-‘askariyyīn*) для общей характеристики «саперного танка», как и в случае с *‘arabat zar‘ al-’alghām*, используется слово *‘arabah*, хотя в арабском языке есть конкретный термин, обозначающий танк – *dabbābah*. В арабском эквиваленте, представляющем собой генитивную конструкцию (изафет), есть указание на то, что он предназначен для преодоления некоторых препятствий: доказательством этому служит слово *iqtihām* – «штурм». Помимо этого, в данном терминологическом сочетании упоминаются военные инженеры, которые применяют этот вид техники. Действительно, саперный танк, который также называют инженерным, используется, прежде всего, для решения инженерных задач на поле боя (например, осуществление грузоподъемных работ). Несмотря на то, что арабский эквивалент менее лаконичен, чем русский термин, он более емко и четко описывает то, что представляет собой данная военная техника.

Еще одно терминологическое сочетание, которое можно рассмотреть в рамках описательного перевода – *dānah shadīdat al-infijār dhāt shazāyā* («осколочно-фугасный снаряд»). В русско-арабском военном словаре Р. А. Елифанова отмечается, что это словосочетание как эквивалент выражения «осколочно-фугасный снаряд», чаще всего употребляется в Египте [8, с. 314]. Здесь представлена другая конструкция, в которой к слову *dānah* («снаряд») добавляется два определения, как в русском варианте. При этом нужно обратить внимание на то, что эти определения оформлены двумя разными способами: первое *shadīdat al-infijār* («фугасный») – генитивная конструкция (изафет), в которой главное слово – прилагательное, а второе (*dhāt*

shazāyā) – сочетание именного слова dhāt («обладающая»), передающее в арабском языке значение русского предлога «с», и слова shazāyā («осколки»). Оба определения согласуются с существительным dānah по всем присущим ему грамматическим категориям, в том числе по роду (в данном случае – женский) и неопределенному состоянию. Если второе определение довольно близко по переводу к слову «осколочный», то первое представляет собой разъяснение значения прилагательного «фугасный» через отличительную черту фугасных снарядов – вызывать сильный взрыв. В целом арабский эквивалент термина «осколочно-фугасный снаряд» соответствует основному содержанию переводимого понятия.

Следующий термин в таблице – dabbābah ḍidda aṭ-ṭā'irāt («зенитный танк») можно дословно перевести как «противосамолетный танк». Возможно, в арабский язык он попал путем калькирования, поскольку подобным образом такой термин переводится и в ряде других языков (англ. anti-aircraft tank, франц. char antiaérien и т.д.). При переводе термина «зенитный танк» используется атрибутивная конструкция: к термину dabbābah («танк») присоединяется определение, оформленное как генитивная конструкция (изафет). Стоит отметить, что существительное ḍidda и однокоренное с ним прилагательное muḍādd зачастую применяются в арабских терминах как эквиваленты русским префиксам анти-, против- (напр.: «противотанковое оружие» – bunduqiyyah muḍādda li-d-dabbābāt и др.).

В терминологическом сочетании ālah li-raḥ' ath-thulūj («антиобледенитель») так же, как и в некоторых описанных выше примерах, используется слово ālah для обозначения некоторого устройства. К нему присоединяется генитивная конструкция посредством частицы цели lām для обозначения функции упомянутого оборудования. Буквальный перевод данного термина несколько отличается от русского варианта, где имеется в виду защита какой-либо техники от обледенения, в то время как в арабском термине подразумевается устройство, которое удаляет ледяную корку с поверхности военной техники.

Похожим способом образовано и терминологическое сочетание ālat qiyās al-'a'māq («эхолот»). В нём можно выделить слово ālah и генитивную конструкцию qiyās al-'a'māq, раскрывающую функцию этой техники. В этом примере в очередной раз проявляется тенденция, предполагающая избегание прямых заимствований и применение арабского лексического фонда. В связи с этим термин представлен не в такой лаконичной форме, как, например, в русском языке. Это относится и к термину 'arabat al-midfa', который обозначает лафет, т.е. опору для ствола орудия. В отличие от русского языка, в арабском используется собственное наименование. Стоит отметить, что здесь уже не употребляется слово ālah по отношению к данной технике; напротив,

наблюдается конкретизация значения, поскольку ‘arabah включает в себя значение средства передвижения. Это важно, так как лафеты всегда применялись для перевозки орудий на дальние расстояния.

Последний термин в таблице – qunbulat shadīdat al-infijār («бризантная граната»). Несмотря на то, что в арабском языке есть часто употребляемый эквивалент термина «граната» (ar-rumānah), в данном примере используется слово qunbulah, обозначающее бомбы в общем смысле. Кроме того, генитивная конструкция shadīdat al-infijār не совсем точно раскрывает смысл понятия «бризантный» (бризантность связана со способностью взрывчатых снарядов дробить горные породы, металл), поскольку указывает лишь на силу производимого устройством взрыва.

Выводы

Таким образом, основная конструкция, применяемая при создании военно-технических терминов с помощью описательного перевода, включает в себя существительное, обозначающее абстрактный объект (например, «танк», «патрон» и т.д.), и присоединяемое к нему посредством дополнительных средств (именных слов dhū, генитивной конструкции (изафета) и т.д.) словосочетание, которое разъясняет функцию того или иного технического устройства. Стоит отметить, что вместо иноязычного существительного, эквивалент которого отсутствует в арабском языке, в словосочетании может употребляться слово общего характера (устройство, оборудование – ‘arabah, ālah), само по себе не связанное с военным делом. Большое количество терминов, образованных с помощью данного способа, подтверждает стремление носителей арабского языка использовать преимущественно арабские лексические единицы и синтаксические конструкции, передавая лишь смысл, который термин содержит в себе. Основным недостатком описательного перевода можно назвать громоздкость созданных военно-технических терминов, которая может вызывать неудобства при практическом их употреблении. Тем не менее, описательный перевод довольно часто применяется при переводе иноязычных терминов, причем нередко вместе с другими способами. Так, термин muqātilah maḥmūlah ‘alā as-safīnah («корабельный истребитель») в целом представляет собой описательный перевод, в котором слово muqātilah образовано с помощью эллиптирования.

Также стоит обратить внимание на то, что рассмотренные нами термины, которые были образованы с помощью описательного перевода, с течением времени не подвергались серьезным изменениям, что подтверждает сопоставление двух

словарей военных терминов (под ред. И. С. Данилова 1965 и Р. А. Епифанова 2013 г.). При этом можно упомянуть особенности некоторых терминов.

1) Терминологическое сочетание ‘arabat zar’ al-’alghām не встречается в «Арабско-русском и русско-арабском военном словаре» 1965 года под ред. И. С. Данилова, где можно найти другой и единственный способ перевода этого иностранного термина – ālat raṣṣ al-’alghām [7, с. 674]. При этом в современном «Русско-арабском военном словаре» Р. А. Епифанова есть 4 эквивалента, включая ālat raṣṣ al-’alghām [8, с. 275]. Это указывает на то, со временем возникли новые варианты перевода рассматриваемого термина.

2) Терминологическое сочетание ‘arabat iqtihām al-muhandisīn al-’askariyyūn, взятое из «Русско-арабского военного словаря» Р. А. Епифанова 2013 г. [8, с. 333], претерпело небольшие изменения в лексическом составе при сравнении его с эквивалентом термина «саперный танк» из «Арабско-русского и русско-арабского военного словаря» И. С. Данилова, В. И. Рыжкова и М. Г. Анисимова 1965 г. (‘arabat iqtihām muhandisīn ‘asākīr) [7, с. 351]. Среди таких изменений – замена существительного множественного числа ‘asākīr («солдаты») на прилагательное al-’askariyyūn («военные»), согласующееся с существительным al-muhandisīn.

3) Термин dānah shadīdat al-infijār dhāt shazāyā, взятый из современного «Русско-арабского военного словаря» Р. А. Епифанова, ранее употреблялся в сокращенном варианте dānah shadīdat al-infijār, который приводился в качестве эквивалента термина «осколочно-фугасный снаряд» в «Арабско-русском и русско-арабском военном словаре» 1965 г. под ред. И. С. Данилова.

Итак, частое применение описательного перевода вместо, например, транслитерации в военной терминологии является явным доказательством того, что арабский язык стремится минимизировать число иностранных заимствований. В то же время при создании одних и тех же терминов параллельно с этим методом могут применяться и другие способы, что является причиной отсутствия унифицированности терминологии в арабском языке.

Список источников

1. Белкин В. М. Арабская лексикология. – М.: Изд. Московского университета, 1975. 201 с.
2. Versteegh K. The Arabic Language. – New York: Edinburgh University Press, 1997. 288 p.

3. Elmgrab R. A. The Creation of Terminology in Arabic // *American International Journal of Contemporary Research*. – Benghazi (Libya). 2016, vol. 6, no. 2. P. 75–85.
4. Латышев Л. К. Курс перевода (Эквивалентность перевода и способы ее достижения). – М., 1981. – 248 с.
5. Демин П. Е. Особенности образования военных терминов в современном арабском языке // *Научный альманах*, 2020. Т. 65. № 3–2 С. 105–109.
6. Hamdi S. Lexical Borrowing in Arabic and the Role of Orthography // *International Journal of Language and Linguistics*. – Jazan (Saudi Arabia), 2017, vol. 4, no. 2. P. 17–32.
7. Данилов И. С., Рыжков В. И., Анисимов М. Г. Арабско-русский и русско-арабский военный словарь. – М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1965. 704 с.
8. Епифанов Р. А. Русско-арабский военный словарь. – М.: МГИМО-Университет, 2013. 390 с.
9. Марущак И. И., Стариков А. В. УМК Армейские международные игры. Танковый биатлон: арабский язык. – М.: МГИМО-Университет, 2017. 261 с.
10. Марущак И. И., Стариков А. В. Основы военного перевода: арабский язык: учебное пособие. В двух частях. Часть 1. – М.: МГИМО-Университет, 2019. 242 с.
11. Al Jazeera. URL: www.aljazeera.net (дата обращения: 10.08.2022).
12. RT Arabic. URL: www.arabic.rt.com (дата обращения: 10.08.2022).

Bibliographic references

1. Belkin V. M. *Arabskaya leksikologiya* [Arabic Lexicology]. М.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta; 1975. 201 p. (In Russ).
2. Versteegh K. *The Arabic Language*. New York: Edinburgh University Press; 1997. 288 p. (In Eng).
3. Elmgrab R. A. The Creation of Terminology in Arabic. *American International Journal of Contemporary Research*. – Benghazi (Libya). 2016;6(2):75–85. (In Eng).
4. Latyshev L. K. *Kurs perevoda (Ekvivalentnost' perevoda i sposoby yeye dostizheniya)* [The Course of Translation (The Equivalence of Translation and Ways to Achieve It)]. М., 1981. 248 p. (In Russ).
5. Demin P. Y. *Osobennosti obrazovaniya voennykh terminov v sovremennom arabskom yazyke* [The features of creating of military terms in modern Arabic]. *Nauchnyi al'manakh*. 2020:105–106. (In Russ).
6. Hamdi S. Lexical Borrowing in Arabic and the Role of Orthography. *International Journal of Language and Linguistics*. Jazan (Saudi Arabia). 2017;4(2):17–32. (In Eng).

7. Danilov I. S., Ryzhkov V. I., Anisimov M. G. Arabsko-russkii i russko-arabskii voennyi slovar' [Arabic-Russian and Russian-Arabic Military Dictionary]. M., 1965. 704 p. (In Russ).
8. Epifanov R. A. Russko-arabskii voennyi slovar' [Russian-Arabic Military Dictionary]. M., 2013. 390 p. (In Russ).
9. Marushchak I. I., Starikov A. V. UMK Armeiskie mezhdunarodnye igry. Tankovi biatlon: arabskii yazyk [Army International games. Tank Biathlon: Arabic]. M.: MGIMO-Universitet; 2017. 261 p. (In Russ).
10. Marushchak I. I., Starikov A. V. Osnovy voennogo perevoda: arabskii yazyk: uchebnoe posobie. V dvukh chastyakh. Chast' 1. [Basics of Military Translation: Arabic: Textbook. In two parts. Part 1]. M.: MGIMO-Universitet; 2019. 242 p. (In Russ).
11. Al Jazeera. URL: www.aljazeera.net (дата обращения: 10.08.2022).
12. RT Arabic. URL: www.arabic.rt.com (дата обращения: 10.08.2022).

Информация об авторе

Адыгезалов Ариф Роят оглы – студент
2 курса магистратуры Института стран
Азии и Африки Московского
государственного университета им. М.
В. Ломоносова, Москва, Россия;
<https://orcid.org/0000-0002-1287-6953>,
e-mail: arhiststar@mail.ru

Information about the author

Arif Royat ogly Adygezalov – the 2nd
year Master's student of the Institute of
Asian and African Studies of Moscow
State University, Moscow, Russia;
<https://orcid.org/0000-0002-1287-6953>,
e-mail: arhiststar@mail.ru

Статья поступила в редакцию 12.08.2022; одобрена после рецензирования 16.08.2022; принята к публикации 16.08.2022.

The article was submitted 12.08.2022; approved after reviewing 16.08.2022; accepted for publication 16.08.2022.

Раскрытие информации о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure: The author declares Conflicts of Interest Disclosure.

Филологические науки

Научная статья

УДК 811.411.21

DOI: 10.26907/2619-1261.2022.5.3.28-46

**Асимметрия подходов изучения категории сослагательного наклонения
в английском и арабском языках**

**Наиля Габделхамитовна Мингазова¹, Рафис Рафаелевич Закиров²,
Виталий Глебович Субич³**

^{1, 3}Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

²Российский исламский институт, Казань, Россия

¹nailyahamat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3097-0193>

²zakrafis@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9725-8275>

³s_vitaly1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2003-7866>

Аннотация. Сослагательное наклонение относится к парадигме одной из важнейших языковых категорий – категории наклонения. В основе категории наклонения лежит отношение человека к действительности, т.е., данная категория проявляется как модальность. Наклонение во многих языках представляет собой сложное явление с многокомпонентной структурой, которую составляют семантический и грамматический аспекты. Однако, в разных языках, в зависимости от структуры, на первый план при изучении сослагательности выходят разные аспекты. Так, если говорить об индоевропейских языках, в частности, английском языке, сослагательное наклонение проявляется в них как семантико-грамматическая категория. В языках с другой грамматической структурой, например, арабском категория сослагательности предстает в первую очередь как морфологическая. Следовательно, подходы к изучению категории сослагательности в английском и арабском языках асимметричны. В результате применения функционально-семантического подхода к изучению сослагательности в английском языке зафиксированы языковые средства разных уровней: морфологического, лексического, частично синтаксического. Формальный подход к сослагательности арабского языка, наиболее точно отражает языковой статус сослагательного наклонения, позволяя выделить грамматические средства и отдельные конструкции с семой сослагательности, таким образом, иллюстрируя уникальный статус сослагательности в сравниваемых языках. В результате

исследования с применением функционально-семантического подхода в английском языке рассмотрены основные виды сослагательности: сослагательность непротиворечащая реальности, сослагательность противоречащая реальности, предположительная и условная сослагательность. При этом категория сослагательности в английском языке репрезентируется как грамматически, так и единицами лексического уровня. В арабском языке ввиду его развитой морфологизированной специфики логично при рассмотрении категории сослагательности использовать формальный подход. Сослагательность в арабском языке – категория, в первую очередь, морфологическая. Грамматико-семантические особенности сослагательности присущи условным предложениям реального и нереального типов. В исследуемых языках также распространено ирреальное действие, которое можно интерпретировать как высказывания «жаль, что» или «жаль, что не».

Ключевые слова: сослагательность, функционально-семантический подход, формальный подход, морфология, английский язык, арабский язык

Для цитирования: Мингазова Н. Г., Закиров Р. Р., Субич В. Г. Асимметрия подходов изучения сослагательного наклонения в английском и арабском языках // Арабистика Евразии. 2022. т. 5 № 3. С. 28–46. DOI: 10.26907/2619-1261.2022.5.3.28-46

Philological studies

Original article

Asymmetry of Approaches to Investigating the Subjunctive Mood in the English and Arabic Languages

Nailya G. Mingazova¹, Rafis R. Zakirov², Vitaly G. Subich³

^{1, 3}Kazan Federal University, Kazan, Russia

²Russian Islamic Institute, Kazan, Russia

¹nailyahamat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3097-0193>

²zakrafis@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9725-8275>

³s_vitaly1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2003-7866>

Abstract. The subjunctive mood belongs to the paradigm of one of the most important linguistic categories – the category of mood. Mood is based on a person's attitude to reality, i.e., this category manifests itself as modality. Mood in many languages is a complex

phenomenon with a multicomponent structure which is made up of semantic and grammatical aspects. However, in different languages, depending on the structure, different aspects come to the fore when studying the subjunctive. So, if we talk about Indo-European languages, in particular, English, the subjunctive mood manifests itself in them as a semantic-grammatical category. In languages with a different grammatical structure, such as Arabic, the category of subjunctive appears primarily as a morphological one. Consequently, approaches to the study of the category of subjunctive in English and Arabic are asymmetric. As a result of applying the functional-semantic approach to the study of subjunctive in English, linguistic means of different levels are determined: morphological, lexical, partially syntactic. The formal approach to the subjunctiveness of the Arabic language most accurately reflects the linguistic status of the subjunctive mood, making it possible to single out grammatical means and individual constructions with the same of the subjunctive, thus illustrating the unique status of the subjunctive in the compared languages. As a result of the study using the functional-semantic approach in the English language, the main types of subjunctiveness are considered: subjunctiveness that does not contradict reality, subjunctiveness that contradicts reality, hypothetic and conditional subjunctiveness. At the same time, the category of subjunctive in English is represented both grammatically and by units of the lexical level. In Arabic, in view of its developed morphologized specificity, it is logical to use a formal approach when considering the category of subjunctive. The subjunctive in Arabic is a category which, first of all, is morphological. Grammar-semantic features of subjunctiveness are inherent in conditional sentences of real and unreal types. Unreal action is also common in the studied languages, which can be interpreted as “I wish I would” or “I wish I would not”.

Keywords: subjunctiveness, morphology, functional semantic approach, formal approach, English, Arabic

For citation: Mingazova N. G., Zakirov R. R., Subich V. G. Asymmetry of Approaches to Investigating the Subjunctive Mood in the English and Arabic Languages. *Eurasian Arabic Studies*. 2022;5(3):28-46. (In Russian). DOI: 10.26907/2619-1261.2022.5.3.28-46. DOI: 10.26907/2619-1261.2022.5.3.28-46

Введение

Предметом настоящей работы является сослагательное наклонение в английском и арабском языках. Сослагательное наклонение в различных языках трактуется отечественными и зарубежными лингвистами по-разному. Так, отечественные исследователи Д. Э. Розенталь и М. А. Теленкова отмечают, что сослагательное наклонение – это наклонение, обозначающее действие, которое

говорящий мыслит как желаемое или возможное [1]. По мнению Т. Н. Лисицыной, сослагательное наклонение, выражая устанавливаемое говорящим отношение действия к действительности, указывает на возможность, желаемость, предположительность этого действия, которое может противоречить действительности, но быть реальным или нереальным ирреальным по своему исполнению [2].

Сослагательное наклонение в английском языке – категория, имеющая семантические и грамматические особенности.

М. В. Мельникова подчеркивает, что некоторые формы сослагательного наклонения в английском языке идентичны по внешнему выражению формам прошедшего времени, и отсюда их разное толкование в работах грамматистов: одни рассматривают их в качестве омонимов, другие в качестве одной формы прошедшего времени, которая служит в английском языке для выражения временного и нереального значений. Зарубежные и отечественные ученые имеют большие расхождения в теории данного вопроса. Разногласия затрагивают определение статуса категории сослагательного наклонения, выявление числа косвенных категорий, передающих нереальность, вопрос соотношения времени и наклонения. Решение этих задач неразрывно связано с общелингвистическими проблемами, среди них: проблемы соотношения парадигматики и синтагматики, синтаксиса и морфологии, омонимии и полисемии. Так, остается неясным, как осуществляется однозначное понимание предикации в английском языке при полном формальном совпадении выражения значений прошедшего времени и сослагательного наклонения, каков механизм передачи нереального значения [3].

Сослагательное наклонение в арабском языке служит для выражения предполагаемого, возможного, желаемого, сомнительного и т.д. действия и трактуется арабскими грамматистами с морфологической точки зрения [4].

Материалы и методы исследования

Сослагательное наклонение широко представлено в современном *английском языке* как синтетическими (сохранившимися из прежней парадигмы), так и аналитическими (с помощью вспомогательных глаголов **should** и **would**) формами.

Сослагательное наклонение в древнеанглийском языке выражалось только синтетическими формами, которые имели специальные флексии, отличные от форм изъявительного наклонения и передавали следующие

значения: желания, пожелания; долженствования при передаче приказа, просьбы, повеления, призыва, обращенных к III лицу; предположения, вероятности; допущения, уступки.

Настоящее время сослагательного наклонения представляло действие как желаемое, необходимое или предполагаемое в настоящем или будущем, а прошедшее время – в прошлом.

Сослагательное наклонение употреблялось во всех типах придаточных предложений, особенно в обстоятельственных: условных, временных, уступительных, сравнительных, целей и следствия.

В среднеанглийский период в результате изменения форм сослагательного наклонения и утраты флексий они совпали с формами изъявительного наклонения. В результате, оно вытесняется им и формами модального составного сказуемого. В этот период сослагательное наклонение представлено синтетическими формами, как и в древнеанглийский период. Конструкции с модальными глаголами **should, would, may, might** с инфинитивом широко представлены, но еще не имели статуса аналитических форм.

Возникновение аналитических форм сослагательного наклонения в ранненовоанглийский период связано с утратой модальными глаголами собственного лексического значения в сочетании с инфинитивом.

Также происходит разграничение аналитических форм сослагательного наклонения для передачи предполагаемого действия в настоящем или будущем (употребляется вспомогательный глагол с несовершенным инфинитивом) и в прошедшем (употребляется вспомогательный глагол с совершенным инфинитивом). Одновременно с этим происходит разграничение форм прошедшего времени сослагательного наклонения (**If I knew**) и совершенной формы (**If I had known**) [5].

Сослагательное наклонение английского языка трактуется отечественными и зарубежными лингвистами по-разному. В данной работе мы придерживаемся семантической классификации отечественных авторов (А. И. Смирницкий, В. Д. Аракин, З. З. Гатиатуллина и др.), согласно которой ирреальная модальность представлена четырьмя видами:

1. сослагательное I, которое включает высказывания, не противоречащие реальности.
2. сослагательное II – подразумевает высказывания, противоречащие действительности.

3. предположительное, которое образуется сочетанием модального глагола **should** с инфинитивом при подлежащем.

4. условное – аналитические формы с модальными глаголами **should** и **would** в главной части условного предложения [6], [7], [8].

В современном английском языке сослагательное I подразделяется на несколько видов и представлено синтетическими формами настоящего и прошедшего времени, сохранившимися с древнеанглийского периода (в основном совпадает с формами настоящего и прошедшего времени изъявительного наклонения). Как отмечает М. В. Мельникова, остается неясным, как осуществляется однозначное понимание предикации в английском языке при полном формальном совпадении выражения значений прошедшего времени и сослагательного наклонения, каков механизм передачи нереального значения [3].

1. *Сослагательное наклонение I* настоящего времени образуется с помощью инфинитива без частицы **to (bare infinitive)**, который не изменяется по лицам и относит действие к настоящему или будущему. В настоящее время данная форма встречается редко, только в поэзии, возвышенном стиле с определенной стилистической целью, научном стиле и официальной переписке, например:

Be he wise, he must not be a leader.

Каким бы мудрым он ни был, он все равно не будет вождем.

Сослагательное наклонение I настоящего времени часто используется после следующих вводных слов и выражений: **It is (It's) advisable that...** «Целесообразно, чтобы...», **It is (It's) important that...** «Важно, чтобы...», **It is (It's) necessary that...** «Необходимо, чтобы...», **to request that...** «просить, делать запрос на то, чтобы...», **to ask that...** «просить, чтобы...», **to suggest that...** «предложить сделать что-либо...», **to insist that...** «настаивать на том, чтобы...», **to advise that...** «посоветовать сделать что-либо», **to demand that...** «требовать чтобы», например:

It is (It's) advisable that she have a car.

Целесообразно, чтобы у нее была машина.

It is (It's) important that they find a well-paid job.

Важно, чтобы они нашли хорошо оплачиваемую работу.

It is (It's) necessary that they keep silence.

Необходимо, чтобы они соблюдали тишину.

Alex requests that we go with him.

Алекс просит, чтобы мы пошли с ним.

She asks that Mary join our team.

Она просит, чтобы Мэри присоединилась к нашей команде.

We suggest that he get a prize.

Мы предлагаем, чтобы он получил приз.

I insist that he care of his health.

Я настаиваю, чтобы он заботился о своем здоровье.

The teacher advises that the students take part in the competition.

Учитель советует, чтобы студенты приняли участие в соревновании.

The rector demanded that the heads of the departments attend the meeting every day.

Ректор настаивал, чтобы заведующие кафедрами присутствовали на совещании каждый день.

2. *Сослагательное наклонение II* прошедшего времени совпадает с формами изъявительного наклонения прошедшего времени, кроме глагола **to be** «быть», который имеет форму **were** для всех лиц, однако иногда встречается и форма **was**, которая является менее формальной. Сослагательное наклонение II прошедшего времени часто употребляется в конструкциях типа: **I wish...** «я хотел (а) бы..., жаль...», **as though.../as if...** «словно..., как-будто...», **If only...** «вот бы...», **It is (It's) high (about) time...** «самое время..., пора бы...» и служит для выражения нереальных действий или состояний, например:

I wish I were a pilot.

Я хотел бы быть летчиком (Жаль, что я не летчик).

He explains as though he were a teacher.

Он объясняет так, словно учитель.

She behaves as if she had much money.

Она ведет себя так, как будто у нее много денег.

If only he entered Moscow University.

Вот бы он поступил в Московский университет.

It's high (about) time we bought a flat.

Самое время (пора бы) нам купить квартиру.

Сослагательное наклонение II совершенного прошедшего времени совпадает с формами изъявительного наклонения совершенного прошедшего времени и часто употребляется в конструкциях типа: **I wish...** «я хотел (а) бы..., жаль...», **as though.../as if...** «словно..., как-будто...», **If only...** «вот бы тогда...», **It was high (about) time...** «было самое время...» и служит для выражения сожаления по поводу уже свершившегося или не свершившегося события из прошлого, например:

I wish I had not (hadn't) been a pilot.

Жаль, что я не был летчиком.

He explains as though he had been there.

Он объясняет так, словно был там.

She behaved as if she had had much money.

Она вела себя так, как будто у нее было много денег.

If only he had entered Moscow University.

Жаль, что он не поступил в Московский университет.

It was high (about) time we had bought a flat.

Было самое время нам купить квартиру.

В английском языке выделяются следующие устойчивые выражения с использованием сослагательного наклонения:

Таблица 1. Устойчивые выражения английского языка

Выражения	Перевод
Be it so! / So be it!/Let it be so	Да будет так! Пусть будет так!
God forbid!	Боже упаси! Сохрани Бог!
God bless you!	Да благословит Вас Бог!
Long live the Queen!	Да здравствует королева!
God save the Queen!	Боже, храни королеву!
Far be it from me to...	Я далек от того, чтобы... У меня и в мыслях не было...
Suffice to say that...	Достаточно сказать, что...
Come what will	Будь, что будет.
Happen what may...	Что случится, то случится...
Be this (that) as it may...	Как бы то ни было...
Manners be hanged!	К черту хорошие манеры! К черту всякие церемонии!
As it were...	так сказать... как бы...

As luck would have it	По счастливому стечению обстоятельств
As ill luck would have it	на беду, как на зло
May success attend you!	Да сопутствует Вам успех!
May ours be a happy meeting!	Пусть наша встреча будет удачной!
Confound our enemies!	Будь они прокляты, наши враги. Да будут прокляты наши враги
May you live long and die happy!	Желаю Вам долгой жизни и счастья!
If only he were free!	Если бы только он был свободен!

3. *Предположительные формы сослагательного наклонения* образуются с помощью вспомогательного модального глагола **should** с инфинитивом при подлежащем в значении «Если бы случилось так..., Случись так...», например:

If he should phone, ask him about your friend.

В случае, если он позвонит, спросите его о друге.

4. *Аналитические формы сослагательного наклонения (условное наклонение)* образуются с помощью модальных глаголов прошедшего времени (**should, would, could, might**) с несовершенным инфинитивом, если действие соотносится с настоящим или будущим, или с совершенным инфинитивом, если действие не совершилось, без частицы **to**. Формы с модальными глаголами используются для обозначения различных оттенков значений, которые представлены в следующей таблице:

Таблица 2. Модальные глаголы

Модальные глаголы	Значения
should	рекомендательный характер действия
would	нереальное условие
could	возможность (упущенная возможность)
might	возможность (упущенная возможность)

В качестве примеров функционирования аналитических форм сослагательного наклонения можно привести следующие:

It is so important that they should know their rights.

Важно, чтобы они знали свои права.

We would have caught the train if it had not been a heavy traffic jam.

Мы бы успели на поезд, если бы не было сильного затора на дорогах.

I wish I could become famous.

Как бы мне хотелось стать известной.

She was afraid he might abandon her.

Она боялась, что он может бросить ее.

В предложениях с сослагательным наклонением часто встречается инверсия с глаголами **had, were, could, should** в бессоюзных конструкциях, например:

Had my granny got a higher education she should be a doctor.

Если бы моя бабушка получила высшее образование, она была бы врачом.

I should marry him were I you.

Я бы вышла за него замуж, будь я на твоём месте.

The lady would be happy, could he have recognized her.

Дама была бы счастлива, если бы он узнал ее.

Should he drive this way, I will stop him.

Если ему случится проехать здесь, я остановлю его.

Нереальное условие также выражается с помощью конструкций **but for..., If it were not for..., If it had not been for...** «если бы не», например:

But for his temper, they would live friendly.

Если бы не его характер, они бы жили дружно.

If it was not for his support, I should not be able to become an officer.

Если бы не его поддержка, я бы не смог стать офицером.

If it had not been for you, he would have come to our place.

Если бы не ты, он бы приехал к нам.

В английском языке выделяют три типа условного наклонения:

1. Первый тип образуется с помощью глаголов в форме будущего времени изъявительного наклонения в главном предложении и несовершенной формы настоящего времени изъявительного наклонения в условном придаточном предложении со значением предположительного, желаемого реального действия в будущем, например:

If it does not rain, we will walk in the park.

Если дождя не будет, мы пойдем гулять в парк.

2. Второй тип образуется с помощью вспомогательного модального глагола с инфинитивом в главном предложении и формы прошедшего времени изъявительного наклонения в условном придаточном предложении со значением предположительного, желаемого невероятного или маловероятного действия в настоящем или будущем, например:

If it did not rain, we would walk in the park.

Если бы не шел дождь, мы бы гуляли в парке.

3. Третий тип образуется с помощью вспомогательного модального глагола с совершенным инфинитивом в главном предложении и формы совершенного прошедшего времени изъявительного наклонения в условном придаточном предложении со значением совершения или несомнения действия в прошлом, например:

If it had not rained yesterday, we would have walked in the park.

Если бы не шел дождь вчера, мы бы погуляли в парке.

Следует отметить, что в английском языке встречаются условные наклонения смешанного типа (комбинация второго и третьего типов), например:

If I had passed my exam, I would be a student now.

Если бы я сдал экзамен, я был бы сейчас студентом.

Сослагательное наклонение в арабском языке служит для выражения предполагаемого, возможного, желаемого, сомнительного и т.д. действия [4].

Сослагательное наклонение арабского языка трактуется арабскими грамматистами с морфологической точки зрения, согласно которой – это форма глагола с так называемым окончанием на *фатху*:

Таблица 3. Глаголы с окончанием на *фатху*

Лицо	Род	Единственное число	Двойственное число	Множественное число
I		أَفْعَلْ	-	نَفْعَلْ
II	Мужской	تَفْعَلْ	تَفْعَلَا	تَفْعَلُوا
II	Женский	تَفْعَلِي	تَفْعَلَا	تَفْعَلْنَ

III	Мужской	يَفْعَلُ	يَفْعَلَا	يَفْعَلُوا
III	Женский	تَفْعَلُ	تَفْعَلَا	يَفْعَلْنَ

Рассмотрим спряжение глагола يَشْرَبُ «пить» в сослагательном наклонении:

Таблица 4. Спряжение глагола «пить»

Лицо	Род	Единственное число	Двойственное число	Множественное число
I		أَشْرَبَ	-	نَشْرَبَ
II	Мужской	تَشْرَبَ	تَشْرَبَا	تَشْرَبُوا
II	Женский	تَشْرَبِي	تَشْرَبَا	تَشْرَبْنَ
III	Мужской	يَشْرَبَ	يَشْرَبَا	يَشْرَبُوا
III	Женский	تَشْرَبَ	تَشْرَبَا	يَشْرَبْنَ

Данная форма употребляется после четырех основных союзов и модальных частиц: أَنْ, إِذَا, إِذَنْ, كَيْ, لَنْ и остальных частиц с подобным значением: أَوْ, وَ, فَ, حَتَّى, لِكَيْلَا, كَيْلَا, لِكَيْلَا, أَلَّا, لِكَيْ, لَأَنَّ, لِ, волю, желание, обязанность, необходимость, опасение, что действие не совершилось, причинно-следственную связь глаголов и т.д. в значении будущего времени, что отражено в следующей таблице:

Таблица 5. Перевод частиц

Перевод	Предложения	Перевод	Частицы
Он хочет, чтобы я пошел в соборную мечеть.	أُرِيدُ أَنْ أَذْهَبَ إِلَى الْجَامِعِ	чтобы	أَنْ
Таха поедет в Египет, чтобы изучать арабский язык.	سَيَسَافِرُ طَه إِلَى مِصْرَ كَيْ يَدْرُسَ الْعَرَبِيَّةَ	для того, чтобы	كَيْ
В таком случае, ты достигнешь высокого положения.	إِذَا (إِذَنْ) تَنَالَ الْجَاهَ	тогда, в таком случае	إِذَا (إِذَنْ)
Айша никогда не войдет в пирамиду.	لَنْ تَدْخُلَ عَائِشَةُ الْهَرَمَ	никак, ни в коем случае	لَنْ
Мы пришли, чтобы выпить сок.	جِئْنَا لِنَشْرَبَ الْعَصِيرَ	чтобы	لِ
Я сообщил тебе, чтобы ты подумал над этой проблемой.	أَخْبَرْتُكَ لِأَنْ تُفَكِّرَ فِي الْقَضِيَّةِ	для того, чтобы	لِأَنْ

Мой директор сказал, чтобы я связался с нашим компаньоном.	قَالَ لِي مُدِيرِي لِكَيْ أَتَّصِلَ بِشَرِيكِنَا	для того, чтобы	لِكَيْ
Я вышел из комнаты, чтобы не беспокоить отца.	خَرَجْتُ مِنَ الْغُرْفَةِ إِلَّا أَزْعِجَ أَبِي	для того, чтобы не	إِلَّا
Она поехала на машине, чтобы не опоздать на лекцию.	رَكِبَتِ السَّيَّارَةَ لِئَلَّا تَتَأَخَّرَ إِلَى الْمَحَاضِرَةِ	для того, чтобы не	لِئَلَّا
Фуат выпил кофе, чтобы не заснуть.	شَرَبَ فُوَادُ الْقَهْوَةَ كَيْلَا يَنَامَ	для того, чтобы не	كَيْلَا
Моя дочь ест мало, чтобы не поправиться.	تَأْكُلُ بِنْتِي قَلِيلًا لِكَيْلَا تُصْبِحَ سَمِينَةً	для того, чтобы не	لِكَيْلَا
Я буду ждать вас на улице до тех пор, пока не закончится урок.	سَأَنْتَظِرُكُمْ فِي الشَّارِعِ حَتَّى يَنْتَهِيَ الدَّرْسُ	для того, чтобы; до тех пор, пока	حَتَّى
Ты пришел к нам, чтобы поговорить с моим братом.	أَتَيْتَ إِلَيْنَا فَتُحَدِّثُ مَعَ أَخِي	с тем, чтобы; в таком случае	فَ
Ты навел на меня, чтобы я навел на тебя.	زُرْتَنِي وَأَزُورَكَ	с тем, чтобы; в таком случае	وَ
Я принесу тебе книгу, чтобы ты ее перевел.	أَحْضِرُكَ الْكِتَابَ أَوْ تُتَرْجِمَهُ	для того, чтобы, или же	أَوْ

С семантической точки зрения к сослагательному наклонению арабского языка следует отнести сложноподчиненные предложения с придаточным условным. При этом различают два типа условных предложений: с реальным и нереальным условием.

1. *Условные предложения реального типа* вводят условие с помощью союзов **إِن** и **إِذَا** «если», при этом в обеих частях предложения используется форма прошедшего времени, которая относит действие к настоящему или будущему. Однако в предложении с союзом **إِن** может использоваться и усеченная форма глагола с тем же значением. Например:

إِذَا ذَهَبْتَ إِلَى الصَّيْدَلِيَّةِ ذَهَبْتُ مَعَكَ

Если ты пойдешь в аптеку, я пойду с тобой.

إِنْ ذَهَبْتَ إِلَى الصَّيْدَلِيَّةِ ذَهَبْتُ مَعَكَ

Если ты пойдешь в аптеку, я пойду с тобой.

В зависимости от целей высказывания (повеление, пожелание, запрещение, долженствование и т.д.) сказуемое главного предложения может быть либо в прошедшем, настоящем, будущем временах (простые или сложные формы), либо в повелительном наклонении, а сказуемое придаточного предложения всегда в прошедшем времени (простые или сложные формы). Главное предложение часто вводится частицей **فَ**, например:

إِذَا أَنْصَرَفَ فَأَتَنَاوُلُ الْغَشَاءَ

Когда он уйдет, я поужинаю.

Отрицание в сложноподчиненных предложениях с условным придаточным образуется с помощью отрицательных частиц в зависимости от формы глагола, например:

إِذَا لَمْ تَذْهَبْ إِلَى الصَّيْدَلِيَّةِ ذَهَبْتُ مَعَهَا

Если ты не пойдешь в аптеку, я пойду с ней.

إِنْ لَمْ تَذْهَبْ إِلَى الصَّيْدَلِيَّةِ ذَهَبْتُ مَعَهُ

Если ты не пойдешь в аптеку, я пойду с ним.

إِذَا أَنْصَرَفَ فَلَا نَتَنَاوُلُ الْغَشَاءَ

Если он уйдет, мы не поужинаем.

2. Условные предложения нереального типа вводят условие союзом **لَوْ** «если бы», при этом к глаголу главного предложения прибавляется слитная частица **لَ**. Глаголы главного и придаточного предложений всегда в прошедшем времени (простая или сложная форма), например:

لَوْ دَرَسَ فِي كُلِّيَّةِ الْعِلَاقَاتِ الْخَارِجِيَّةِ لَعَمِلَ فِي الْوِزَارَةِ

Если бы он учился на факультете международных отношений, он бы работал в министерстве.

Отрицание в сложноподчиненных предложениях с нереальным условием образуется в придаточном предложении с помощью отрицательных частиц **لَا** (если отрицание относится к имени существительному или местоимению) и **لَمْ** (если отрицание относится к глаголу), которые ставятся после частицы **لَوْ**, а в главном предложении с помощью частицы **مَا**, например:

لَوْ لَا أَبُوهُ لَمَا عَمِلَ فِي الْوِزَارَةِ

Если бы не его отец, он бы не работал в министерстве.

لَوْ لَا هِيَ لَمَا عَمِلَ فِي الْوِزَارَةِ

Если бы не она, он бы не работал в министерстве.

لَوْ لَمْ يَدْرُسْ فِي كُلِّيَّةِ الْعِلَاقَاتِ الْخَارِجِيَّةِ لَمَا عَمِلَ فِي الْوِزَارَةِ

Если бы он не учился на факультете международных отношений, он бы не работал в министерстве.

В современном арабском языке ирреальное действие также передается посредством оборота **لَيْتَ (يَا لَيْتَ)** «о, если бы» в сочетании с глаголом прошедшего времени, например:

يَا لَيْتَنِي كُنْتُ رَسَّامًا!

О, если бы я был художником! (Жаль, что я не художник).

Отрицание ирреального действия с данным оборотом образуется с помощью отрицательной частицы **لَمْ**, например:

يَا لَيْتَنِي لَمْ أَكُنْ رَسَّامًا!

О, если бы я не был художником! (Жаль, что я художник).

В арабском языке выделяются следующие устойчивые выражения с использованием сослагательного наклонения:

Таблица 6. Устойчивые выражения арабского языка

Перевод	Выражения
«Всевышний и Всеславный» (формула возвеличивания Аллаха)	عَزَّ وَجَلَّ
Да благословит его Аллах и	صَلَّى اللَّهُ عَلَيْهِ وَسَلَّمَ

приветствует! (формула возвеличивания пророка Мухаммеда)	
Да благословит Вас Аллах!	بَارَكَ اللَّهُ فِيكُمْ
Да вылечит Вас Аллах!	شَفَاكُمْ اللَّهُ
Да воздаст Вам Аллах добром!	جَزَاكُمْ اللَّهُ خَيْرًا
Да будет Аллах милостив к нему! (об усопших)	رَحِمَهُ اللَّهُ

Результаты

Таким образом, сослагательное наклонение в английском и арабском языках имеет как универсальные, так и дифференциальные черты, что отражено в следующей сводной таблице:

Таблица 7. Сослагательное наклонение в английском и арабском языках

Английский язык	Арабский язык
Сослагательное наклонение I	-
Сослагательное наклонение II	أَيُّت (يا أَيُّت) Оборот
Предположительная форма сослагательного наклонения	-
Условное наклонение I типа	Условное наклонение I типа
Условное наклонение II типа	Условное наклонение II типа
Условное наклонение III типа	Условное наклонение II типа

Ирреальное действие арабского языка, которое передается посредством оборота «أَيُّت (يا أَيُّت) «о, если бы» в сочетании с глаголом прошедшего времени соответствует сослагательному наклонению II английского языка с глаголом **wish** «желать», причем утвердительное предложение переводится как «жаль, что не...», а отрицательное предложение как «жаль, что...», например:

Таблица 8. Ирреальное действие в английском и арабском языках

Английский язык	Арабский язык	Перевод
I wish I were a farmer.	لَيَتَنِي كُنْتُ مُزَارِعًا!	Жаль, что я не фермер.
I wish I were not a farmer.	لَيَتَنِي لَمْ أَكُنْ مُزَارِعًا!	Жаль, что я фермер.

Морфологический подход к описанию сослагательного наклонения в арабистике соответствует инфинитиву и инфинитивным конструкциям английского языка. Такие формы арабского языка часто передаются на английский язык посредством сложноподчиненных предложений [9].

Выводы

Категория сослагательности в английском и арабском языках имеет асимметричную реализацию, отражая разную структуру сравниваемых языков. Английский язык демонстрирует семантико-грамматическую природу сослагательности, тогда как в арабском языке на первое место выходит морфологический статус сослагательности. Следовательно, наиболее целесообразным подходом при изучении категории сослагательности в английском языке является функционально-семантический подход, в то время как в арабском языке необходим, по-видимому, формальный подход. При этом в обоих языках категория сослагательности настолько обширна, что сфера ее употребления не исчерпывается изоморфными характеристиками и/или изолированной семантикой, выражающей данную категорию.

Список источников

1. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Пособие для учителей. М.: Просвещение, 1976. – 543 с.
2. Лисицына Т. Н. Обучение сослагательному наклонению на коммуникативной основе с использованием аутентичных аудитивных средств на 2 курсе языкового факультета педагогического вуза (на материале английского языка). Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1998. – 194 с.
3. Мельникова М. В. Исследование сослагательного наклонения методом московской фонологической школы (на материале английского языка). Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1985. – 149 с.
4. Ковалев А. А., Шарбатов Г. Ш. Учебник арабского языка. М.: Восточная литература РАН, 1998. – 751 с.
5. Иванова И. П., Чахоян Л. П., Беляева Т. М. История английского языка. Учебник. Хрестоматия. Словарь. Серия «Учебники для вузов. Специальная литература». СПб: Лань, 1999. – 512 с.
6. Смирницкий А. И. Морфология английского языка. М.: Наука, 1959. – 450 с.
7. Аракин В. Д. Типология языков и проблема методического прогнозирования. М.: Высшая школа, 1989. – 158 с.
8. Гатиатуллина З. З. Сравнительная типология родного (татарского) и английского языков. Казань: КГПИ, 1979. – 109 с.
9. Гранде Б. М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. 2-е изд. М.: Восточная литература РАН, 1998. – 592 с.

10. Мингазова Н. Г., Закиров Р. Р., Сафин М. Ф. Сопоставительная грамматика английского и арабского языков. Часть 2. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2019. – 184 с.

References

1. Rozental' D. E., Telenkova M. A. Slovar'-spravochnik lingvisticheskix terminov [Dictionary-reference book of linguistic terms]. Posobie dlya uchitelej. M.: Prosveshhenie; 1976. 543 p. (In Russ.).
2. Lisicyna T. N. Obuchenie soslagatel'nomu nakloneniyu na kommunikativnoj osnove s ispol'zovaniem autentichny'x auditivny'x sredstv na 2 kurse yazy'kovogo fakul'teta pedagogicheskogo vuza (na materiale anglijskogo yazy'ka) [Subjunctive mood teaching on a communicative basis using authentic auditory means in the 2nd year of the language faculty of a pedagogical university (based on the material of the English language)]. M.; 1998. 194 p. (In Russ.).
3. Mel'nikova M. V. Issledovanie soslagatel'nogo nakloneniya metodom moskovskoj fonologicheskoy shkoly' (na materiale anglijskogo yazy'ka) [The study of the subjunctive mood by the method of the Moscow phonological school (based on the material of the English language)]. M.; 1985. 149 p. (In Russ.).
4. Kovalev A. A., Sharbatov G. Sh. Uchebnik arabskogo yazy'ka [Arabic language textbook]. M.: Vostochnaya literatura RAN; 1998. 751 p. (In Russ.).
5. Ivanova I. P., Chaxoyan L. P., Belyaeva T. M. Istoriya anglijskogo yazy'ka [History of the English language]. Uchebnik. Xrestomatiya. Slovar'. Seriya "Uchebniki dlya vuzov. Special'naya literature". SPb: Lan'; 1999. 512 p. (In Russ.).
6. Smirczkij A. I. Morfologiya anglijskogo yazy'ka [Morphology of the English language]. M.: Nauka; 1959. 450 p. (In Russ.).
7. Arakin V. D. Tipologiya yazy'kov i problema metodicheskogo prognozirovaniya [Typology of languages and the problem of methodological forecasting]. M.: Vysshaya shkola; 1989. 158 p. (In Russ.).
8. Gatiatullina Z. Z. Sravnitel'naya tipologiya rodnogo (tatarskogo) i anglijskogo yazy'kov [Comparative typology of native (Tatar) and English languages]. Kazan: KGPI; 1979. 109 p. (In Russ.).
9. Grande B. M. Kurs arabskoj grammatiki v sravnitel'no-istoricheskom osveshhenii [Arabic Grammar course in comparative historical coverage]. 2-e izd. M.: Vostochnaya literatura RAN; 1998. 592 p. (In Russ.).

10. Mingazova N. G., Zakirov R. R., Safin M. F. Sopostavitel'naya grammatika anglijskogo i arabskogo yazy'kov [Comparative grammar of English and Arabic]. Chast' 2. Kazan; 2019. 184 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Мингазова Наиля Габделхамитовна – канд. филол. наук, доцент Казанского (Приволжского) федерального университета, Казань, Россия; <https://orcid.org/0000-0002-3097-0193>, e-mail: nailyahamat@mail.ru

Information about the authors

Nailya G. Mingazova – Associate Professor, PhD of Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia; <https://orcid.org/0000-0002-3097-0193>, e-mail: nailyahamat@mail.ru

Закиров Рафис Рафаелевич – канд. филол. наук, доцент, Российский исламский институт, Казань, Россия; <https://orcid.org/0000-0001-9725-8275>, e-mail: zakrafis@mail.ru

Rafis R. Zakirov – Associate Professor, PhD of Russian Islamic Institute, Kazan, Russia; <https://orcid.org/0000-0001-9725-8275>, e-mail: zakrafis@mail.ru

Субич Виталий Глебович – канд. филол. наук, доцент Казанского (Приволжского) федерального университета, Казань, Россия; <https://orcid.org/0000-0003-2003-7866>, e-mail: s_vitaly1@mail.ru

Vitaly G. Subich – Associate Professor, PhD of Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia; <https://orcid.org/0000-0003-2003-7866>, e-mail: s_vitaly1@mail.ru

Статья поступила в редакцию 23.09.2022; одобрена после рецензирования 25.09.2022; принята к публикации 26.09.2022.

The article was submitted 23.09.2022; approved after reviewing 25.09.2022; accepted for publication 26.09.2022.

Раскрытие информации о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure: The authors declare Conflicts of Interest Disclosure.

Филологические науки

Научная статья

УДК 821.411.21

DOI: 10.26907/2619-1261.2022.5.3.47–65

**Особенности перевода стилистических средств с арабского на русский язык
(на примере романа Нагиба Махфуза «Вор и собаки»)**

Зиля Зиннуровна Шайхаттарова

Казанский (Приволжский) Федеральный Университет, Казань, Россия

yozilya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7236-9921>

Аннотация. Фигуры речи оживляют язык, придают ему индивидуальность, образность, подчеркивают его особенности и способствуют более точной передаче художественного замысла автора. Данная статья посвящена исследованию стилистических особенностей художественного текста на арабском языке и способов их передачи на русский язык. Научная работа ограничивается анализом романа известного египетского писателя XX в. Нагиба Махфуза (1911–2006 гг.) «Вор и собаки», написанного в 1961 году, с точки зрения описания лексико-стилистических особенностей его идиолекта. В научной работе были рассмотрены четыре стилистических фигуры, относящихся к одному из разделов арабской стилистики «علم البيان» («наука разъяснения»). Так, в статье анализируются примеры использования метафор, сравнительных оборотов, метонимий и намека, встречающихся в произведении, в контексте особенностей их перевода на русский язык (перевод, выполненный Е. Стефановой). Текст романа богат на образные языковые средства. Наиболее часто употребляемыми стилистическими фигурами в тексте романа являются сравнение и метафора. Несмотря на сложность художественного перевода и колоссальную разницу между арабским и русскими языками, средства выразительности в переводе сохраняются, художественный замысел автора романа, в большинстве своем, передается через точный перевод.

Ключевые слова: метафора, сравнение, метонимия, намек, перевод, стилистика, Нагиб Махфуз

Для цитирования: Шайхаттарова З. З., Особенности перевода стилистических средств с арабского на русский язык (на примере романа Нагиба Махфуза «Вор и собаки») // Арабистика Евразии. 2022. т. 5 № 3. С. 47–65. DOI: 10.26907/2619-1261.2022.5.3.47–65

Philological studies

Original article

Features of the translation of stylistic means from Arabic into Russian (on the example of the novel by Nagib Mahfuz “The Thief and Dogs”)

Zilya Shaykhattarova

Kazan Federal University, Kazan, Russia

yozylya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7236-9921>

Abstract. A variety of stylistic means enliven the language, give it individuality, figurativeness, emphasize its beauty and help to illustrate an artistic intent of the author. This article is devoted to the study of the stylistic features of a literary text in Arabic and the ways of their translation into Russian. The study is limited to the analysis of the novel “The Thief and Dogs”, written in 1961 by Nagib Mahfuz (1911–2006), a famous Egyptian writer of the XX century, in terms of describing the lexical and stylistic features of his idiolect. The scientific work examined four stylistic figures related to one of the sections of Arabic stylistics “علم البيان” (“The science of elucidation”). Thus, the article discusses examples of the use of metaphors, comparative phrases, metonyms and euphemisms found in the work, in the context of the specifics of their translation into Russian (translation of E. Stefanova). The text of the novel is rich in figurative language means. The most frequent stylistic figures in the text of the novel are the comparison and the metaphor. Despite the complexity of literary translation and the colossal difference between the Arabic and Russian languages, the means of expression in the translation are preserved, the artistic intention of the author of the novel, for the most part, is transmitted through an accurate translation.

Key words: metaphor, comparison, metonymy, euphemism, translation, Stylistics, Nagib Mahfouz

For citation: Shaykhattarova Z. Z., Features of the translation of stylistic means from Arabic into Russian (on the example of the novel by Nagib Mahfuz “The Thief and Dogs”). *Eurasian Arabic Studies*. 2022;5(3):47–65. (In Russ.). DOI: 10.26907/2619-1261.2022.5.3.47–65

Введение

Для того, чтобы максимально точно понять замысел писателя, прекрасно знать грамматику и обладать большим словарным запасом недостаточно, ведь часто в языке имеют место быть метафоры, сравнения, олицетворения, метонимии и другие фигуры речи. Арабский язык, стоит отметить, можно назвать неподражаемым в этом отношении [1, с. 25].

Творчество писателей и поэтов играет важную роль в процессе развития любого языка. Язык стихотворений, романов, рассказов и т.д., являясь предназначенным широкой аудитории, связан с литературным языком. Именно поэтому анализ художественных произведений не только помогает увидеть все своеобразие языка отдельного произведения или же творчества писателя, в целом, но и благоприятствует наиболее полному и последовательному изучению общелитературного языка. Анализ стилистических фигур помогает увеличить знания не только арабского языка, но и культуры, что свидетельствует об актуальности темы исследования.

Более того, нельзя не сказать, что изучение особенностей художественного стиля и ее особенностей способствует преодолению трудностей при переводе исходного текста произведения. Действительно, художественный перевод является специфичной сферой переводческой деятельности и в то же время трудоемким и сложным процессом. Переводчику приходится иметь в виду большое количество различных аспектов языка, много знать о культуре народов, говорящих на языках перевода. Более того, особенностью перевода художественного текста является необходимость в передаче авторского стиля письма, специфики языковых средств и так далее. Художественный перевод, в отличие от других переводов, является творческим процессом, так как переводчик в данном случае выполняет не только информативную, но и коммуникативную и эстетическую функции. Нельзя не отметить, что в художественных произведениях довольно часто имеется большое количество средств выразительности. Так, при переводе фигур речи и троп от переводчика требуется фантазия, сообразительность и профессионализм, ведь часто встречаются культурные или иные различия, а также отсутствуют определенные эквиваленты в языке.

Здесь нельзя не упомянуть, что египетская музыка, кинематограф, литература оказали сильное влияние на всю современную арабскую культуру. Таким образом, на данный момент именно египетский арабский язык используется на всем арабском востоке. Неудивительно, что именно египетский писатель Нагиб Махфуз в 1988 году стал первым арабоязычным писателем,

получившим Нобелевскую премию «за реализм и богатство оттенков арабского рассказа, который имеет значение для всего человечества». Являясь одним из наиболее ярких представителей арабской литературы XX века, Нагиб Махфуз, представляет собой достойный пример для изучения арабской стилистики.

Роман «Вор и собаки» является одной из наиболее популярных произведений писателя. В романе автор развивает тему экзистенциализма, впервые используя в арабской литературе технику потока сознания [2, с.15]. Главный герой произведения – Саид Мехран, вор, освободившийся из тюрьмы, желающий отомстить предавшим его в прошлом близким людям, из-за которых он там оказался.

Таким образом, данное исследование актуально в контексте сопоставительного анализа как специфики стилистических фигур в идиолекте писателя, так и особенностей их передачи на русский язык.

Результаты

Арабские филологи делят стилистику («البلاغة») на три раздела: «علم المعاني» («Наука о смыслах») – наука о том, как можно выразить смысл разными способами, «علم البديع» («Наука о красноречии») – изучает те элементы языка, которые украшают речь, и «علم البيان» («Наука о разъяснениях») – наука о тропах, стиле [3, с. 10]. Данное исследование ограничивается анализом последнего раздела арабской стилистики – علم البيان, в рамках которого изучаются такие стилистические средства, как сравнение, метафора, намек и метонимия. Рассмотрим особенности каждого из них на примере текста романа «Вор и собаки», а также в контексте сопоставительного анализа с переводом оригинального текста.

1. Сравнение

Для придания образности происходящим в романе действиям Нагиб Махфуз довольно часто применяет сравнение – التشبيه («ташбих»). Примечательны сравнения с использованием наименований животных с целью указания на сходство с их определенными чертами:

كنت تتمشح في ساقى كالكلب (1)

Перевод: Ты терся об мои сапоги как собака [4, с. 2].

كان يقف بين يدي كالكلب (2)

Перевод: *Он стоял у моих рук как собака* [4, с. 2]. (Ждал моей подачки).

Таким образом, примеры 1 и 2 показывают сравнение с оттенком унижения, то есть «собака» в данном контексте воспринимается как неприятное, жалкое животное [5, с. 454]. Следующие примеры 3 и 4 указывают на внешнее сходство с животными:

تشرئب منها الرؤوس كالفيران (3)

Перевод: *Выглядывали оттуда головы как мыши* [4, с. 3].

تسلق السور بخفة و باطراف محنكة كانها اطراف قرد (4)

Перевод: *Он легко влез на забор при помощи опытных рук, словно руки обезьяны* [4, с. 9].

В данном случае сравнивается как внешнее сходство (большие руки), так и их сила.

Весьма образны примеры с использованием развернутых сравнений с животными:

خسمة النحيل القوي كانه نمر يتربص بفيل (5)

Перевод: *Как тигр, который кинется на слона* [4, с. 5]. Здесь автор подчеркивает силу и отвагу героя и сравнивает с тигром, который готов кинуться на слона.

من وراء الظهر تبادلت الاعين نظرات مريبة قلقة... كالقطة الزاحفة على بطنها في هيئة (6)
الموت نحو عصفورة سادرة

Перевод: *Они переглядывались за моей спиной настороженными, тревожными взглядами... Как кошка, когда она, ползет на брюхе навстречу беспечной маленькой птичке* [4, с. 4].

В данном случае автор не просто дает сравнение своих врагов с кошкой, но и поясняет далее, что их действия похожи на действия кошки, когда она охотится на беззащитную птицу, которая символизирует главного героя.

Итак, сравнения в вышеприведенных примерах в переводе на русский язык представляют собой точный (дословный) перевод. Действительно, данные

предложения образованы из слов и выражений, которые имеют прямой перевод на русский язык.

Однако довольно часто в тексте перевода романа встречаются сравнительные обороты, которые воссоздаются в переводе при помощи приемов замены (слов или выражений). Рассмотрим более подробно (примеры 7–9):

(7) سَطَعَ الْحَنَانُ فِيهَا كَالنَّقَاءِ غِبِ الْمَطَرِ

Дословный перевод: *В ней сияла нежность как чистота под дождем.*

Перевод: *Нежность наполняет душу, и она становится чистой и ясной, как воздух после освежающего дождя* [4, с.2].

Здесь вместо «كَالنَّقَاءِ غِبِ الْمَطَرِ» как чистота под дождем» автор перевода применяет «как воздух после освежающего дождя». Возможно, переводчик предположил, что такой вариант перевода будет звучать правильнее и станет более легким для понимания читателей.

(8) جَاءَكُمْ مِنْ يَغُوصُ فِي مَاءٍ كَالسَّمَكَةِ وَيَطِيرُ فِي الْهَوَاءِ كَالصَّقْرِ وَيَتَسَلَّقُ الْجِدْرَانَ كَالْفَأْرِ.

Дословный перевод: *К вам явился тот, кто ныряет в воду, как рыба, летает по воздуху, как сокол, и лазает по стенам, как мышь.*

Перевод: *Ты будешь юрким, как угорь, внезапным, как коршун, упорным, как мышь, что точит каменную стену* [4, с.2].

Как мы видим, в данном предложении с использованием нескольких сравнений глагол «يَتَسَلَّقُ», который имеет значение «влезать, подниматься», по тем или иным причинам в переводе заменен словосочетанием «точит каменную стену», слово «صَقْر – орел» – словом «коршун», а существительное «سَمَكَة – рыба» – стало словом «угорь».

(9) تَحْرُسُهُ الْأَشْجَارُ مِنْ كُلِّ جَانِبٍ كَالْأَشْبَاحِ

Дословный перевод: *Деревья охраняют его со всех сторон словно привидения.*

Перевод: *Безмолвные призраки-деревья, как часовые, стерегут его сон* [4, с. 7].

В данном предложении в переводе сравнение «словно привидения» («كَالْأَشْبَاحِ») заменено на «как часовые». Действительно, слово «часовые» лексически подходит больше, чем «привидения». По нашему мнению, в данном

случае замена оборота неоправданна. Более того, здесь мы видим, что слово «призраки – اشباح» перестало играть роль сравнения как стилистической фигуры. Можно предположить, что данное изменение предложения в переводе вызвано личным желанием автора перевода.

Стоит проиллюстрировать переводы предложений, в которых переводчик по тем или иным причинам решил перефразировать сравнение так, что в переводе на русский язык оно отсутствует, или не указал сравнение ни стилистически, ни лексически. Так, в определенных случаях (примеры 10, 11) сравнительный оборот передается при помощи слов «показаться», «казаться»:

كان كانما يهتدي ببوصلة مركبة (10)

Дословный перевод: *Теперь он шел уверенно, как по компасу.*

Перевод: *Он шел, **казалось**, по компасу* [4, с.13].

رائر عوف علوان في روب طويل كانه عملاق (11)

Дословный перевод: *Он увидел Рауфа Альвана в длинном одеянии как будто он великан.*

Перевод: *Рауф Альван в длинном одеянии **показался** ему великаном* [4, с. 8].

Таким образом, при замене сравнения словами «казаться» или «показаться» в переводе сравнение как стилистическое средство отсутствует.

Кроме того, результат проведенного анализа свидетельствует, что в некоторых случаях в переводе сравнительные обороты заменены метафорой, иными словами, была использована *стилистическая замена* (примеры 12,13):

تبدت النجوم في السماء الصافية كالرمال و كأن القهوة جزيرة في محيط او طيار
في سماء (12)

Дословный перевод: *Появились звезды на ясном небе как песок, а кофе будто остров в океане или птица в небе.*

Перевод: *Песчинки звезд рассыпаны по небу. Как далеко забралась в пустыню эта маленькая кофейня-островок в безбрежном океане, самолет в бескрайнем небе* [4, с. 17].

Примечательно, что в данном случае автор перевода романа заменил сравнение метафорой («песчинки звезд», «кофейня-островок в безбрежном

океане»). Прямой необходимости для этого не было (отсутствовало искажение смысла и т.п.), однако можно сделать предположение, что таким образом предложение стало звучать более выразительно.

قد ذهل عن كل شيء فانصب الرصاص كالمطر (13)

Дословный перевод: *Он забыл обо всем, а пули полились как дождь.*

Перевод: *Теперь он не думал больше ни о чем. Целый дождь ответного свинца* [4, с. 19].

Данное предложение в переводе полностью изменено, однако для нас интерес представляет перевод второй части предложения, в котором имеется сравнение: *فانصب الرصاص كالمطر*. Переводчик использовал вместо сравнения метафору «дождь ответного свинца». В результате, смысл предложения не поменялся, однако, можем предположить, что таким образом усиливается образность выражения.

Более того, следующие примеры (14–17) показывают, как в переводе сравнение отсутствует полностью (отсутствуют замена или перефразирование).

ماذا تعرف الصغيرة عن ابيها؟ لا شيء، كالطريق و المارة و الجو المنصهر. (14)

Дословный перевод: *Что знает малышка о своем отце? Ничего, как и эта улица, прохожие, раскаленный воздух.*

Перевод: *Что знает малышка о своем отце? Не больше, чем эта улица, прохожие, раскаленный воздух* [4, с. 5].

В переводе сравнение как стилистическая фигура отсутствует, автор ничего не сравнивает.

لم يتغير شيء كانه تركها بالامس (15)

Дословный перевод: *Ничего не изменилось, будто он ушел вчера.*

Перевод: *Все тут осталось без перемен* [4, с. 6]. Как мы видим, в переводе сравнение опущено.

ابوه قوي و اهله كالنمل (16)

Прямой перевод: *Его отец сильный (здесь: большой человек), а родственники словно муравьи (имеется в виду, их много).*

Перевод: *Отец его большой человек, да и родственников у него уйма* [4, с. 12].

В переводе данного предложения сравнение, которое демонстрирует количество, опущено. Вместо сравнения «مثل النمل – как муравьи», что указывает на многочисленность, в переводе используется слово «уйма». Стоит отметить, что отсутствие данного сравнения можно считать оправданным, так как понимание смысла могло быть затруднительным.

انطلق الشاب في الظلام كالشهاب (17)

Дословный перевод: *Парень бросился в темноту как метеор.*

Перевод: *Не оглядываясь, тот бросился в темноту* [4, с. 13].

Как мы видим, в переводе сравнение отсутствует. Нелегко сказать, с чем связано решение переводчика не использовать в переводе сравнение, указывающее на быстроту действий («كالشهاب – как метеор»), тем не менее вариант перевода «не оглядываясь» также может указать на то, как быстро было совершено действие.

2. Метафора

Метафору можно характеризовать как «скрытое сравнение», так как в ее конструкции имеются основные компоненты сравнения – то, что сравнивают – المشبه, то, с чем сравнивают – المشبه به, однако отсутствует средство сравнения – أداة التشبيه.

В арабской стилистике существует деление метафоры на различные подгруппы:

1. Метафора, выраженная явно (الاستعارة التصريحية). Данный вид метафор образуется при усечении того, что сравнивают и замены тем, с чем сравнивают. Например:

رايت زهرة بين الناس – «Я увидел цветок среди людей» [6, с. 45].

В данном случае словом «цветок» обозначена девушка, которую автор сравнил с цветком и выразил это явно. Девушка не упоминается, но происходит замена этого слова на другое, на то, с чем ее сравнивает автор.

2. Метафора, выраженная через намек (الاستعارة المكنية). Этот вид метафоры образуется путем усечения того, с чем сравнивают и упоминания какого-либо признака. Хороший пример для иллюстрации данной метафоры приводит И. Н. Хайруллин в своей книге «Стилистика арабского языка»:

اني ارى رووسا قد اينعت و حان قطفها – «Поистине, я вижу: головы уже созрели и пора их срывать» [6, с. 45].

Здесь мы видим, что автор сравнил головы людей с плодами, которые «созрели» и их можно «срывать». Следует отметить, что само слово «плоды» не упомянуто. Таким образом, то, с чем сравнивают выражено «скрытно», при помощи упоминания его признаков – намеком, что объясняет название этого вида арабской метафоры.

Более того, вдобавок к вышеупомянутому, арабские языковеды выделяют иное деление метафор:

1. Метафора производная – الاستعارة الاصلية. В этом случае метафора образуется от глагола и может быть выражено глаголом, причастием, именем прилагательным, именем места и т.д.

2. Метафора основная – التبعية الاستعارة. Если метафора выражена именем, не образованным от глагола, такая метафора считается основной [3, с. 152].

Так, рассмотрим подробнее особенности метафор, встречающихся в тексте произведения, поделив их на группы, и проведем анализ их перевода на русский язык.

1) Метафора, выраженная явно (الاستعارة التصريحية).

При передаче на русский язык образность, присущая оригинальному тексту, сохраняется, что достигается различными способами. Так, образ, который создается при помощи метафоры, передается через точный перевод (примеры 18–21):

ارتفعت مناجاة الاشجار (18)

Перевод: *Усилился шепот деревьев* [4, с. 12].

Шелест деревьев автор называет «шепотом» – «مناجاة», указывая на их схожесть, и таким образом придает выразительность. Метафор образована от глагола, соответственно, является производной.

انت جنة وسط الرصاص الذي يجد ورائ (19)

Перевод: *Ты райский уголок среди шквала пуль, летящих мне вслед* [4, с. 9].

После возвращения из тюрьмы Саид Мехран снова совершает преступление. Одним из немногих людей, которые его не забыли и

поддерживали на тот момент, была Набивия. Именно ей главный герой посвящает эти слова благодарности, называя ее «райским уголком» в то время, как на него охотится полиция – «пули, летящие вслед».

انما جئت اجس حصونك (20)

Перевод: *Я пришел обуздать твою крепость.*

Слово «حصون» в словаре Баранова Х. К. имеет значение «неприступная крепость», этим словом автор называет дом или владение человека, намекая на предстоящий конфликт или враждебность. Действительно, данное предложение встречается в эпизоде возвращения Саида Мехрана из тюрьмы и его визита в дом его главного врага – Илеша и выражает его отношение к нему.

آخر خيط ذهبي يتراجع من الكوة (21)

Перевод: *Последняя золотая нить уходит из окна* [4, с. 18].

«Золотой нитью» (خيط ذهبي) автор называет луч солнца. Здесь мы видим внешнее сходство двух объектов.

Стоит отметить, что примеры 18–21 иллюстрируют основные метафоры, так как являются именами существительными (جنة, حصونك, خيط ذهبي).

Перевод на русский язык также может осуществляться в виде замены слов или выражений. Рассмотрим примеры производных метафор, выраженных явно.

طار رأس القلعة في السماء الصافية (22)

Дословный перевод: *Пролетела верхушка крепости в ясном небе.*

Перевод: *Проплыла по небу верхушка крепости* [4, с. 8].

В данном случае автор весьма красочно описывает то, что видит главный герой. Для придания образности писатель использует метафору «طار رأس القلعة» – пролетела верхушка крепости». Стоит отметить, что в переводе глагол «طار – летать» заменен глаголом «проплыть». Таким образом, троп в переводе сохранен, но имеется лексическая замена.

لعب الضوء فوق شعره الاسود الغزي (23)

Дословный перевод: *На его густых черных волосах заиграл свет.*

Перевод: *На его густой черной шевелюре запрыгал отраженный свет люстры* [4, с. 5].

Как можно заметить, переводчик использовал глагол «запрыгать» вместо «заиграть – لعب». Вероятно, он посчитал, что таким образом выражение будет звучать логичнее. Более того, слово «شعر» (волосы) в переводе заменено на просторечное «шевелюра».

حول جسم برميلي دخل عlish في جلباب فضفاض منتفخ (24)

Дословный перевод: *Илеш вошел в просторной галабее, которая раздувалась вокруг его тела «как бочка».*

Перевод: *А вот и он сам – огромная бочка в просторной галабее* [4, с.2].

Описывая Илеша, второстепенного героя романа, Нагиб Махфуз использует метафору в комичном контексте. Здесь от слова «бочка» («برميل») образовано الصفة (имя прилагательное), то есть тело сравнивается с бочкой при помощи метафоры, указывая на его большой размер. Соответственно, метафора является основной (образована от имени существительного).

Как указывалось выше, в исходном тексте стилистическая фигура является прилагательным, однако в переводе метафора стала именем существительным, так как в русском языке невозможно образовать имя прилагательное из слова «бочка». Такое решение переводчика считаем правильным.

В результате анализа текста романа было выяснено, что наблюдается также случай потери образности исходного текста:

بعينيه اللوزيتين و العسليتين (25)

Дословный перевод: *Миндалевыми медовыми глазами.*

Перевод: *Рыжими глазами* [4, с. 2].

В данном случае автор сравнивает цвет глаз с миндалем и медом, используя основную метафору (образованы от имен существительных لوز (миндаль) и عسل (мед)), что позволяет более точно, образно и выразительно описать цвет. Однако, «миндалевые и медовые» глаза в переводе заменены на «рыжие». Можно предположить, что в виде метафоры словосочетание в оригинале звучит запоминающее, однако в переводе троп не сохранен.

2) Метафоры, выраженные через намек (الاستعارة المكنية).

В ходе изучения текста романа мы выяснили, что в этой группе встречаются только производные метафоры, а также перевод исходного текста, в основном, происходит путем точного перевода.

هو يتابعه بعينيه البراقتين و جسمه النحيل القوي (26)

Перевод: Он следил за его сверкающими глазами и сильным стройным телом [4, с. 4].

Описывая взгляд Саида Михрана, писатель использует скрытую метафору «بعينيه البراقتين – сверкающими глазами». В данном случае глаза сравниваются с молнией через намек, поэтому они «сверкают».

لكي تصفو الحياة للأحياء يجب اقتلاع الخبائث الاجرامية من جذورها (27)

Перевод: Чтобы в этой жизни легче дышалось живым, преступные дела надо выкорчевывать с корнем.

При размышлениях про свою жизнь главный герой применяет скрытую метафору. «Скрытно» сравниваются преступные дела с сорняками, от которых нужно избавляться.

نفخة واحدة ثم تتطفئ (28)

Перевод: Одно дуновение – и ты погаснешь [4, с.17].

Эту фразу Саид Михран говорит Рауфу Альвану, которого считает своим предателем. Обращаясь к нему в своих мыслях, он намекает, что Рауф слаб и в тяжелых условиях он сдастся. В данном случае герой романа сравнивается со свечой, однако прямое указание отсутствует, лишь «намек» при помощи глагола انطفئ – погаснуть.

3. Намек

Намек الكناية – «аль-киная» - имеет как явное, так и скрытое значения. При его помощи можно выразить мысль двояко: с прямым смыслом, но имея в виду и «тайный» смысл [7, с. 43]. Данный троп также встречается в романе «Вор и собаки» и придает тексту выразительность, образность.

Исходя из анализа текстов романа и его перевода на русский язык, мы выяснили, что намек при переводе как стилистическая фигура сохраняется.

رفع راسه الى السماء و رأى معان النجوم المتألف في هذه الساعة من الفجر (29)

Перевод: *Он поднял голову к небу и увидел рассеянный блеск звезд в этот предрассветный час* [4, с. 16].

Вернувшись из тюрьмы, полный злости и обиды, Саид Михрана не находит поддержки у своих бывших друзей, а также его отвергает дочь, которая успела забыть отца за долгие годы. В эту трудную минуту главный герой принимает решение отомстить обидчиками. Именно после этих событий автор романа описывает, как Саид Михран «увидел рассеянный блеск звезд в этот предрассветный час». В данном случае писатель употребил слово «звезды» как символ возможностей в жизни главного героя Саида Мехрана, которые он мог упустить, приняв решение совершить преступление снова.

و من جعل من جامع الاعقاب رجلاً؟ (30)

Перевод: *Ведь ты окурки подбирал, а я сделал из тебя человека* [4, с. 16].

Вспоминая прошлое, Саид Михран много думает о Илеше Сидре, который его предал. Это предложение он говорит про своего бывшего друга. Фраза «подбирал окурки» имеет прямое значение, а также воспринимается как скрытый: то есть «был не так успешен».

كانت تخرس العصافير فوق اشجار الطريق و ينتشر جو الخريف فجأة (31)

Перевод: *Замолкают птицы на деревьях, и вдруг кажется, что наступила осень* [4, с. 11].

Данное предложение используется в эпизоде романа про разлуку главного героя с его возлюбленной, и, описывая природные элементы, автор намекает на тоску в душе Саида.

Примеры 30 и 31 передаются на русский язык при помощи точного перевода.

В результате анализа текста, также было выявлено, что намек может передаваться через частичный перевод.

من خلال النافذة الكبيرة و الباب لاح الخلاء شاملا متراميا الى غير النهاية و الظلام (32)
كثيفا لا تخففه بارقة

Дословный перевод: *Сквозь большое окно и дверь показалась бескрайняя пустота и плотная тьма, в которой не было лучей.*

Перевод: *За широким окном и распахнутой дверью по обе стороны дома – простор, бескрайний, бесконечный. Безбрежное море мрака – ни лучика света [4, с. 13].*

Вышеупомянутый пример примечателен тем, что, на первый взгляд, автор романа дает красочное описание, однако здесь также присутствует символизм. Слова «пустота» и «тьма», использованные в предложении, указывает на страх Саида Михрана за его будущее, в котором он не видит ничего светлого.

В данном случае переводчик использовал намек (الخلاء – темнота, الظلام – пустота), однако изменил его: простор, бескрайний, бесконечный, а также усилил метафорой «море мрака».

كنت البطل و كان عابد البطل يتملقتي و يتجنب غضبي و يلتقط فتات من كدي و شطارتي (33)

Дословный перевод: *Я был героем, он был рабом героя, льстил мне, избегал моего гнева и подбирал крошки от моего труда и хитрости.*

Перевод: *Я ходил как герой, он был моим рабом, смотрел на меня обожжающими глазами, пресмыкался, боялся невзначай чем-нибудь рассердить, подбирал крохи с моего стола и ждал моих подачек [4, с. 17].*

Думая о своих предателях, Саид Михран часто размышляет о своем прошлом. Он вспоминает, что поначалу был намного успешнее своего друга Илеша. Несомненно, последняя часть предложения про крошки использована в качестве намека о том, что Илеш подчинялся Саиду. При переводе применяется фраза «подбирал крохи с моего стола и ждал моих подачек», что не соответствует исходному тексту. Однако, таким образом предложение на русском языке звучит логичнее.

4. Метонимия

Метонимию можно классифицировать следующим способом.

Метонимии, выражающие частичность – часть вместо целого:

لا ادري كيف اقول, نظرة محمرة (34)

Перевод: *Я не знаю, как сказать, красный взгляд!* [4, с. 14]

В данном случае метонимия «взгляд – نظرة» указывает на «лицо – وجه», то есть выражает частичность.

خطف ارواح خبيثة بعد خطف اشياء ثمينة (35)

Перевод: *Похищение мерзких душ после похищений ценных вещей* [4, с. 11].

Упомянутый пример иллюстрирует образное название жизни «душами – ارواح». Герой «похищает» у людей не только души, но и жизни.

هكذا يفعل القلب الذي لا بيت له (36)

Перевод: *Так поступает сердце, у которого нет дома* [4, с. 4].

Данный пример также показывает взаимосвязь частичности. Здесь сердце – часть человеческого организма – указывает на самого героя романа.

Кроме того, следующее предложение является примером связи людей и места:

نظر إليه الشارع كله بعيون مندهشة (37)

Перевод: *Вся улица смотрела на него удивленными глазами* [4, с. 3].

Возвращение Саида Михрана из тюрьмы стало неожиданной новостью для его знакомых. Данное предложение описывает то, как его встречали. Метонимией здесь является слово «улица» – «الشارع», которое выступает собирательным указанием людей, находящихся на этой улице.

Выводы

Проведенный в данной статье сопоставительный анализ романа Нагиба Махфуза «Вор и собаки» и его перевода на русский язык, выполненного Е. Стефановой, позволил сделать ряд важных выводов.

В ходе анализа текста всего было рассмотрено 27 предложений, содержащих сравнительный оборот. Точный перевод является наиболее частотным (14 примеров). Что касается частичного перевода, то он выражается заменой слов или выражений, а также стилистической заменой (примеры 12, 13). В большинстве случаев это связано со стремлением донести мысль русскоговорящему читателю. Более того, встречаются предложения, в которых сравнение при переводе отсутствует (оборот перефразирован словом «казаться» или полностью отсутствует).

Более того, преобладают простые сравнения, в которых присутствуют три компонента сравнения: (то, что сравнивают – المشبه; то, с чем сравнивают – المشبه به; средство сравнения – أداة التشبيه [8, с.91]), однако общая особенность сравниваемых объектов – وجه الشبه – отсутствует. Вероятно, такая конструкция является более характерной для арабского языка и, соответственно, более легкой для перевода.

Кроме того, в ходе анализа всего было проанализировано 14 метафор, встречающихся в тексте. Данная стилистическая фигура используется обоими способами: выражается явно и через намек. Первый вариант встречается чаще, чем второй (10 метафор, выраженных явно, и 4 метафоры, выраженных через намек). Стоит отметить, что метафорам характерен точный перевод. Встречается также и частичный перевод, при котором был использован прием лексической замены. Такое решение не всегда оправдано, так как не передает уникальный стиль исходного текста.

Также можно резюмировать, что намек – «аль-кина» – выражает тайный смысл, по большей части, через описание природы и передает мысли и переживания главного героя. Через данную стилистическую фигуру автор дает читателю намек, описывает свое авторское отношение к герою. Перевод «аль-кина» на русский выполнен как точным (3 примера), так и частичным (2 примера) переводами.

В свою очередь, метонимия редко используется автором романа и встречается всего 4 раза. Содержит взаимосвязи частичности, людей и места, предмета и материала. Метонимия в переводе встречается только как точный перевод.

Обобщая все выводы, можно утверждать, что идиостилю Нагиба Махфуза характерно применение большого количества сравнительных оборотов и метафор, в то время как намек и метонимия являются редко используемыми в тексте. Несмотря на то, что в переводе встречается перефразирование стилистических фигур, их замена или полное отсутствие, преобладает точная передача образных средств при переводе. Автор перевода, в большинстве случаев, сумела максимально точно передать художественный замысел писателя.

Список источников

1. Чухланцев О. Е. Функционально-стилистическая стратификация и экспрессивно-стилистические ресурсы арабского языка: в сопоставлении с русским языком. М.:1994. – 123 с.
2. Фарид Али, Мухаммал Фади Ахмед Интеллектуальный роман в творчестве Нагиба Махфуза («Вор и собаки» и «Путь»): автореферат, 1995. – с. 23.

3. Шайхуллин Т. А. Стилистика арабского языка: учеб. пособие. Т. А. Шайхуллин, Э. М. Зиганшин, А. Н. Зиляева. – Казань: Магариф, 2008.
4. Махфуз Н. Избранные произведения: Пер. с араб. Е. Стефановой. М.:Панорама, 1992. – 20 с.
5. Шайхаттарова З. З. Приемы сравнительно-образных средств в художественном тексте романа Нагиба Махфуза «Вор и собаки». // Современная молодежь и духовные ценности народов России. 2021. 452–460 с.
6. Хайбуллин И. Н. Стилистика арабского языка. М.: «Издательская группа САД», 2008. – 196 с.
7. Луценко Т. М. Сравнительно-образные средства речи в арабской стилистике. // Молодая наука. 2017. С. 42–48.
8. Салахова И. И. Образное сравнение (التشبيه) как стилистический прием в романе египетского писателя Юсуфа Зейдана «Азазель». // Арабистика Евразии. 2020. №12. С. 90–102.
9. Эль-Сабрути Р. Р. Экспрессивный потенциал арабской речи. // Язык и культура. 2018. №44. С.120–133.
10. نجيب محفوظ. اللص و الكلاب. // دار الشروق: القاهرة، 1961. 127 ص
11. Harb L. Arabic Poetics: Aesthetic Experience in Classical Arabic Literature. Cambridge University Press, 2020. – 318 p.

References

1. Chukhlantsev O. E. *Funkcional'no-stilisticheskaya stratifikatsiya i e'kspressivno-stilisticheskie resursy' arabskogo yazy'ka: v sopostavlenii s russkim yazy'kom* [Functional-stylistic stratification and expressive-stylistic resources of the Arabic language: in comparison with the Russian language]. M.: 1994. 123 p. (In Russ.).
2. Farid Ali, Muhammad Fadi Ahmed *Intellectual'ny'j roman v tvorchestve Nagiba Maxfuza ("Vor i sobaki" i "Put")* [Intellectual novel in the work of Naguib Mahfuz ("The Thief and Dogs" and "The Way")]. 1995. P. 23. (In Russ.).
3. Shaikhullin T. A. *Stilistika arabskogo yazy'ka* [Stylistics of the Arabic language]: textbook. T. A. Shaikhullin, E. M. Ziganshin, A. N. Zilyaev. Kazan: Magarif, 2008. (In Russ.).
4. Mahfuz N. *Izbranny'e proizvedeniya* [Selected works] tr. from Arabic. E. Stefanova. M.:Panorama, 1992. 20 p. (In Russ.).
5. Shaikhattarova Z. Z. Techniques of Comparative and Figurative Means in the Artistic Text of Naguib Mahfouz's Novel "The Thief and Dogs". *Modern youth and spiritual values of the peoples of Russia*. 2021:452–460 p. (In Russ.).

6. Khaibullin I. N. Arabic style. M.: "Publishing group SAD". 2008. 196 p. (In Russ.).
7. Lutsenko T. M. Comparative-figurative means of speech in Arabic style. *Young science*. 2017;42–48. (In Russ.).
8. Salakhova I. I. Figurative comparison (التشبيه) as a stylistic device in the novel "Azazel" by the Egyptian writer Yusuf Zeidan. *Arabic studies of Eurasia*. 2020;(12):90–102. (In Russ.).
9. El-Sabrouti R. R. The expressive potential of Arabic speech. *Language and culture*. 2018;(44):120–133. (In Russ.).
10. Mahfuz N. The Thief and Dogs. Dar El Shorouk: Cairo. 1961. 127 p. (In Arab.).
11. Harb L. Arabic Poetics: Aesthetic Experience in Classical Arabic Literature. Cambridge University Press, 2020. 318 p.

Информация об авторе

Шайхаттарова Зилия Зиннуровна – магистр
Казанского (Приволжского) федерального
университета, Казань, Россия;
<https://orcid.org/0000-0001-7236-9921>,
yoziya@mail.ru,

Information about the author

Zilya Z. Shaykhattarova – master of,
Kazan (Volga region) Federal
University, Kazan, Russia;
<https://orcid.org/0000-0001-7236-9921>,
yoziya@mail.ru,

Статья поступила в редакцию 15.06.2022; одобрена после рецензирования 06.08.2022; принята к публикации 12.09.2022.

The article was submitted 15.06.2022; approved after reviewing 06.08.2022; accepted for publication 15.09.2022.

Раскрытие информации о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure: The author declares Conflicts of Interest Disclosure.

ТЕОЛОГИЯ
علم اللاهوت
THEOLOGY

Theology

Original article

УДК 299

DOI: 10.26907/2619-1261.2022.5.3.66-87

**A Yezidi Manuscript – Mišūr of Pir Amar Qubaysi, its study
and critical analysis**

Dimitri V. Pirbari¹, Nodar Z. Mossaki²

¹Ilia State University, Tbilisi, Georgia

²Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

¹dimapir@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6629-8415>

²nodarmossaki@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8268-006X>

Abstract. It is known that Yezidi religion is mainly based on the oral transmission of religious tradition. In this sense less known sacred manuscripts called “*mshur*” *mišūr* (in Kurmanji—*mişûr*) represent one of the rarest and the most important written sources for the study of Yezidi history and religion. Only two letters have been published so far. Yezidi *mišûrs* belonging to certain lineages of Pirs represent certificates of recognition of those lineages and those Yezidi tribes that were attributed to them as Murids.

The article provides an overview and a description of Mišūr of Pir Amar Qubaysi (in Kurmanji: Mişûra E’mer Qubeysi), who was one of the closest companions of the principal Yezidi saint – Sheikh Adi.

The authors provide information about the mention of Amar Kubaisi both in the Yezidi religious text (Qasīdā of Īsēbīya) and in the well-known hagiographic work (*Qala’id al-Jjawahir*).

Amar Qubaysi was not previously associated with the caste of Pirs. Following document indicates that Amar Qubaysi is the founder of the lineage of the Pirs of

Marqabēs. The article analyzes the Pirs of Amar Qubaysi (Marqabēs) lineage, their internal and external caste relations.

In addition to this, on the basis of this *mišūr* the authors attempt to establish the correctness of names and people with similar names among the Yezidi saints mentioned in “list of the forty” of Sheikh Adi and “list of the forty” of Sheikh Ḥassan, contained in the previously published *Mišūr* of Pir Khatib Pisi.

Keywords: Yezidis, *mišūrs*, *Mišūr* of Pir Amar Qubaysi, Amar Qubaysi, Pirs of Marqabēs, Sufi, Sheikh Adi

For citation: Pirbari D. V., Mossaki N. Z. A Yezidi Manuscript – *Mišūr* of Pir Amar Qubaysi, its study and critical analysis. *Eurasian Arabic Studies*. 2022;5(3):66-87. DOI: 10.26907/2619-1261.2022.5.3.66-87.

Теология

Научная статья

Езидская рукопись – Мшур Пира Амара Кубайси: критический анализ

Пирбари Димитрий Вахмедович¹, Мосаки Нодар Зейналович²

¹Государственный университет Ильи, Тбилиси, Грузия

²Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

¹dimapir@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6629-8415>

²nodarmossaki@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8268-006X>

Аннотация. Езидская религия, как известно, основана на устной передаче религиозной традиции. В этом смысле малоизвестные священные рукописи – «мшуры» – представляют один из редких и наиболее важных письменных источников по изучению езидской истории и истории. До сих пор опубликовано лишь два подобных документа. Мшуры, принадлежащие определенным родам пирам, представляют своего рода грамоты, в которых этим родам приписаны определенные племена мюридов.

В статье осуществлено критическое описание Мшура Пира Амара Кубайси, являвшегося ближайшим соратником главного езидского святого – Шейха Ади.

Авторы приводят сведения об упоминании Амара Кубайси как в езидском религиозном тексте (*Qasīdā of Īsēbīya*), так и в широко известной агиографической работе (*Qala'id al-Jjawahir*).

Причем ранее Амар Кубайси не ассоциировался с кастой пиров. Приводимый манускрипт показывает также, что Амар Кубайси является основателем рода пиров Маркабес. В статье приводятся сведения о роде Пиров Маркабес и их внешние кастовые отношения.

Кроме того, с учетом анализируемого мшюра авторы предпринимают попытку уточнить некоторые имена езидских святых, встречающихся в «списках сорока» Шейха Ади и Шейха Хасана, содержащихся и в Мшуре Пира Хатиба Пси.

Ключевые слова: езиды, мшур, Мшур Пира Амара Кубайси, Амар Кубайси, Пир Маркабес, суфии, Шейх Ади

Для цитирования: Пирбари Д. В., Мосаки Н. З.. Езидская рукопись – Мшур Пира Амара Кубайси: критический анализ // Арабистика Евразии. 2022. т. 5 № 2. С. 66–87. DOI: 10.26907/2619-1261.2022.5.3.66-87..

Introduction

It is known that Yezidi religion is mainly based on the oral transmission of religious tradition. It was the religious hymns (*Qawls*, *Bayts* and *Qasīdās*), parables and various legends that have left their mark in folk tales for centuries have been responsible among the Yezidis for the transmission and reproduction of traditions by being the main source for understanding the various aspects of the Yezidi religion. In this sense less known sacred manuscripts called “*mshur*” *mišūr* (in Kurmanji – *mişûr*) represent one of the rarest and the most important written sources for the study of Yezidi history and religion. Yezidi *mišûrs* were granted only to certain lineages of Pirs and represented documents of recognition of those lineages and those Yezidi tribes that were attributed to them as *Murids*. For more information about *mišûrs*, as well as further literature about these written sources, see [1], [2], [3], [4]. In this article there is no need to repeat the information that is already given in these works.

Without a doubt, an analysis of the information contained in the Yezidi *mišûrs* and their comparison with the oral tradition is a very promising tool for clarifying various aspects of the Yezidi religion and history.

In this article we will look at the *mišūr* belonging to the Yezidi saint Amar Qubaysi (in Kurmanji – *E'mer Qubeysi*) عمر قبيسي, who was one of the closest companions of the principal Yezidi saint – Sheikh Adi (1072/1078–1162).

In Arabic “Qubaysī” قبيسي comes from word قبس “burning”, “burning coal.” Badri writes these words through the letter ص قبيصي–ص [5].

Review and Analysis of Mišūr of Pir Amar Qubaysi

The manuscript under the study was kept in the family of Pir of Marqabes, in the family of Shirin son of Pir Khidir Ape (Shirinē Pīr Khidre Āpē Pīrē Marqabēs) who live in the Suburb of Tbilisi. We first saw the manuscript in 2008. The condition of the manuscript was quite poor, it had been folded a few times, in some places the paper was damp, damaged and glued together. The *mišūr* was kept in a bag, made of wool, which is used to store sacred items, in a *khurj* (khurj). The document itself was a scroll of paper that was kept folded several times by the owners. In 2011 attempt to unfold the *mišūr* the paper was accidentally torn into 4 pieces. Because of the condition of the paper, it was impossible to distinguish the words and phrases on one of the pieces. It was only possible to make out only a few separate words that could not be combined into any coherent text. At the same time, handwriting on that piece was different from the rest of the manuscript – which was difficult but still possible to restore. Now it is not possible to determine whether all these fragments constituted one single document or if the piece of paper of different handwriting was a kind of annex to the *mišūr* as a prayer amulet or perhaps it was a previous version of the *mišūr* itself. Those words and phrases that were legible were rewritten on a separate paper. We made photocopies of the *mišūr*, which are given in this article.

It should be noted that the size of the preserved text on paper subject to restoration, and checking the formula of *mišūr* standards well known to us, as well as the list of names of the saints allowed us to restore the document in a greater extent.¹ The preserved part of the beginning of the document matches the *Mišūr* of Pir Khatīb Pisī ibn Pir Būtār (further – *Mišūr* of KhP), which was first published by Pir Khidir Silēman [2]. In English, the *Mišūr* of KhP was published by Khanna Omarkhali [3].

The document apparently begins with a phrase traditionally used in the *mišūrs* (we base this on the fact that the published *Mišūr* of KhP and other *mišūrs* known to us, excluding *Mišūr* of Pir Sīnī Bahrī, start in the similar way): “Bismillāhī ār-raḥman ār-raḥīm” (Arabic: “In the name of God the Most Gracious, the Most Merciful”), then it is followed by the praise of Sheikh Adi (other forms: Šikhādī, Šekhādī) and Sheikh Ḥassan

¹ The authors would like to thank Sheikh Mirza Sulaiman for his assistance in translating some words of the of the *mišūr*.

(other forms: Shēkh H'asan, Shikhsin, Shekhsn) and 'list of the forty' of Sheikh Adi² (among which is mentioned Amar Qubaysi) and "list of the forty" of Sheikh Ḥassan.³

Following this is a list of Yezidi tribes assigned to the owner of the *mišūr*, and it is in this part that Amar Qubaysi again mentioned, although in the *mišūrs* known to us, as a rule, the owner of the *mišūr* is mentioned separately, right after the 'list of the forty' of Sheikh Adi and the 'list of the forty' of Sheikh Ḥassan, or as in *Mišūr* of Pir Sīnī Baḥrī, is praised after Sheikh Adi. This manuscript also contains the list of names of ancestors of the owner of this *mišūr*. The document ends with the phrase: "Completed in the name of God the almighty and blessed", also in this *mišūr* the names of compiler or scribe is missing, furthermore there are no seals or dates that are usually found in these manuscripts. As far as the surviving paper allows us to determine, these provisions are not lost but were absent from the beginning. It is most likely that this document is a copy of an earlier manuscript. It can be assumed that in this case the scribe was not a Yezidi sheikh from Peshimam (Pēšīmam) family, as it should have been according to the Yezidi tradition, because he would have written his name, the date of rewriting and the seal as well. Apparently because of the geographical distance from Lalish the owners of the *mišūr* resorted to the help from an educated Muslim to save the text. In this case the list of descendants of Amar Qubaysi is noteworthy – which is obviously a later addition to the text, although we do not know which names of the descendants were mentioned in *mišūr* this manuscript was supposedly copied from or what additions have been made by the copier. Nevertheless, it is obvious that the mentioning of at least fourteen generations (it was impossible to read two more names) of the descendants of Amar Qubaysi suggests that the *mišūr* was copied for a quite long period of time after the death of the Yezidi saint. Taking into account the fact that, with rare exceptions [2], the *mišūrs* that have reached us were mainly composed after the formation of the Yezidi caste system, which happened during Sheikh Ḥassan's time and immediately after him (thirteenth – fourteenth centuries), it can be assumed that the version we have now of the *Mišūr* of Amar Qubaysi with the indication of his descendants, was copied not earlier than eighteenth century. The original of the *mišūr* must have been lost or became unsuitable for use due to the poor condition of the paper.

² In Kurmanji – *Çilê Şixadi*. According to the legend, these forty men were always with their teacher Sheikh Adi. It is possible that there were other companions of Sheikh Adi, that were not mentioned in this list. Men mentioned in *Çilê Şixadi* are the founders of many lineages of Pirs. Although, not all of them have descendants.

³ Sheikh Ḥassan (1195–1246, Grandson of brother of Sheikh Adi), during whose life the formation of the Yezidi community actually took place, also had forty companions – "*Çilê Melek Şexsin*", who also happen to be the ancestors of several Pir clans, and this is already the second generation of Yezidi saints, from whom came the next generation of Pir. Some of them could have family ties with the companions of Sheikh Adi.

In this document there are no formulas related to Islam (for example, lines from the surahs, verses or quotes from the Quran), which were often added by the Yezidi scribes in later texts for the political expedience – to give the document an acceptable guise in the Muslim environment.

It should be noted, that in the text of the *Mišūr* of Amar Qubaysi examined by us, there are names of some saints that even though are similar to the names written in the *Mišūr* KhP, they still differ in the reading, and publishers of the *Mišūr* KhP have indicated them mistakenly. When we compared the documents we tried to take into consideration the very clear spelling of the names in the *Mišūr* of Amar Qubaysi and for more reliability we compared them to their mentions in the oral tradition. This allowed us to identify and specify the spelling of the list of names of Yezidi saints published in the *Mišūr* of KhP. So, in the *Mišūr* of Amar Qubaysi in one of the names it is possible to read only “ībn Ābī,” however the other part of the name (obviously it is – “’Īsā”) is not legible. However, in the *Mišūr* of KhP this name Pir Khidir Sileman is mistakenly read as – “al-Zābī” [2]. Khanna Omarkhali repeated the same error [3], even though there is no one under the name of “’Īsā al-Zābī” in Yezidism. ‘Īsā ībn Ābī who is mentioned in the *Mišūr* of KhP was not identified as Īsēbīya by Pir Khidir Sileman and following him, by Khanna Omarkhali. In the document cited by R. Lescot [6] there is ‘Īsā ībn Ābī mentioned as well after ‘Amar Qubaysi, 6th in the list. For the identification of ‘Īsā ībn Ābī with Īsēbīya, we used Qasīdā of Īsēbīya as well, where ‘Īsā ībn Ābī is mentioned as a treasurer of Sheikh Adi:

‘Īso ībn Ābī,
 Ū čākyā pādšānī,
 ‘Īso bū khizīndārē Šīkhādī.⁴

‘Īso ībn Ābī
 You are the grace of kings
 Īso became treasurer of Sheikh Adi

Even though in the both *mišūrs* there are forty companions and the majority of the names coincide, there are still notable differences. So in “list of the forty” of Sheikh Ḥassan in the *Mišūr* of Amar Qubaysi one name is missing, and it is most likely Khatīb ‘Īsā, which is present in the *Mišūr* of KhP and in manuscript published by Roger Lescot as well. It should be noted that neither Pir Khidir Sileman, not Khanna Omarkhali identified Khatīb ‘Īsā in Sheikh Ḥassan’s the “list of the forty” with Pir Khatīb Pisī in the works about *Mišūr* of KhP.

⁴ Qasīdā of Īsēbīya see in [7], [8].

In the oral tradition, over time, there was a distortion from “’Īsā ībn Ābī” to “’Īsā ībn’ Ādī.” Bedele Feqīr Hecī, as well as a connoisseur of Qawls Hajji Qawal Hussein and several other connoisseurs agreed with us that a distortion probably occurred.

Amar Qubaysi is mentioned fifth in in the list of companions of Sheikh Adi (for example, in *Mišūr* of KhP. However, it should be noted that in *Mišūr* of Pir Sīnī Bahrī “list of the forty” of Sheikh Adi and “list of the forty” of Sheikh Ḥassan is absent which is apparently because of the early date of writing – 1208). This order of names of the companions of Sheikh Adi and Sheikh Ḥassan are wholly repeated in all the *mišūrs* known to us. The principle of chronology of the mentioned names is not known to us, although it could be assumed that the order depended on the level of achievement in Dervishhood or the degree of proximity to Sheikh Adi. At the same time despite the place so close to Sheikh Adi in the list of names of Yezidi saints, no *Qawls* or *Qasīdā* were dedicated to Amar Qubaysi, or they were not preserved. At least there is no evidence available currently. The only holy text of Yezidis where Amar Qubaysi is mentioned is *Qasīdā* of Īsēbīya, which is itself a part of *Bayt* of Sheikhs and Pir (*Baytā šēkh ū Pira*). In this *Qasīdā* Amar Qubaysi is mentioned in context with Pir Īsēbīya as his *yār* (literally beloved) or a friend along with well-known Yezidi saint Mahmarašān (Muḥammad Rašān, Muḥammad ībn Raš, i.e. son of Raš⁵). It should be noted that Amar Qubaysi and Mahmarašān are mentioned together also in a very famous hagiographic work – *Qala'id al-Jjawahir*, which is dedicated to Sufī ‘Abd al-Qādir al-Gīlānī⁶ and his companions, in the chapter on Sheikh Adi [9], as well as in the manuscript dedicated to the acts of Sheikh Adi, written in the fifteenth–sixteenth centuries [5].

‘Asayī tuyī Īsī,
 Nūrak li sar dīīsī,
 Tu yār ‘Amar Qabīsī.

Of course you are Īs,
 You are shining light,
 You are a friend of Amar Qubaysi.

‘Asayī Īsēbīyānī,
 Khizīndārē Pādšānī,
 Tu yār Šēr⁷ Maḥamad Rašānī

Of course you are Īsēbīyān,
 Treasurer of the kings,
 You are a friend of Šēr Muḥammad

⁵ According to the Yezidi *Qawls*, Muḥammad Rašān was one of the first who recognized Sheikh Adi as his teacher and became his true ally. In *Qawlē Šīxadī ū mēra* we read some information about this. Evidence of how close Muḥammad Rašān and Sheikh Adi were can also be found in [9]. The temple of Mahmarašān is situated close to a base of mountain Maḥlub (between Sheikhan and Bašīq–Bahzān). It is believed that the temple was built over his tomb. The celebration of Mahmarašān takes place in Spring time. In Iraq after Lalish the biggest number of pilgrims visit the temple of Mahmarašān.

Mahmarašān is considered to be the head of the companions (devotees) of Sheikh Adi (*Sarwērē mērān*), master of rains and patron of cats. About Mahmarašān see also [10].

⁶ ‘Abd al-Qādir al-Gilani – a great Sufi, friend of Sheikh Adi. According to the tradition, which was written down by E.S. Drower, among Yezidis “there was such communion between his spirit and that of Shaikh Adi bin Musafir that if the latter stood in a circle traced by pious magic, he could converse with his friend in Baghdad” [11]. At the same time in Yezidi *Qawls* Gilani is mentioned briefly and does not take a special place in Yezidism, unlike other well-known Sufi Al-Haladj (Husayn bin Manṣur al-Ḥallajj).

⁷ Here word ‘šēr’ we are not translating. It literally means «lion», but here – it is the epithet for Muḥammad Rašān.

[7], [8], [12].

Rašān.

In this Qasīdā Amar Qubaysi is pronounced as “‘Amar Qabisi”. The tercet in which Amar Qubaysi is mentioned was known among Yezidis in Armenia and Georgia. Although it was in a little modified form, so the name of the Yezidi saint in Georgia and Armenia was transformed into “Marqabēs” or even “Maqlavēz”.

Īso tuyī Īsī,
 Bīnā zēr tu ditayīsī,
 Tu yārē Marqabēsī⁸.

Īso you are Īs,
 You shine like gold,
 You are a friend of Marqabēs.

This type of changes in names can be observed among Yezidis in different regions. Oral tradition as well as residence of Yezidi communities in often isolated and distant regions from each other, could not have preserved unified religious terminology. For example, name of the saint Faxradīn among Yezidis of Sinjar was modified and became Kharfadīn, as for Yezidis in Armenia and Georgia – Farkhadīn, Khatunā Fakhra – Khatunā Farkha and Khatuna Kharfa, kišif (from Arabic – كشف – manifested) – kifīš, 'ibādat (from Arabic – عبادة – worship) – 'ababāt and so on. Similarly, Amar Qubaysi can be quite possibly identified with Marqabēs. Another convincing argument for our assumption is the fact that *Mišūr* of Amar Qubaysi was in fact kept in the family from the lineage of Pir Mārqbābēs, and as it was already mentioned, they live only in Armenia and Georgia. Furthermore, the members of this family did not even know that in the *mišūr* their ancestor was mentioned as “Qubaysī”. For the first time, the assumption that the Pirs of Marqabēs are descendants of Amar Qubaysi was put forward in [13]. However, this particular *mišūr* convincingly confirms this assumption.

It should be pointed out that among the Iraqi Yezidis there is no information about the Pīrs of Marqabēs, including about the founder of this lineage under the name of Marqabēs. At least, elders of Pirs and also Yezidi religious leaders we interviewed in Iraq did not have any evidence about Pirs of Marqabēs. This is somewhat surprising considering the situation, where even some lineages of Pīrs living only in Armenia and Georgia (for instance, Pirs of the lineages of Sīnakhālī, Qadībilbān and Pir Dirbēs) and they cannot be traced to Iraq any longer, but the information about them and their founders is fully maintained, to certain degree, among the Iraqi Yezidis. Apparently, in this case this is not so much in connection

⁸ This version was heard in Tbilisi in 1992 from a Yezidi Pir – Pir Ūsoē H'oko Pirē Īsēbīya from the village Lenugi of Armenia.

with the fact that all the descendants of Amar Qubaysi, as we assume, already in the Middle Ages moved over to *Sarhad*⁹ from where they migrated to former Russian Empire and in USSR, losing contact to their historical homeland for a long time. Most probably the distortion of the name Amar Qubaysi to unknown, although a little similar sounding Marqabēs, became the main factor that made their identification difficult. At the same time, it is not only the absence of any kind of evidence about existence of lineage of Pirs of Marqabēs among Iraqi Yezidis that is interesting. The fact that the Yezidi saint Amar Qubaysi in Yezidism was never associated to caste of Pirs and was never considered as a founder of a certain lineage of Pirs is more important in our opinion. It should be pointed out that among the Yezidis in Armenia and Georgia and in this case among the Pirs of Marqabēs, it is quite surprising that there was practically no information about the origins of this lineage of P'irs, apart from a suggestion that the saint Amar Qubaysi – a female under the name “Sitī Marqabēs”, who was for some reason connected to the knitting of *tunique* (in Kurmanji – *khirqa* “*khirqa*”, sacred shirt, sacred garment). This, apparently is the only example, although kept in quite distorted form, of association of Amar Qubaysi with Marqabēs.¹⁰ Now it is difficult to determine how this tradition started and what kind of connection might Amar Qubaysi have with the *tunique* knitting. Although, it would be useful to mention, that this Yezidi saint could have been clothed in the *tunique*. Amar Qubaysi is mentioned with other well-known Yezidi saints – Maḥmarašān, Alī Tokilī and Ḥajī Raḡab al-Bēristakī [9] – among the disciples of Sheikh Adi in *Qala'id al-Jawāhir* in period which was connected to Sufi past of an main Yezidi saint.¹¹ Perhaps exactly this image of Amar Qubaysi was transferred to the Yezidi tradition. However, we were not able to find any kind of evidence to indicate the connection of Amar Qubaysi to *khirqa* in Yezidi religion. As it is known, *khirqa* is the most sacred attribute and object in Yezidism. It is the robe of Faqirs.¹² According to the tradition, two lineages of Sheikhs wear *khirqa* – Šēkhūbakr and Šēxisin. Although, among the caste of Pirs only the descendants of ‘Omar Khālān (Pirs of Omarkhālī) are allowed to wear *khirqa*.

In the chapter about Sheikh Adi in *Qala'id al-Jawāhir* we learn about his close friendship with his disciple Amar Qubaysi. In the source there are sayings of Amar

⁹*Sarhad* (in Kurmanji – “on the border”) meant territory at the junction of the Ottoman Empire, Iran and the Russian Empire. *Sarhad* included Kars, Van, Bayazid, and Alashkert regions.

¹⁰ Pir Usoe Moskov Pire Isēbiya, spoke about this in 1995, Tbilisi. See also [14]. It is clear, that *Dirōzga*, published in the *Zargotina kurda*, is apparently distorted. We know the Iraqi version of the *Dirōzga* but however in this text there is no mention of Amar Qubaysi, or Sitī Marqabēs.

¹¹ We understand that dividing life of Sheikh Adi in pre-Yezidi Sufi and Yezidi periods is possible only conditionally and only based on the nature of development of Yezidism and religious tradition, in which the main saint is Sheikh Adi without his association with Sufism.

¹²Faqirs – literally: beggar, poor, same as ascetic, dervish in Persian. But for Yezidis faqirs became one of the ways of monasticism. Eventually only the members of certain lineages became faqirs.

Qubaysi about Sheikh Adi and their travels together, about orders that Sheikh Adi gives his disciples as well as about the miracles – *karamat*: “Sheikh Amar Qubaysi said: ‘Seven years I served Sheikh Adi. May the God be pleased with him! I became a witness of unnatural affairs’” [9]. It is worth noting that Amar Qubaysi as well as Muḥammad Rašān are mentioned as Sheikhs. Although, if the information about Amar Qubaysi in Yezidism was in fact absent and only known fact about him was him being one of the disciples of Sheikh Adi and only the *mišūr* we are analyzing has indicated his connection to the Pirs, on the other hand Mahmarašān mentioned in the source as Sheikh is quite well known as the founder of the lineage of Pirs of the same name. This is how it is written in the source:

And thus spoke Sheikh Amar Qubaysi: “I was with Sheikh Adi (May God be pleased with him!) along with ‘Alī Mutawakil and with Muḥammad Rašān. Sheikh Muḥammad Rašān sat on the right side of Sheikh Adi on the place of Sheikh ‘Alī. Sheikh ‘Alī was not pleased about this. For an hour no one spoke a word. Sheikh Adi knew what was the matter. Sheikh Alī approached Sheikh Adi: “O, my Master, would you allow me to ask question to Sheikh Muḥammad?”

Sheikh Adi gave him permission.

Sheikh ‘Alī: “O, Sheikh Muḥammad, yesterday I was in Darakat.”

Muḥammad: “Yes.”

Sheikh ‘Alī: “How many people were there and which tribes were they from?”

Muḥammad: “17 000 Arabised, 15 000 Kurds, 7 people of Turkmans, 3 people of Hindus, 3 Nurian people from India.

Sheikh ‘Alī: “You said it correctly” [9].

In the work of Rudolf Frank Amar Qubaysi is also mentioned (as Scheich (Sheikh) 'Omar al-Qabîsî) as one of the closest companions of Sheikh Adi and is included in the “list of forty” of Sheikh Adi [15]. R. Frank cites one more episode from life of Sheikh Adi in Mosul in the story of Amar Qubaysi [15].

Referring to Yezidi Pirs as Sheikhs in some sense is compatible to folk tradition, according to which in Yezidism caste of Sheikhs was formed by the relatives of Sheikh Adi – presumably from nephew of Sheikh Adi – Sakhr, and the Pirs were the same Sheikhs, but the pupils and companions of Sheikh Adi and Sheikh Hassan. This confirms the assumption that initially terms “Pir” and “Sheikh” were used as synonyms before the formation of the caste system of the Yezidi community at the end of

thirteenth century. It is logical to think that *mišūrs* were probably made in the period of caste system formation along with division of spiritual caste into Pirs and Sheikhs.

Qalā'id al-Jawāhir to some extent tells us about the hierarchy of the followers of Sheikh Adi and place of Amar Qubaysi among them:

When Sheikh Adi sat with his companions, [he] was very happy and calm. Sheikh Adi (May God be pleased with him!) told Sheikh 'Alī: “How long can you bear without food and water?”

“I can eat and not drink for one year. I can drink and not eat for one year. One year without drink and food.”

Sheikh said: “You are not stronger!”

Sheikh Adi turned to Muḥammad Rašān: “And what about you?”

“O, master, I will survive less than my brother Sheikh 'Ali. I can eat for 9 months and not drink. For 9 months I can go without eating but drink. For 9 months I can go without food and drink.

And he turned to me: “O, 'Amar, how about you?”

I said: “O? My Master, I can survive 6 months with only food and no drink. For 6 months with only drinking and not eating. I can go without food and drink for 6 months.

Sheikh Adi (May God be pleased with him!) spoke: “Praise God, that made it so that your kind are my companions” [9] (see also [14]).

It should be noted, that on the territory of the main Yezidi temple – Lalish – there is a memorial place for Amar Qubaysi under the name of “'Amar Qāmčī” which means ‘Amar – Possessor of Scourge.

This place is situated inside the temple on the right side from the entrance (place of wick¹³ which is lighted up in honor of 'Amar Qāmčī). To Yezidis of Iraq Amar Qubaysi is also known as “'Amar Qāpčī”. “Qāpčī” in Turkish, from where it came to Kurmanji, means “gatekeeper”, accordingly, “'Amar Qāpčī” – “Amar Gatekeeper”, in other words gatekeeper of Sheikh Adi. Near Bašīqā and Baḥzān, there is a village of the same name – 'Amar Qāpčī, at the moment inhabited by Muslim Shabaks (Sunnis and Shias). As Peshimam of *Margah*, Sheikh Faruq Khalil of Bašīqa informed us this village used to be of completely Yezidi population, then the people were forcefully converted to Islam. In this village, until very recently, was a shrine of Amar Qubaysi once a small, in places collapsing structure in the style of Yezidi

¹³ On Kurmanji *fitil* (*fitil*), from Arabic *فطيل*.

temple architecture. The shrine was not abandoned, however. Before the well-known tragic events of 2014, Yezidis visited the shrine, took care of it and with the reassurance of Yezidi clergy they were going to restore the dome but at the time the temple is completely demolished.

Consequently, Amar Qubaysi is represented in two roles: “gatekeeper of Sheikh Adi” and “Possessor of Scourge.” Now it is impossible to determine what function this Yezidi saint was endowed with at the beginning. Maybe “qāpčī” and “qāmčī” were the result of transformation of Qabīsī and only afterwards were the mentioned variations created.

*Pirs of Amar Qubaysi (Marqabēs) lineage:
 their internal and external caste relations*

Pirs of Amar Qubaysi (Marqabēs) lineage from 30–40s of the 19th century lived in the village of Mīrak (previously, this village belonged to the Aparan region and now to the Aragats region of Armenia) and from there the family which kept the examined *mišūr* moved to Tbilisi. Several more families of this lineages lived in Tbilisi and Armenia. After the collapse of USSR some members of this lineage moved to Russia (Moscow, Kaliningrad). In Armenia and Georgia some Pirs thought that Pirs of Marqabēs and Pirs of Dirbēs are related, although there is no evidence for this.

Having examined the issue about the lineage of Marqabēs and interviewed the representatives, it appears that they have lost almost all of their *Murids*. Clearly, part of their *Murids* became Muslim (since the tribes mentioned in *mišūr* are no longer among the Yezidis), and another part became *Murids* of different other lineages of Pirs. It should be noted, that as it is shown in the *mišūrs*, change of a Pir by *Murids* was not a very unusual practice. It is possible, that historical circumstances along with migration of Yezidis to different regions corrected the formal rules. When it was impossible to have direct contact to your Pir, obviously the *Murids* turned to different Pir families. Moreover, as Oleg Vil’chevskij noted even “the Yezidis belonging to the same tribe can be *Murids* of different Sheikh and Pir lineages” [16]. Although, some of the representatives of Pirs of Marqabēs remember, that they were *murrabī* (tutors) of tribe Dasinan which is also confirmed by the *Mišūr*.

Sheikhs of the Pirs of Marqabēs lineage are Sheikhs of Sijādīn and Pirs are from the lineage of Pir Ḥasnmanān, although the representatives of lineage Sijādīn and Ḥasnmanān in Iraq did not know this. It is worth noting that Pirs of Marqabēs believed that they were not allowed to enter marriage with the members of Pir Īsēbīyā lineage, since in the *Qawls* he is called his *yār* (a friend).

If we understand the word *yār* as a “friend”, then this does not necessarily forbid marriage between these lineages of Pirs. For example, in Iraq among Pirs of Mahmarašan and Īsēbīya marriage is not forbidden, even though in the Qasīdā of Īsēbīya it is mentioned that Īsēbīya was a *yār* of Mahmarašan. Yezidis are ordered to have five preceptors (*Pēñj farz*, five responsibilities) and along with a spiritual brother (sister)¹⁴ a friend is also mentioned – *yār*, *birē ākhratē* (spiritual brother, brother in afterlife). In practice some of the families along with *birē ākhratē* have *yārēākhratē* (spiritual friend) as well. In Iraq, Turkey and Syria the Yazidis consider *yārēākhratē* as synonym of *birē ākhratē*. Although, among the clergy of Yezidis there is no consensus regarding the similarity of these two terms so there is diverse understanding of inter-caste marriage prohibitions.

Text of Mišūr

We divided the Mišūr of Amar Qubaysi into five parts based on the content:

1. The beginning of the manuscript.
2. The list of the forty of Sheikh Adi b. Musāfir.
3. The list of the forty of Sheikh Ḥassan.
4. The owner of the manuscript.
5. The Murids of this *mišūr*.

Here we used the method that Khanna Omarkhali applied when publishing the manuscript of the Mišūr of KhP [3].

As we have already noted, some part of the manuscript is not legible or the scribe left out some letters and therefore the text was restored on the basis of a comparison with Mišūr of KhP, as well as with the oral tradition of the Yezidis. Part of the Mišūr of Pir Amar Qubaysi, with only few exceptions, matches with Mišūr of KhP and was restored with the help of this *mišūr*. Therefore, English translation of the matching text is from Omarkhali's work [3]. Although some names are spelled differently. Those letters and words that have been restored are underlined by us. Missing text is enclosed in square brackets.

Mišūr of Pir Amar Qubaysi: Arabic Text and English Translation

The beginning of the manuscript.

بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ

In the name of God, the Most Gracious, the Most Merciful.

¹⁴Qawls give information about spiritual brother, although, in Yezidi tradition analogous relations are established with spiritual sister.

The list of the forty of Sheikh Adi b. Musāfir

هذا تذكرت اربعين سيدنا شيخ عدي ابن مسافر نور الله ضريحه اولهم محمد ابن رش و
حسن ابن مم و عيسى ابن ابي و بيري جروان و عمر قبيسي و حسن حصري و جنيد الباخوزي و
قضيبي البان الموصللي و محمد الشنبكي و ابوبكر الحمصي و سعيد البدوي و ابراهيم الرملي و قايد
البوزي و حاجي رجب البيروستي و امير محمود قلانسي و خضر الهكاري و علي التوكل
واسحاق الكوردي و علي دريالي و خشف الدينسري و حماد البوزي و عبد العزيز الثرثاري و
داود التخومي و ابراهيم قونسي و محمد الرنبوسي و سعيد الباهي و عمر المزروع و مبارك ابن
اخي و شيخ نعمان و شيخ فتان و مطر ابن فيض و بشير ابن غنيمه و جمال ابن سلام و شيخ
رسلان المهرسان و حسين البروخواركي و ابو بكر قرقوري و احمد ابن شمس و ربحان عبد
الشيخ و داود خربند و محمد ابن ربن هو خاتم الاربعين رحمة الله عليه اجمعين.

This is the enumeration of the forty
of our lord Sheikh Adi b. Musāfir God illuminate his grave, peace be upon them, the
first of them¹⁵ is Muḥammad ṭbn Raš and [the others] are Hassan ṭbn Mam,¹⁶ 'Īsā ṭbn
Ābī,¹⁷ P'ir Ĵarwān,¹⁸ Amar Qubaysi, Ḥassan Ḥasrī,¹⁹ Ĵūna'īd al-Bākhūzī,²⁰ Qadīb al-
Bānāl-Mūsīlī,²¹ Muḥammad al-Šanbakī,²² Ābū Bakr al-Ḥimsī,²³ Sa'īd al-
Badawī,²⁴ Ibrāhīm al-Ramlī, Qā'id al-Būzī, Ḥajī Raĵab al-Beristakī, Amīr Maḥmud al-
Qalānsī,²⁵ Khidir al-Hakārī, Alī Tokil,²⁶ Ishāq al-Kurdī,²⁷ 'Alī Daryālī,²⁸ Khišif al-

¹⁵ This sentence has been assembled on the basis of the *mišūr* shreds, on which it was possible to read individual words when comparing them with *Mišūr* of KhP.

¹⁶ Ḥassan ṭbn Mam (Ḥassnamāmān) was one of the close companions of Sheikh Adi, who was the Pir of forty Pirs (Pirē čil Pira) and the head of Pirs. According to the Yezidi tradition, he was the ruler (Mīr) of Ḥarir (not far from Erbil), who as he heard about Sheikh Adi decided to banish him and declared war on him with his 700 riders. When Ḥassan ṭbn Mam came to Lalish and saw the dervish clothed in the garment, i.e. Sheikh Adi, he had a vision, after which he believed in Sheikh Adi, he left worldly life and became a disciple of Sheikh Adi. In the 'list of the forty' of Sheikh Adi he is mentioned second after Mahmaṣāṣān. The settlement of Salahaddin, where the residence of Masoud Barzani is situated, is believed to be the patrimony of Ḥassan ṭbn Mam (other name – Pir Mam).

We also note that names of Muḥammad ṭbn Rash and Ḥassan ṭbn Mam are not visible in the *Mišūr* of Amar Qubaysi, although, knowing the sequence of the companions of Sheikh Adi from *Mišūr* of KhP and the document given by R. Lescot [6], we inserted them according to these sources.

¹⁷ 'Īsēbīya, i. e. 'Īsā ṭbn Ābī – a companion of Sheikh Adi and his *khaẓindar*, treasurer. See above for more information about him.

¹⁸ In the *mišūr* is written "Pirī Ĵarwān", although in the *Mišūr* of KhP – Pir Ĵarwān. He is the Pir of Sheikh Adi, or the Pir of Emirs, also Pir of Šikhsins and all the Sheikhs of Adani. About him, see [1]. For same information in English, see [3].

Pir Ĵarwān is a patron of scorpions [10].

¹⁹ A companion of Sheikh Adi [5]. It should be noted, that in the *Mišūr* of KhP he is mentioned with an article "al". Pir Khidir Sileman correctly indicated Ḥassan as Ḥasrī [2], although Kh. Omorkhali doesn't write his name as "Ḥasrī," but as "Mišrī" which is incorrect [3].

²⁰ A companion of Sheikh Adi [5]. Possibly, this is the family of Pir Ĵinēd. Representatives of this family live in Iraq.

²¹ About Qadīb al-Bānāl-Mūsīlī (471–573/1078–1177) see [4], [17], [18].

²² Ābī Muḥammad al-Šanbakī al-Kurdī. According to *Tarikh Arbil*, Sheikh Adi visited Baghdad with Muḥammad al-Šanbakī, Abd al-Qādir Gīlānī, Akīl bēn Abd al-Raḥman al-Manbajī, Ḥamad al-Dabas, Abū al-Wafā al-Ḥulwānī and others. Muḥammad al-Šanbakī joined Sheikh Adi and became his companion [19].

Pir Khidir Sileman correctly gives his name, although with Kh. Omorkhali there is a misspelling – Šabnakī [3].

²³ It appears that he was from the city of Homs.

²⁴ This is Seydīl Bedew, who has a place in Lalish.

²⁵ Kh. Omorkhali missed the letter "n" [3]. Roger Lescot as well as Pir Khidir Sileman wrote correctly [2], [6].

²⁶ In the *Mišūr* of KhP he is indicated as 'Alī Tokilī.

Maybe this is Alī Mutawakil, mentioned in Qalā'id al-Jawāhir [9].

²⁷ Ishāq al-Kurdī (Ishāq al-Sārdūlī al-Kurdī) – native of the village Sārdūlī, one of the companions of Sheikh Adi. His saying about Sheikh Adi have been saved, where Ishāq al-Sārdūlī tells a story about his participations in battles with Muslims against "Franks" and about being captured together with his forty companions in Tripoli. According to a medieval source he called Sheikh Adi in prayers and a miracle happened—the captured managed to free themselves and made it to Nišibīn [5].

Dinēsri,²⁹ Ḥamad al-Būzī,³⁰ 'Abd al-'Azīz al-Tharthārī,³¹ Dawūd al-Tikhūmī, Ibrāhīm Qūnsī, Muḥammad al-Raṇbūsī,³² Sa'īd al-Bāhī,³³ 'Umār al-Mazra'ī, Mubārak ibn Ukhṭī, Sheikh Nu'mān, Sheikh Fityān, Maṭar ibn Fayḍ, Bašīr ibn Ghanīma, Ḥamāl ibn Salām, Sheikh Raslān al-Mihrsānī, Ḥusayn³⁴ Barkhwarkī, Abū Bakr Qarqūrī,³⁵ Ahmad³⁶ ibn Šams, Rayḥān 'Abd al-Sheikh³⁷, Dawūd Kharband,³⁸ Muḥammad ibn Raban³⁹ and he is the seal (i.e. last) of the forty. May God have mercy on all of them!

The list of the forty of Sheikh Ḥassan

و هذا تذكرت اربعين سيدنا شيخ حسن الصالح الزاهد العابد الورع النقي التقى العالم العامل العابد العارف امام الموحدين و مذهب سنة الدين [ابا] محمد شيخ حسن ابن شيخ عدي رحمه الله تعالى عليهم اجمعين و اولهم حاجي محمد [كفر الزمني] و اسماعيل ابن قابيله و خضر الكوفاني و شمس محمد الدمشقي و حماد البواجي و بير بوب البحراني و ابو بكر الدوش و بير بلجان ابن ... و شيخ مطر و شيخ جميل و شيخ زريب و شيخ علي الكافي و عبد الحميد و حاجي حسن مرداني و حاجي علي السيراني و عرفات الهكاري و محمد النيرني و بير محمد الدرجني و عيسى ابن سعيد البدوي و حسن لاكان و البوبكران و بير بوالي سيدري و بير دلي بيبادي و بير عمر الحارونكي و حاجي مكي حاجي اسرايل و عيسى البودي و علي الموكان و حسن الجناري و عمر خالان و غريب حكاك اربيلي و بوب الاحزاني و بوب الاساني و بيرخليل السهركي⁴⁰ و محمد البيبوني و موسى سرير و محمد الباشهدي و بير محمود الخندقي و سلمان الباباكري.

And this is the enumeration of the forty of our lord Sheikh Ḥassan, righteous one, the ascetic, the worshipper, the pious one, the pure one, the modest one, the learning one,

²⁸ Although, in the Mišūr of KhP he is mentioned as 'Alī Dardabālī [2], [3]. He is not mentioned at all in the work of R. Lescot.

²⁹ In the Mišūr of KhP Khishif al-Dinēsri is present, although when Pir Khidir Sileman publishing of the Mišūr of KhP, he missed this name. Therefore, Kh. Omarhali also skipped Khishif al-Dinēsri. In the book of R. Lescot Khishif al-Dinēsri is present [6].

³⁰ This is Pir Ḥamadē Boz, who is mentioned in Bayt of Sheikhs and Pirs. In Lalish there is a place dedicated to him. He is a tutor (*murrabi*) of Sheikhs of Khatuna Fakhra. He has no descendants.

Ḥamad al-Būzī is not mentioned in the 'list of the forty' of Sheikh Adi in Mišūr of KhP, but he is mentioned in R. Lescot's book [6] and mentioned as Ḥamad al-Būzājī.

³¹ In the word "Tharthārī" – emphatic "s".

³² In Sinjar there is a village Rambūsī where his shrine is. It is named Šēx Muḥammad Rambūsī.

³³ This is repeated twice. First time the scribe wrote "al-Bāhā", but did not cross out and wrote correctly – Sa'dī al-Bāhī. However, in the document given by R. Lescot and in the Mišūr of KhP he is mentioned as Sa'īd al-Bāhī.

³⁴ Hard to read.

³⁵ One of the companions of Sheikh Adi, among the Pirs is called Pirī Qarqūr. There is only one family of these Pirs – Pir Sīso family in Baadra (Iraq). Legends about the travels of Sheikh Adi from Syria to Lalish tell us that Pir Qarqūr joined Sheikh Adi.

³⁶ In the Mišūr of KhP he is mentioned as Muḥammad [2], [3].

³⁷ In the Mišūr of KhP he is mentioned as "Rayḥān 'Abd al-Sheikh Adi" and in R. Lescot's book – as in the Mišūr of Amar Qubaysi.

³⁸ In the Mišūr of KhP is mentioned as Kharbandā. He is Pir Dawūd. There is a *Qawl* dedicated to this saint, which tells us about how the ruler of Mosul – Imad ad-Din Zengi – sent him with poisoned gifts to Sheikh Adi, but as he saw the power of Sheikh Adi, declared him as his teacher. Because of that the ruler of Mosul cut off his tongue. According to the *Qawl*, Pir Dawūd returned to Sheikh Adi and he returned to him a faculty of speech. It is believed, that from him came the Pirs: Ḥassan Pīrk, Pīrē Khanī, Pir Ḥassantalk and by some assumptions – of Pir Dirbēs.

³⁹ Muḥammad ibn Raban – i.e. son of Raban. There is a lineage of Pirs of Raban, who are Pirs of the tribe Dinan, as stated in the Qasīdā of Mahmadē Raban.

⁴⁰ Further here should be the name of Khaṭīb Īsa [خطيب عيسى], but the scribe left out it.

the acting one, the worshipper one, the knowing one, the Imam of the confessors of Oneness and the way of the *sunnat*⁴¹ religion, [father of⁴²] Muḥammad Sheikh Ḥassan Ibn Sheikh Adi,⁴³ may Almighty God⁴⁴ have mercy on all of them...⁴⁵ The first of them is Ḥajī Muḥammad [Kifir al-Zamānī],⁴⁶ and [the others] are Ismā'il Ibn Qābilah, Khidir al-Kūfānī,⁴⁷ Šams Muḥammad al-Dūmašqī,⁴⁸ Hamad al-Būwājī,...⁴⁹ Pir Būb al-Baḥzānī,⁵⁰ Abū Bakr al-Dūš, Pir Baljan Ibn...,⁵¹ Sheikh Maṭar,⁵² Sheikh Jamāl, Sheikh Zārīb, Sheikh 'Alī al-Kāfī, Abd al-Ḥamīd, Ḥajī Ḥassan Mārdānī, Ḥajī Alī al-Sīrānī, Sheikh 'Arafāt al-Hakārī, Muḥammad Nērnī, Pir Muḥammad al-Daraḡanī, Īsā Ibn Sa'īd al-Badawī, Ḥassan Lakān,⁵³ Al-Būbakrān,⁵⁴ Pir Buwal Sēdarī,⁵⁵ Pir Dalī Bībādī,⁵⁶ Pir 'Umar al-Ḥarūnkī,⁵⁷ Ḥajī Makkī, Ḥajī Isrā'il, 'Īsā al-Būdī,⁵⁸ 'Alī Mukān, Ḥassan al-Činārī, 'Omar Khālān,⁵⁹ Gharīb Ḥakak Īrbīlī,⁶⁰ Būb al-Āhzanī,⁶¹ Būb al-Ī[Ā]sānī,⁶² Pir

⁴¹ In the Yezidi religion *sunnat* (=sunnatkhana) – one of the self-names of Yezidis, which means the bearer of the true tradition. Often Yezidis are mentioned with the name *sunnat* in the *Qawls*.

⁴² In the *mišūr* the word “Ābā” (“father”) is missing – i.e. father of Muḥammad. This refers to Sheikh Ḥassan – father of Muḥammad. In the *Mišūr* of KhP the word “Ābā” exists, although Kh. Omarkhali does not translate this word as “father” [3].

⁴³ Sheikh Adi – here Adi II Ibn Abu al-Barakat – father of Sheikh Ḥassan. In the *Mišūr* of KhP “Ibn Sheikh Adi” is not written.

⁴⁴ In the *Mišūr* of KhP – “God”.

⁴⁵ Further one word is not readable.

⁴⁶ In the name Ḥajī Muḥammad his *nīsba* is left out – Kifir al-Zamānī.

According to the Yezidi tradition, he is a brother of Pir Jarwān. As it is known, he was a Pir and a scribe of Sheikh Ḥassan. It should be noted, that it appears there is a big difference that chronologically between Pir Jarwān and Ḥajī Muḥammad, which is hard to elicit. Ḥajī Muḥammad is known not to have left any descendants and representatives of lineage Pir Jarwān became his heirs, who call themselves by his name. They live in Ayn Sefin (province of Nineveh, Iraq).

⁴⁷ This name has been assembled from small shreds, this is most probably Khidir Kūrdī. This is exactly the name that was indicated by Pir Khidir Sileman[2]. Although, Kh. Omarkhali writes “Khidir Kūrdī Hamād al-Buwājī” but these are two different people [3].

⁴⁸ al-Dūmašqī – from Damascus.

⁴⁹ Further one name not readable.

⁵⁰ For more details about him, see Pirbari et al., “A Yezidi Manuscript.”

⁵¹ Further, one word is not readable. In the *Mišūr* of KhP there is no mention of him, and in its place Pir Būb b. Ḥamid is mentioned.

⁵² In the *Mišūr* of KhP he is mentioned as Pir Būb Ḥamid Sheikh Maṭar [2], [3].

⁵³ The descendants of Hasn Lakan bear his name and call themselves Pirs of Ḥasnalakān. He was a Pir of Sheikh Fakhradin and his son Sheikh Mand. And the Pirs of lineage Ḥasnalakān are Ḥajī Muḥammad. Pirs of Ḥasnalakān live in Iraq, Syria (Arfin) and in Georgia. After the fall of USSR, from Georgia they emigrated to Russia, France and Germany.

⁵⁴ Presumably, this is well known among Pirs Alūbakr (possibly, from al-Abū Bakr or Alī Abū Bakr). Representatives of this lineage are only in Iraq. They are the Pirs of part of Qāidī tribe.

In the manuscript *Mišūr* of KhP is written Alī Būbakrān, although Pir Khidir Sileman mistakenly mentioned him as 'Alī Būkilān [2]. The same was repeated by Kh. Omarkhali [3].

⁵⁵ Pir Buwal from Sēdarī, that is from village Sēdar in Iraq. One of the closest companions of Sheikh Ḥassan. According to the tradition, Sheikh Ḥassan is the host of *Kaniya Sipī* (in Kurmanji “White Spring,” Holy Spring) and he acknowledges Pir Buwal as the custodian. Members of this lineage are also *mijewr* (custodians) of Ain Sifni and Akhtiar of Sheikhan (Bāske Shekhān). They are only in Iraq in Sheikhan.

⁵⁶ Today only one family is left from this lineage. They lived until very recently in Syria, in Barzan (region of Al-Ḥasakah). After the recent events that took place in Syria this family has moved to Germany.

⁵⁷ In the *Mišūr* of KhP, it is probably – 'Umār al-Khawbī

⁵⁸ In the *Mišūr* of KhP spelling of this name is somewhat unclear, therefore Pir Khidir Sileman read it as Badawī following him Kh. Omarkhali did the same. Although, in the examined *mišūr* it is clearly Būdī.

⁵⁹ Ḥassan al-Činārī and Omar Khālān – two brothers, the saints, companions of Sheikh Ḥassan and his father Sheikh Adi II. According to the tradition Sheikh Adi made Omar Khālān a tutor (*murrabi*) of the future Emirs. Omar Khālān is one of the prominent saints and as noted above, only his descendants among the Pir lineages put on *khirqa*. Descendants of this remain in Iraq, Syria, Turkey, Armenia and Georgia (after the fall of USSR – in Russia, Ukraine and EU countries). As for the descendants of Ḥassan al-Činārī, according to the tradition, Omar Khālān stripped his brother of the right to have Murids. The ancestral lands of this Pirs are believed to be Zēwa (Činērī) in the region of Bišērī (Batman, Turkey), where the representatives of these lineage also lived. Zēw comes from the word “zēw” or “zawiya”, i.e. corner or the theological school and a place of solitude for the saints. It is clear, that Omar Khālān and Ḥassan al-Činārī here founded their school and preached among their followers.

⁶⁰ Name Gharīb Ḥakak Īrbīlī – Pir Khidir Silēmān[2] and Kh. Omarkhali [3] wrote it as Gharīb Mikakil Īrbīlī, which can be explained by unclear spelling of the word Ḥakak. Although in the *mišūr* the word is quite clear.

Khalīl⁶³ al-Sahrikī⁶⁴, Muḥammad al-Baybūnī,⁶⁵ Mūsā Sarīr, Muḥammad al-Baṣḥadī,⁶⁶ Pir Maḥmūd al-Khandaqī,⁶⁷ and Sulayman al-Bābakr.⁶⁸

The owner of the manuscript

هذا مشور ماياكن⁶⁹ بير... قاتي ابن مامك ابن شم ابن بير حرقاتي ابن مامك ابن
بير هسن بير حمد بير شم بير ادي بير ... بير بكر بير صفري تمت الله تعالى هذا مبارك

This *mišūr* belongs to Pir ...⁷⁰ Qatī ībn Māmik ībn Šam ībn Pir Šam ībn Ḥarqātī
ībn Māmik Pir Hasn Pir Ḥammad Pir Šam Pir Adī Pir ...⁷¹ Bakr Pir Safarī.

Completed with the name of the God the Almighty and Blessed.

[Continues further on the next page]

*The Murids of this *mišūr**

و مرید هذا مشور في حضرت شيخ عدي ابن مسافر و شيخ حسن ابن شيخ عدي و قبيلات
كندلان و ... لات باوان قبيلة مسوري قبيلات .. كمان قبيلات بشوشان قبيلات .. مارشان قبيلات اتي
وران قبيلات شمبيان الارشان مربياتي داسنان مربياتي عمر قبيسي رشان مربياتي تارلان سلمان
خالتان و جمالات هسنا

Murids of this *mišūr* in the presence of Sheikh Adi ībn Musafīr and Sheikh
Ḥassan ībn Sheikh Adi and tribe of Kandālān⁷² and tribe of Bāwān⁷³ and tribe

⁶¹ We read this word as Āhzanī, although it is very hard to read. Pir Khidir Silēmān [2] and Kh. Omarkhali [3] read this word in the *Mišūr* of KhP as Khwānī, although, it is clear the word is not Khwānī.

⁶² As we see, other than Pir Būb al-Bāhzanī two more Būb exist – Būb al-Āhzanī and Būb al-Ī[Ā]sānī, and they also belong to Pirs. In Armenia and Georgia there are three different kinds of Pirs of Būb, who are not related to each other at all and their Sheikhs and Pirs are also different. It is possible that they might be descendants of different Pir of Bubs. Unfortunately, today it is hard to determine.

⁶³ In the *Mišūr* of KhP – Khal.

⁶⁴ Further here should be the name of Khaṭīb Īsa, but the scribe left out it.

⁶⁵ In the *mišūr* the scribe mistakenly wrote Muḥammad wa bū al-Baybūnī. We can assume, that Pir Khidir Sileman wrote this name correctly – Baybunī [2]. However, Kh. Omarkhali writes this name as Bībwanī [3].

Apparently this is Pir Baybun, who was a sworn brother of Pir Maḥmūd. There is an oral tradition telling about the brotherhood of these two saints (see [13]).

⁶⁶ We suppose that this name should be al-Šhadī, because in this *mišūr* the scribe repeatedly added “ba” after “al”. With Pir Khidir Sileman and Khanna Omarkhali the name is mistakenly indicated as Šihri [2].

⁶⁷ It should not be excluded, that this is Pir Maḥmūd, friend (or brother) of Pir Baībun. Pir Maḥmūd is the Pir of the tribe Hawērī. Also known as Pir Maḥbūb.

⁶⁸ Further, unlike *Mišūr* of KhP, following is not written: “Completed [is the list of] forty of our lord Sheikh Ḥasan, may God have mercy on him and on all of them. Praise be to God, the lord of the worlds!”

[تمام الاربعين الذي سيدنا شيخ حسن رحمة الله عليه و عليهم اجمعين]

⁶⁹ So it is written in the manuscript. Presumably this meant “belongs to them”.

⁷⁰ Not readable in the manuscript.

⁷¹ Not readable in the manuscript.

⁷² According to the tradition tribe Kandālī split from Mamraī some elders think [13].

Misūrīand tribe []rān⁷⁴ and tribe Bišūšān⁷⁵ and tribe _āršān⁷⁶ and tribe Ātīwl(r)ān and tribe Šambyān (and) Ālārašān⁷⁷ and tribe Dāsinān⁷⁸ (for which) *murrabī* and (him) Amar Qubaysi⁷⁹ *murrabī* of [tribe] Rašān⁸⁰ and *murrabī* of [tribe] Tārlān, Salmān, Xāltān⁸¹ and all the Hasnā⁸².

Conclusion

Usually the oral tradition of Yezidis was believed to be the main source of knowledge about Yezidi religion and legacy. Recently huge numbers of religious texts and traditions have been published in both academic and popular journals and books that gives the specialist base to speak about how “Yezidism is currently going through a new stage in its development, namely the transition to a written and technologically mediated tradition” [21]. However, it is not always clear with what changes the Yezidi hymns and oral traditions reached us; also which ones did not reach us at all. This raises some difficulties in particular with the understanding of the names of the saints and names of tribes, as well as with validity of the historical information contained in oral tradition. It should be taken into account that Yezidi oral tradition had been developing in relation with Yezidi worldview, which has been formed with the struggle of Yezidis to keep their religion in Muslim environment, usually, excluding the provisions which were inherited during the formation of the Yezidi socio-religious structure.

On example of the examined *mišūr* we have a possibility to at least partially restore few of the aspects regarding the Yezidi saint who has been in fact forgotten in Yezidism, who appears to have been one of the closest companions of the main Yezidi saint – Sheikh Adi.

The study of *Mišūr* of Pir Amar Qubaysi and its comparison with *Mišūr* of KhP and Yezidi religious texts and hymns, as well as the well-known hagiographic book dedicated to the Sufis, which describes both Sheikh Adi and his associates, made it

⁷³ Tribes, about which we have no information, have no explanation.

⁷⁴ First letter of this word is not readable in the manuscript.

⁷⁵ In the word Bišūšān – the letter Š is poorly visible, but presumably it is Š.

⁷⁶ First letter of this word is not readable in the manuscript.

⁷⁷ Ālārašān – in Syria there is a Kurdish village of the same name.

⁷⁸ Dāsinān (dāsinī) was once a powerful Yezidi tribe. The place of origin is considered the neighborhood of the city of Duhok, in the Dāsinī district. The ethnonym dāsinī was used to designate the Yezidis in general. In “Šaraf-name”, the Yezidi emir is referred to as Husayn-bēg Dāsinī, and by dāsinī is meant Yezidis [20], [4]. But in this *mišūr* text is about the part of dāsinān, who from *Sarhad* moved to Armenia and Georgia, as the connection between lineage of Pir Amar Qubaysi and this tribe still exists.

⁷⁹ Here as also in *Mišūr* of KhP, word “Qubaysi” is written with س “sīn”, but in other sources [6], [5], [9] with ص “šād”.

⁸⁰ For additional information about this tribe see [4].

⁸¹ A large tribal union of Yezidi tribes, whose habitat was the land between Diyarbakir, Batman, Hasankeyf, and Siirt [20]. This tribe is divided into many smaller tribes [4], who can have different Sheikhs, Pirs and *murrabi* (tutors).

⁸² Hasna – from the context of *mišūr* it is clear, that it is mentioned in plural form of the word. Probably this was a union of the tribes under the name Hasna. Under this name we can find tribes among Muslim Kurds.

possible to expand the still scarce information about Amar Qubaisi. The presented mišūr made it possible to understand that Amar Kubaisi is the founder of the lineage of Pir Markabes. In addition, Mišūr Amar Qubaisi provided an opportunity to clarify the names of various saints found in other manuscripts.

References

1. Sileman Kh. Mishurat al-yazidiyat' [Mišûrs of Yezidis], *Laliş* (Duhok, Iraqī Kurdistan); 1994. P. 95–113. (In Arab.).
2. Sileman Kh. Sifr al-izidiya. Min manshurat markaz Laliş. al-sakafi wa al-ijtimai. silsila raqm 9 [Yezidi books. From the publications of the Cultural and Public Center "Laliş". Series IX.]. Duhok, Iraqī Kurdistan: Spîrez, 2009. (In Arab.).
3. Omarkhali Kh. The Yezidi Religious Textual Tradition, from Oral to Written: Categories, Transmission, Scripturalisation and Canonisation of the Yezidi Oral Religious Texts: with Samples of Oral and Written Religious Texts and with Audio and Video Samples on CD-ROM, Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. 2017. 625 p.
4. Pirbari D., Mossaki N., Yezdin M. A Yezidi Manuscript: – Mišūr of Pir Sīnī Bahrī/Pir Sīnī Dārānī, Its Study and Critical Analysis. *Iranian Studies*. 2020;53(1–2):223-257.
5. Badri A. Manaḡib Sheikh Adi ibn Musafir [Virtues of Sheikh Adi]. The manuscript written in Damascus. Biblioteka Wetzsteiniana, II. No. 1743. (In Arab.).
6. Lescot R. Enquête sur les Yezidis de Syrie et du Djebel Sindjar [Investigation of the Yezidis of Syria and the Jebel Sindjar]. Beyrouth: Libraire du Liban. 1938. 277 p. (In Fr.).
7. Hecî, Bedelê Feḡîr. Komeka Tekstê Ola Ezidiya. Beyta şêx û pîra [Beyts of Sheikhs and Pirs]. *Laliş*. 1996;(6):54-79.
8. Hecî, Bedelê Feḡîr. Baweri u mitologiya ezidiyan. Çend têkst û vekolîn [Beliefs and mythology. Some Texts and Studies]. Duhok: Hawar, 2002. (In Kurmanji).
9. al-Tādifi, Muḡammad ibn Yaḡya. Qalā'id al-Jawāhir fī minakīb Abd al-Kadīr al-Jīlānī [Precious stories about the acts of 'Abd al-Qādir Gīlānī]. Masr. 1956. (In Arab.).
10. Kreyenbroek Ph. G. Yezidism – Its Background, Observances, and Textual Tradition. Lewiston, NY: Edwin Mellen Press. 1995. 368 p.
11. Drower E. S. Peacock angel. London: J. Murray. 1941. 214 p.
12. Dr. Khalil Jindi. Pern ji adabê dīnê êzdīyan [Selected from literature on the Yezidi religion]. Duhok: Spîrez. Two volumes. Volume II. 2004. (In Kurmanji with Arabic script).

13. Pirbari D. Yezidy Sarhada [The Yezidis of Sarhad]. Tbilisi/Moscow: Moskovskij izdatel'skij dom. 2008. (In Russ.).
14. Jalil O., Jalil J. [Kurdish folklore]. Book 1, Yerevan]. 1978. (In Kurmanji with Cyrillic alphabet).
15. Frank, R. Scheich 'Adî, der grosse Heilige der Jezîdîs. Inaugural Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der hohen philosophischen Fakultät der Friedrich-Alexanders-Universität Erlangen, Kirchhain: Druck von Max Schmiersow. 1911.
16. Vil'chevskij O. Ocherki po istorii jezidstva [Essays on the History of Yezidism]. Ateist (Moscow). 1930;(51):81-113. (In Russ.).
17. al-Damluji S. Al-yazidiya [The Yezidis]. Mosul: n. p. 1949. (In Arab.).
18. al-Nibhanî, Sheikh Yûsif bin Îsmâil. Jamîah' karamat al-aûlîa [Miracles of saints]. Beirut: Dar al-Kûtûb. 1996. (In Arab.).
19. Ibn al-Mustawfi, Mubarak Ibn Ahmad Sharaf al-Din. Tārîkh Arbîl [History of Erbil]. Ed. by Sami ibn al-Sayid Khumas al-Saqar. Wizarat al-saqafa wa al-i'lam jumhuriyat al-Iraqiya. Baghdad: Dar al-Rashid lilnashr. 1980. (In Arab.).
20. Bidlisi, Šaraf-xanibn Šamsaddin. Šaraf-name. Vol 1. Pervod, predislovie, primečaniya i priloženija E. I. Vasil'evoj [Translation, preface, notes and annexes by E. K. Vasilyeva]. Moscow: Nauka. 1967. (In Russ.).
21. Omarkhali Kh. Introduction. In Religious Minorities in Kurdistan: Beyond the Mainstream, ed. Kh. Omarkhali, XVII-XXXVIII. *Studies in Oriental Religions*. 2014;68.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. خدر سليمان، مشورات الايزيدية. مجلة لالش، دهوك. 1994. 2-3. 95-113.
2. بير خدر سليمان. سفر الايزيدية. من منشورات مركز لالش الثقافي و الاجتماعي – سلسلة رقم (9). دهوك. سبتمبر 2009.
3. Omarkhali Kh. The Yezidi Religious Textual Tradition, from Oral to Written: Categories, Transmission, Scripturalisation and Canonisation of the Yezidi Oral Religious Texts: with Samples of Oral and Written Religious Texts and with Audio and Video Samples on CD-ROM, Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. 2017. 625 p.
4. Pirbari D., Mossaki N., Yezdin M. A Yezidi Manuscript: – Mišūr of Pir Sīnī Bahrī/Pir Sīnī Dārānī, Its Study and Critical Analysis // *Iranian Studies*. 2020. Vol. 53, no. 1–2. P. 223–257.
5. عبدالله بدري، مناقب شيخ عدي بن مسافر
The manuscript written in Damascus. 915/1509. Biblioteka Wetzsteiniana, II. № 1743.

6. Lescot R. Enquête sur les Yezidis de Syrie et du Djebel Sindjar. Beyrouth: Libraire du Liban. 1938. 277 p.
7. Hecî Bedelê Feqîr. Komaka Tekstê Ola Ezidiya. Beyta şêx û pîra // Laliş. 1996. No. 6. P. 54–79.
8. Hecî, Bedelê Feqîr. Baweri u mitologiya ezidiyan. Çend têkst û vekolîn. Duhok: Hawar, 2002.
9. محمد بن يحيى تاذفى. قلاند الجواهر فى مناقب شيخ عبد القادر گيلانى. مصر. 1965.
10. Kreyenbroek Ph. G. Yezidism – Its Background, Observances, and Textual Tradition, Lewiston, NY: Edwin Mellen Press. 1995.
11. Drower E. S. Peacock angel, London: J. Murray. 1941.
12. د. خليل جندي. پهرن ژ ئه‌دهبى دينى ئيزديان. دهۆك. سپريز. 2004.
13. Пирбари Д. Езиды Сархада. Тбилиси/Москва: Московский издательский дом, 2008. 301 с.
14. Щәлил О., Щәлил Щ. Зарготъна көрда, К’теба 1, Ереван: “Советакан грог”, 1978.
15. Frank, R. 1911. Scheich ‘Adî, der grosse Heilige der Jezîdîs. Inaugural Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der hohen philosophischen Fakultät der Friedrich-Alexanders-Universität Erlangen, Kirchhain: Druck von Max Schmiersow.
16. Вильчевский О. Очерки по истории езидства // Атеист. 1930 № 51. С. 81–113.
17. صديق الدمولوجي. اليزيدية. موصل. 1949.
18. يسوف بن اسماعيل النبهاني. جامع كرامات الأولياء. دار الكتب. بيروت. 1996.
19. المبارك بن أحمد بن المبارك بن موهوب اللخمي الإربلي ابن مستوفي. تاريخ اربيل. المحقق: سامي بن سيد خماس الصقار. الناشر: وزارة الثقافة والإعلام، دار الرشيد للنشر، العراق. 1980.
20. Бидлиси Шараф-хан ибн Шамсаддин. Шараф-наме. Т. 1. Пер., предисл., примеч. и приложения Е.И. Васильевой, М.: Наука, 1967.
21. Omarkhali, Khanna. Introduction. In Religious Minorities in Kurdistan: Beyond the Mainstream, ed. Kh. Omarkhali, XVII-XXXVIII // Studies in Oriental Religions, vol. 68, Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. 2014.

Information about authors

Dimitri Pirbari – Head of Department of Yezidi Studies of G. Tsereteli Institute of Oriental Studies at Ilia State University, –
Димитрий Пирбари – руководитель отдела езидоведения Института востоковедения им. Г. Церетели при Государственном

Информация об авторах

Tbilisi, Georgia;

<https://orcid.org/0000-0002-6629-8415>, e-mail: dimapir@gmail.com

Nodar Mossaki – Ph. D. in history, Senior Research Fellow at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow;

<https://orcid.org/0000-0001-8268-006X>,
e-mail: nodarmossaki@gmail.com

университете

<https://orcid.org/0000-0002-6629-8415>, e-mail: dimapir@gmail.com

Нодар Мосаки – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Россия, Москва;

<https://orcid.org/0000-0001-8268-006X>,
e-mail: nodarmossaki@gmail.com

Ильи;

The article was submitted 26.06.2022; approved after reviewing 06.08.2022; accepted for publication 27.09.2022.

Статья поступила в редакцию 26.06.2022; одобрена после рецензирования 06.08.2022; принята к публикации 27.09.2022.

Conflicts of Interest Disclosure: The author declares Conflicts of Interest Disclosure.

Раскрытие информации о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Теология

Научная статья

УДК 21

DOI: 10.26907/2619-1261.2022.5.3.88-106

Научно-исследовательская деятельность теолога как особый вид поклонения всевышнему

Татьяна Евгеньевна Седанкина

Российский исламский институт, Казань, Россия

tatiana-svetlaya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5241-6479>

Аннотация. В представленной статье предпринята попытка рассмотрения научной деятельности теолога в качестве особого вида сакрального действия, ввиду уникальности предмета теологического исследования, что, несомненно, является серьезным мотивирующим фактором. Достижению смещения ценностного вектора в сторону «сакрального», способствующему сакрализации повседневности, позволяет процесс метанойи («умоперемены»), играющей ключевую роль в формировании особого типа мировоззрения теолога-исследователя, заключающегося в сочетании знаний своей религиозной традиции со знаниями светских наук; рациональном осмыслении сакральных феноменов в сочетании с элементами иррационального (сверхрационального), с допущением «интеллектуальной интуиции; когнитивной и духовной смелости в осуществлении попыток познания непознаваемого, интерпретации неинтерпретируемого, выходе за рамки привычного смысла, но открывающего смыслы иного порядка; развитии способности к внутренней глубинной рефлексии посредством преодоления интеллектуальных, психологических и религиозно-догматических барьеров; в стремлении изучения вопросов и поиска ответов, предполагающих выход из зоны комфорта в связи со столкновением со своей внутренней сущностью. В статье отмечается, что далеко не каждый теолог стремится к «умоперемене», ограничиваясь готовыми религиозными знаниями, не допуская возможности их самостоятельного осмысления, что зачастую приводит к отрицанию самой возможности углубленного изучения богословских вопросов. В данном случае исследовательская деятельность не сакрализуется, т.е. не рассматривается в качестве особого вида поклонения, а потому ее мотивация ограничивается лишь внешними стимулами. Те же немногие, осознанно ступившие на непростой путь теолога-исследователя, начинают в полной мере испытывать на себе влияние умоперемены, сопровождающейся состоянием предельного отчаяния

от невозможности постичь непостижимое до экстатической радости постижения того, что ранее казалось недостижимым, рождающим особую психическую энергию, стимулирующую к полной реализации заложенного потенциала.

Ключевые слова: теолог-исследователь; теологическое мышление; метафизическое знание; умоперемена (метанойя); сакральное в повседневном; предельное отчаяние; экстатическая радость

Для цитирования: Седанкина Т. Е. Научно-исследовательская деятельность теолога как особый вид поклонения всевышнему // Арабистика Евразии. 2022. т. 5 № 3. С. 88–106. DOI: 10.26907/2619-1261.2022.5.3.88-106

Theology

Original article

The theologian's research activity as a special kind of worship of the almighty

Tatiana E. Sedankina

Russian Islamic Institute, Kazan, Russian Federation

tatiana-svetlaya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5241-6479>

Abstract. In the present article an attempt is made to consider scientific activity of a theologian as a special kind of sacral action, due to the uniqueness of the subject of theological research, which is undoubtedly a serious motivating factor. Achieving a shift of the value vector towards “sacred”, contributing to the sacralization of everyday life, allows the process of metanoia (“mindfulness”), playing a key role in the formation of a special type of theologian-researcher worldview, consisting in combining knowledge of his religious tradition with knowledge of secular sciences; rational understanding of sacred phenomena combined with elements of irrational (super-rational), with the assumption of “intellectual intuition”; cognitive and spiritual courage in the implementation of attempts to cognize the unknowable, the interpretation of the uninterpretable, going beyond the familiar meaning, but discovering the meanings of a different order; the development of the ability to internal deep reflection by overcoming the intellectual, psychological and religious-dogmatic barriers; in the desire to explore the questions and find answers that involve leaving the comfort zone in connection with the encounter with his inner essence. The article points out that not every theologian strives for “umo-peremena”, limiting himself to ready-made religious knowledge and

not allowing the possibility of independent reflection, which often leads to the denial of the very possibility of in-depth study of theological issues. In this case, research activity is not sacralized, i.e. it is not seen as a special kind of worship, and therefore its motivation is limited to external stimuli. Those few who have consciously stepped on the difficult path of the theological researcher begin to fully experience the influence of an umopemania accompanied by a state of utmost despair from the inability to comprehend the incomprehensible to the ecstatic joy of comprehending what previously seemed unattainable, generating a special mental energy stimulating the full realization of the inherent potential.

Keywords: theologian-researcher; theological thinking; metaphysical knowledge; mindfulness (metanoia); the sacred in the everyday; ultimate despair; ecstatic joy

For citation: Sedankina T. E. The theologian's research activity as a special kind of worship of the almighty. *Eurasian Arabic Studies*. 2022;5(3):88-106. (In Russ.). DOI: 10.26907/2619-1261.2022.5.3.88-106

Введение

В настоящее время особенно актуальным становится вопрос «о мотиве и стремлении жить, реализовывать свой потенциал, искать и находить предельные смыслы и внутренний источник жизни в себе». Этот вопрос касается как светского человека, либо «истощенного» экзистенциальным вакуумом, либо «пресыщенного» мирскими радостями, так и человека религиозного, почерпнувшего знаний из религиозных книг, но не удовлетворенного достигнутым, продолжающегося стремиться к постижению предельных смыслов посредством саморазвития и самообразования, направленного на более глубокое осмысление прочитанного. Данная категория людей, обладающих особым типом «когнитивной направленности», выражающейся в «поисковом познавательном характере мышления» [1, с. 22], как раз и являются потенциальными (реальными) теологами-исследователями – носителями *особого типа мышления – мышления теологического*, заключающегося в:

- сочетании знаний своей религиозной традиции со знаниями светских наук, анализ и интерпретация которых осуществляется с позиции носителя особых религиозных смыслов, заключенных в духе традиции;
- рациональном осмыслении сакральных феноменов в сочетании с элементами иррационального (сверхрационального), с допущением «интеллектуальной интуиции, благодаря ей только и возможно достижение истинно *метафизического знания*» [2, с. 49];

- «устремлении к непознанному посредством наличествующего знания и знания интуитивного; когнитивной и духовной смелости в осуществлении попыток познания непознаваемого, интерпретации неинтерпретируемого, выходе за рамки привычного смысла, но открывающего смыслы иного порядка» [3, с.155; 179];
- «развитии способности к внутренней глубинной рефлексии посредством преодоления интеллектуальных, психологических и религиозно-догматических барьеров; в стремлении изучения вопросов и поиска ответов, предполагающих выход из зоны комфорта в связи со столкновением со своей внутренней сущностью» [4, с. 983].

Несомненно, основным источником мотивации к исследовательской деятельности теолога должны стать не внешние стимулы, а *«внутренняя устремленность к познанию Бога. «Выбор-к-Ты», «усилие-к-Ты», обладающему отличной волей и не понимаемому до конца человеком, но способствующему прохождению пути «от Я к сверх-Я» [5, с. 54], посредством приближения к постижению предельных смыслов, несмотря на осознание, что полного обретения предельного не представляется возможным. Принятие собственной когнитивной ограниченности с одновременным стремлением к постижению горизонтов возможного, расширяет эти горизонты до ранее казавшимся невозможным – таков путь искателя сакральных истин, путь теолога-исследователя, предполагающий некий переворот сознания. Несмотря на то, что верующий человек (а именно таковым и является теолог, находясь внутри определенной религиозной традиции) уже является «человеком не от мира сего», теолог-исследователь становится «не от мира сего» дважды. То есть, в сознании теолога не только смещаются акценты внимания с мира бренного на мир горний, что является первым «разворотом», на чем многие верующие и останавливаются, но и осуществляется второй «дерзновенный разворот» сознания в сторону постижения сакральных глубин, что на наш взгляд и является путем теолога-исследователя.*

Материалы и методы исследования

Идея «перемены ума», способствующая взглянуть на исследовательский процесс теолога как на особый вид поклонения, тем самым принося элементы сакральности в научную деятельность, присутствует в традиционных религиях, а также рассматривается в рамках философии, психологии, психиатрии и образования – научной (теологической) деятельности. Анализ философско-

герменевтических традиций христианства и ислама, исследований философов и психологов, а также идей философов-традиционалистов позволяет заключить, что метанойя как перемена ума, смещающая точку зрения за пределы привычных смыслов, способствует смотрению на мир через призму сакрального, благоприятствуя возвращению сакрального в повседневность.

Результаты

1. Метанойя в религиозной мысли.

Как в христианской, так и в исламской религиях наличествует идея разворота ума в сердце, которая получила название «Метанойя», что с греческого языка переводится как «умоперемена», «изменение ума», представляя собой двусоставное слово, где: частица «Мета» означает трансформацию, перенос, «выход за пределы», а существительное «нойя» (Ноус – Нюс) – «ум» [6].

«Метанойя является первым и главным условием христианского подвига аскезы» [7, с. 22], – отмечает Диакон Святослав (Елисеев), изучающий феноменологическую и философскую герменевтику исихастского опыта, подтверждая свою мысль словами Феофана Затворника: «Семя этому деланию положено в обращении... очи ума нужно иметь обращенными к Богу – в этом состоит исходное начало» [8, с. 69; 87]. Согласно С. А. Елисееву, результатом метанойи является «образование особого энергийного бытия человека, направленного на возможность общения с Богом» [7, с. 22].

Подобную идею находим в суфийской коммуникативистике, где «основой психической энергии является разворот фокуса внимания от себя к Другому, к Ты. Эта энергия дает способность реализовать свой потенциал, «превратившись из неблагородного металла в золото» [5, с. 57]. Идея «Алхимия души» приводится в книге Аль-Газали «Элексир счастья» [9], в которой средневековый мусульманский мыслитель акцентирует внимание на важность трансформации человека из «железа в золото» посредством внутреннего преобразования («химической реакции внутри человека»), способствующего проживанию наполненной, осмысленной жизни, дающей ощущение счастья – «счастья открытости Другому, ощущение постоянной близости к Богу, несмотря на невозможность Его вообразить» [5, с. 57]. Идеи суфизма, рассматриваемые А. М. Кангиевой сквозь коммуникативно-философскую парадигму, дают ответы на вопросы о внутреннем источнике жизни, о мотивах реализации потенциала, направленного на поиск предельных смыслов [5, с. 55–56]. Исследователь, опираясь на исследования арабских и турецких мыслителей, пишет:

«Источник этой мотивации – это сердце Другого, пророка, сердце «не-Я», обращаясь к которому неутилитарно и бескорыстно, с полным вниманием и вчувствованием, человек получает доступ к своей силе» [5, с. 56]. «Человек – некий провод, в котором течет электрический ток – энергия его выбора. Его выбор, взор ока сердца, обращенный от себя – вовне, позволяет этому «току» течь, делает человека осознанно коммуницирующим, выходящим за границы своего «Я» благодаря свойству открытости» [5, с. 57].

2. Метанойя в социальной сфере как фактор возвращению сакрального в повседневность.

Помимо религиозных концепций, вопросу метанойи, как пути «от себя к себе» немалое внимание уделяется в философской феноменологии, экзистенциальной философии и философской психиатрии, где данный процесс рассматривается как «союз экстатической радости и радикального отчаяния», проживаемый через выход за пределы своего «я», поворот к собственному опыту» [10, с. 81], активное открытие себя миру, итогом чего возможно достижение особого трансцендентного состояния, хотя и посредством значительных самопреодолений. «Этот союз радости и отчаянья является неременным условием дальнейших изменений. Это единственная возможность «великого освобождения». Но это освобождение проходит через тягчайшее и невыносимое переживание разрыва, пограничной полосы между бытием и небытием. «Метанойя – перерождение посредством ничтожения – пограничная полоса на пути обретения истинного существования. Ничтожение превратилось из возможности в необходимость, из философской категории в терапевтическую и, главным образом, в социальную стратегию» [10, с. 82].

Как отмечает Г. А. Новичкова, «личное самоусовершенствование, обретаемое посредством умоперемены, способствует более ответственному отношению к труду, содействуя лучшей самоорганизации за счет видения своей деятельности не просто инструментальной, но в качестве сакральной, причем не в религиозном, а социологическом значении: люди или объекты ценны не только своей полезностью, но и своим творческим отношением к труду [11, с. 102].

Считаем, что метанойя («перемена ума»), способствуя смотрению на мир через призму сакрального, благоприятствует возвращению сакрального в повседневность, восстановление исконных традиционных ценностей, что «ведет к переоценке ценностей, смене ориентиров, кардинальному изменению отношения человека к труду, образованию и жизни в целом» [12, с. 218]. В данной связи вспоминаются слова философа-традиционалиста, индолога и востоковеда Ананды Кумарасвами

(1877–1947), указывающего на то, что «в традиционном обществе любая, даже обыденная деятельность становится частью Пути, в таком обществе нет ничего «профанного»; противоположность чему мы наблюдаем в светском обществе, где нет ничего святого. Деятельная и созерцательная жизнь, внешний и внутренний человек, могут быть объединены в едином бытии, где оба «я» действуют сообща» [13, с. 138]. В предисловии к книге «Восток и Запад. Религия, мифология, символика, искусство» М. В. Макович характеризует А. Кумарасвами как «человека, «смотрящего изнутри традиции глазами современного образованного человека, прекрасно знающего современный мир, вмещающая в себя ее подлинный дух» [13, с. 7]. Не это ли является одной из специфических черт мировоззрения студента-теолога, что подтверждает нашу мысль, касающуюся наличия точек соприкосновения идей философов-традиционалистов с наукой теологии, опирающейся на высшие метафизические принципы.

Несомненно, привитие студентам-теологам понимания того, что их исследовательская деятельность носит «сакральный характер», причем не только за счет творческого отношения к труду, но и в следствии специфики (уникальности) предмета теологического исследования, является серьезным мотивирующим фактором. Приближение к метаною, «требующей переменить ум, сдвинуть точку зрения, устремляясь к «целому и предельнейшему», выходя мыслью за пределы природных понятий ума, переосмысление прежде всего непосредственного содержания жизни, способствует совершению ментального разворота, благодаря которому возможно достижение максимально возможного в уже наличном состоянии ума» [14, с. 186.]

Следует признать, что далеко не каждый человек желает как «перемены своего ума», так и достижения «максимально возможного», так как эти процессы требуют серьезной внутренней работы, которую А. М. Кангиева сравнивает с алхимическим деланием. Исследователь пишет: «Нестремление, расфокусировка, апатия, застревание» может привести к остановке «алхимической реакции переплавки железа в золото», и тогда такой человек, может искать утешения в религиозных практиках и довольствоваться готовыми смыслами, так и оставшись «железом» [5, с. 62]. Таких «застрявших» на пути познания философ-традиционалист Рене Генон (1886–1951) называет «носителями внешней скорлупы Традиции, не подозревающими о ее внутреннем глубинном содержании» [2, с. 130], погружение в которое и является задачей теолога-исследователя, так как «остатки подлинной духовности можно найти только в религии» [2, с. 111].

В ходе «переплавки железа в золото» происходит естественный процесс, когда исследователь начинает испытывать сомнения по поводу дальнейшего движения, по поводу невозможности осознать неосознаваемое, описать неподдающееся описанию. Иногда он может почувствовать, что не выдерживает психической энергии, сопровождающей процесс постижения, останавливаясь в своих изысканиях. Отступление, утрачивание стремления к познанию запредельного, несомненно отдаляет от постижения Другого. Только смирившись с невозможностью познать запредельные смыслы, исследователь может продолжить свой «путь к Ты, к сердцу Другого, сердцу «не-Я», обращаясь к которому неутилитарно и бескорыстно, с полным вниманием и вчувствованием, человек получает доступ к своей скрытой силе» [5, с. 56], к психической энергии, движущий алхимический процесс трансформации теолога в теолога-исследователя. И в какой-то момент Другой, срывает занавесы бытия и проходит алхимическое преобразование.

Формирование мышления теолога-исследователя является «процессом своеобразного перерождения, проходящего через испытание предельным отчаянием от осознания невозможности постижения Другого во всей его полноте, но и экстатической радости постижения того, что ранее казалось невозможным» [10, с. 81].

Далее приведем размышление магистра теологии, в определенной мере испытавшего состояние метанойи, сопровождающееся определенными переживаниями.

«Многие люди что-то ищут, будучи в настоящем бытие, поскольку беспокоятся о том, чего не знают, но подсознательно осознавая (либо веря в) обязательность будущего бытия. Когда появляется проблеск возможного ответа на вопросы, которые съедают нас изнутри не находя ответов, мы тут же цепляемся за них, будучи в надежде, что этот проблеск и есть достаточный ответ. Этот ответ, зачастую, мы идеализируем и по пути его мы слепо начинаем двигаться. Это все происходит в некой борьбе, в которой нет победителя, т.к. то, что мы получаем, в результате приводит нас к убеждению, что это и есть истина несмотря на то, что она лишь правда или ложь. Если же это помножить на поиск духовных истин, то, получая даже крупицу ответов, каждый из нас думает, что он открыл все двери и окна жизни, при этом, в действительности, произошло лишь приоткрытие люка отдушины. Пропуская то, что ему дают, через этот маленький люк он получает иллюзию, думая при этом, что этот и есть та истина, которую он искал. Это происходит до тех пор, пока, либо человек сам, либо кто-либо извне не произведет

запуск процесса трансформации. Однако, это сделать крайне затруднительно, поскольку, человек убежденно полагая, что он открыл все двери и окна жизни, перестает двигаться, а лишь осуществляет слепое следование.

Но как только он почувствует и осознает, что комната его сущности обладает большим количеством окон и дверей, через которые человек может впустить суть иных, коих большое количество вещей, в то же самое время его пронизывает внутренний взрыв. Этот взрыв приводит не к хаосу, но к порядку. Но главное, что в этот момент происходит лишь понимание – это только начало и это приводит в восторг.

А, что же дальше? Дальше упоительная неизвестность. Внутренний взрыв переходит во внешний, и он есть проявление подлинного человека, который способен переживать, ведь здесь, мы только начинаем осознавать истину, которую мы никогда не познаем, но мы уже начинаем чувствовать ее сладость» (И. М. Садыков).

В приведенном эссе четко прослеживаются возможные этапы «умоперемены»:

- стремление познать и попытки поиска ответа на волнующий вопрос;
- обнаружение ответа (его проблеска) и радость, сопровождающая обретение знания, приводящая либо к полному удовлетворению и внутреннему успокоению, ведущему к окончанию процесса познания; либо к удовлетворению частичному (временному);
- ощущение неудовлетворения, внутреннего томления, вызванного осознанием (признанием), что полученный ответ является лишь малой частью, этапом на пути; возобновление поиска ответа на вопрос, ведущего к дальнейшему продвижению по пути трансформации;
- обнаружение нового ответа (нового открытия), сопровождающегося экстатической радостью, вызванной новым постижением, происходящим в форме озарения, внутреннего взрыва, что вновь приводит к снятию внутреннего напряжения (полного или частичного). Однако, имея опыт переживания «первичной радости», несущей за собой «внутреннее томление», не покидает ощущение, что и этот ответ может быть не окончательный, так как постижение предельного не имеет конца;
- внутренняя готовность и стремление к постановке новых (более сложных) вопросов и поиску новых (более глубоких) ответов, сопровождающиеся ощущением «упоительной неизвестности», несмотря на понимание, что это может привести к дальнейшим предельным формам отчаяния, но и как к еще более восторженным состояниям.

Как отмечает французский философ-традиционалист и исламовед Анри Корбен (1903–1978), сама постановка новых вопросов, даже если ответы и не были обнаружены в силу ограниченности человеческого разума, оправдывает затраченные на нее усилия. «Сложность и запутанность проблем, которые ставит перед собой исследователь, – вернейший признак его научного бескорыстия и доблести как ученого» [15, с. 12]. «Цель каждого подлинного исследователя состоит в том, чтобы открыть путь новым вопросам» [15, с. 181].

Ранее было замечено, что научно-исследовательский процесс теолога в идеале сопровождается радостью, что является отличным стимулом к дальнейшей деятельности. В связи с этим одной из задач педагога является раскрыть молодому исследователю особый источник интеллектуального наслаждения. «Мы не должны учить студента чувствовать; это задача «кожи», до которой приятно дотронуться. Мы должны научить искать и радоваться текстуре камня при прикосновении к нему» [13, с. 44]. (Позволим себе немного отклониться от повествования отметив, что символика камня имеет глубокие корни в разных традициях. В христианстве камень связан с именем Петра. В исламе Черный камень, воплощающий в себе небесную Каабу, вмонтирован в один из углов Каабы земной, вокруг которой совершается хадж. Философы-традиционалисты также не обошли вниманием этот символ. В книгах Э. Эвола приводятся цитаты мыслителей прошлого. Приведем некоторые из них: «Камень говорит с вами, но вам это не нужно: он взывает к вам, но вы ему не отвечаете! О вы, спящие! Что за глухота поразила ваши уши? Что за тиски сковали ваши сердца и мысли? (Kitab-el-Focul)» [16, с. 183]. «Наше тело, кое есть наш тайный камень, нельзя ни познать, ни узреть, покуда на тебя не снизошло озарение» (Захария). Священный камень является небесной первоосновой, центром традиции» [17, с. 48].

Продолжая идею «радости от соприкосновения с текстурой камня» А. Кумарасвами отмечает, что помимо чувственного удовольствия существует особый вид наслаждения от соприкосновения с внутренним – радость от понимания, иначе называемое интеллектуальным удовольствием. «Удовольствие от понимания не мешает чувственному удовольствию и не запрещает его, но включает в себя неизмеримо большее, чем можно воспринять обычным зрением. Для восприятия этой радости мы должны учиться видеть сквозь зрение, а не посредством его. Как только мы поймем произведение искусства со всех этих точек зрения одновременно, мы раз и навсегда поймем, как получить интеллектуальное удовольствие любого рода. Живое переживание как идея, живет в художнике и присутствует в его жизни до того, как он создает саму вещь и после ее создания» [13, с. 46–47]. Несмотря на то, что в

приведенной цитате речь идет о художнике и произведении искусства, это ни в коей мере не отрицает сути изложенного, более того, позволяет взглянуть на исследовательскую деятельность как на искусство (особую форму научного творчества, предполагающего как рациональные, так и иррациональные способы познания), а на теолога – как на художника, сотворяющего сакральную реальность в повседневном профанном мире.

Здесь необходимо уточнить, что термин «иррациональное» рассматривается в качестве «сверхрационального». Как утверждает Генон: «Сверхрациональное» отнюдь не является синонимом «иррационального»: то, что выше разума, нисколько ему не противоположно, но попросту ускользает от него» [2, с. 424]. Допущение возможности применения сверхрационального уровня познания в теологическом исследовании способствует открытию возможности доступа к глубинным смыслам, благодаря «восстановлению контакта с живой традицией» [2, с. 33–37] посредством «сверхрассудочной, супрарациональной интеллектуальной интуиции, являющейся чистым интеллектом, представляющей собой чистую духовность, благодаря чему только и возможно достижение истинно метафизического знания [2, с. 49; 68; 71]. Генон подчеркивает, что «Сокровища «нечеловеческой» предвечной мудрости никогда не могут быть утрачены окончательно, они окружают себя непроницаемым покрывалом, таящим их от человеческих глаз и затрудняющим к ним доступ. Нечто оказалось утраченным, по крайней мере, для внешнего восприятия, нечто такое, что стремящийся к истинному знанию должен отыскать заново» [2, с. 14]. Кто как не теолог-исследователь, совершающий внутри самого себя «умоперемену» (и здесь вопрос, он ее совершает (от слова «вершит) или метанойя вершит (совершает, делает со-вершенным) его?) может откликнуться на данный призыв. Ответом на этот призыв можно считать предложенный первым кандидатом теологии П. В. Хондзинским «метод личностного опыта веры и жизни теолога» [18, с. 8] в качестве одного из методов теологического исследования, который был поддержан представителями традиционной богословской школы, убежденными в том, что «теология основывается на религиозном опыте, и сама не только изучает этот опыт, она и рождается, и развивается в сфере этого опыта»¹. Однако в академических кругах «метод личностного опыта веры и жизни теолога» вызвал массу критики, наиболее четко выраженной в словах М. С. Гельфанда: «Нельзя считать наукой сферу, апеллирующую к личному религиозному опыту»². В

¹ <http://www.patriarchia.ru/db/text/1133908.html>

² <http://www.bbc.com/Russian/features-4013941>

настоящее время в связи с приданием теологии статуса науки, осуществляется поиск компромисса между двумя противоположными точками зрения. Так, Д. В. Шмонин предлагает трехуровневый подход к теологии, согласно которому I уровень рассматривается как «Слово Бога» – «Горловина бесконечности», ведущая за пределы рациональности, «пространство, где обитает Бог», выходящее за рамки теологической рациональности, т.е. за рамки науки. II уровень – «ответное слово человека Богу», опыт переживания чувственной и духовной связи (опыт веры), интуиция верующего – комплекс знаний, открывающихся в вере, богооткровенная теология, мистическое/ таинственное богословие, где также о теологии как науке речь не идет. III уровень – «Слово о Боге», систематическое выражение религиозной доктрины, рассматриваемой в различных дисциплинах, рациональная теология (систематическая теология – единственный уровень, рассматриваемый в рамках науки [20].

Отметим, что от попытки нахождения компромисса между сакральным и профанным, который на данном этапе представляется наиболее оптимальным, предостерегал Генон: «Стремление примирить между собой результаты современной науки и религиозные догматы является совершенно пустым занятием» [2, с. 139]. А далее сакраментальное: «Профаническое считает себя вправе оценивать Сакральное. Низшее судит о высшем, невежество оценивает мудрость, заблуждение господствует над истиной, человеческое вытесняет божественное, земля ставит себя выше Неба. «Горе вам, слепые поводыри» – гласит Евангелие. И в самом деле сегодня повсюду мы видим лишь слепых поводырей, ведущих за собой слепое стадо. И совершенно очевидно, что, если эта процессия не будет вовремя остановлена, и те, и другие с неизбежностью свалятся в пропасть, где они все вместе безвозвратно погибнут» [2, с. 80–81].

Отрицание академической наукой применения специфических теологических методов является лишь одной из граней (сил), препятствующей обращению к области «чистого сверхрассудочного знания».

Другой гранью является негласный запрет богословского сообщества на «стремление свободного мыслителя заглянуть за непроницаемое покрывало, таящее «сокровища «нечеловеческой» предвечной мудрости» [2, с. 14]. Этот «негласный запрет» формирует как у просто религиозных людей, воспринимающих религию на уровне ритуала, так зачастую и у теологов-исследователей «страх перед тайной».

Несомненно, нельзя забывать о духовных рисках, о чем речь пойдет в дальнейшем. Однако важно осознавать разницу местоположения того, что уже за

чертой, а что в поле возможности реального исследования, на что обращает внимание Генон: «Подлинная тайна состоит исключительно в ее невыразимости, ее непередаваемости, но во всякой истине трансцендентного порядка необходимо имеется и выразимая часть» [2, с. 516]. Однако, сущность человека такова, что в случае непонимания чего-то, он начинает испытывать страх, результатом которого становится отрицание, а иногда и ненависть к новому, к непонятому. «Существуют отрицания, которые сами похожи на крики ярости, таковы, например, отрицания так называемых «свободных мыслителей» по отношению ко всему тому, что относится к религии». «Ненависть к тайне, по сути, есть не что иное, как одна из форм ненависти ко всему, что превосходит «средний» уровень, и к тому, что отменяет единообразие, которое хотят навязать всем» [2, с. 517].

В ходе осуществления теологического исследования человек сталкивается с когнитивными, психологическими, религиозными тупиками, что является необходимым условием осуществления процесса внутренней трансформации, сопровождающим метанойю (умоперемену). Результат столкновения с «тупиком /барьером» может привести к двум вариантам:

- либо тупик рассматривается как конечная точка пути и тогда его преодоление не представляется возможным, в связи с чем ограничивающие установки исследователя усиливаются, становясь еще более категоричными, «человек еще более укрепляется в своей точке зрения и, как никогда раньше, утверждает в своей собственной правоте, не желая двигаться по дальнейшему пути постижения истины» [2, с. 517];
- либо и тупик рассматривается как «препятствие, которое следует преодолеть, после чего начинается новый этап духовного и интеллектуального поиска» [4, с. 994].

Завершение процесса написания исследовательской работы в идеале сопровождается двойной радостью: от интеллектуальных прозрений, приходящих в ходе самопреодолений и от наличия конечного продукта исследовательской деятельности, приносящей удовлетворение, что несомненно является реальным источником дальнейшей творящей силы теолога-исследователя.

Как видим, «в процессе написания теологического исследования происходит двуединый процесс приближения исследователя к истине посредством осуществления умоперемены (метанойи) и развитие его духовных качеств» [3, с. 156]. Рассматривая «полностью сделанное» в качестве синонима «совершенного», А. Кумарасвами пишет: «Совершенное произведение и совершенный человек

совершенны одинаково; онтологически это значит, что одно и другое действительно является тем, чем оно может быть или «стало тем, что оно и есть» потенциально, и следовательно, чем ему следует стать актуально» [13, с. 50]. Вопрос о возможности достижения состояния полного совершенства остается открытым, но в данной связи довольно интересным является рассмотрение взгляда Р. Генона на человека, полностью завершившего внутреннюю реализацию (в исламской традиции аль-Инсан-аль-Камиль – человек, достигший наивысшей духовной реализации) в контексте «званных и избранных»: «Действительно избранными (элитой) являются те, кто, завершив внутреннюю реализацию, не может более поддаться соблазну. Но остаются еще и те, кто имея в себе лишь потенции знания, являются только «званными» [2, с. 134]. Позволим себе заявить, что теолога-исследователя вполне можно отнести к «званным» в силу принадлежности к религиозной традиции не только на уровне ритуала, но и внутренней устремленности и готовности к постижению глубинных метафизических смыслов. А вот шанс оказаться в числе «избранных» зависит от степени реализации заложенного потенциала и, конечно, от воли Всевышнего.

Если же относиться к теологическому исследованию как к особому виду поклонения, как к особому интеллектуально-творческому акту, то, «работа навечно становится частью нашей жизни, а сама жизнь расширяется настолько, что способна вобрать не только ожидаемое будущее, но и «живую старину» [13, с. 49].

Выводы

В представленной статье приводятся специфические черты мышления теолога-исследователя, ключевой мотивацией которого является внутренняя устремленность к познанию Бога. Выдвигается гипотеза, что для формирования теологического мировоззрения необходим удвоенный переворот сознания: во-первых, смещение акцента внимания с мира бренного на мир горний; во-вторых, направление исследовательского интереса к постижению сакральных глубин, вследствие чего осуществление расширения горизонтов познания, казавшихся недоступными ввиду когнитивной ограниченности. Второй «переворот» с некоторой долей условности можно рассматривать в качестве «умоперемены» (метанойи) – процесса (состояния), рассматриваемого в религиозной традиции (исихастской и суфийской), а также в философии, психологии, психиатрии и образовании.

В статье предпринята попытка рассмотрения роли метанойи, смещающей ценностный вектор в сторону «сакрального» в научно-исследовательской деятельности теолога, как носителя особого типа мировоззрения, что позволяет

взглянуть на исследовательский процесс как на один из видов сакрального действия ввиду уникальности предмета теологического исследования, что является серьезным мотивирующим фактором для теолога.

Также делается акцент на том, что далеко не каждый теолог желает «умоперемены», осознанно или неосознанно ограничивая свою деятельность выполнением религиозных практик и довольствуясь готовыми религиозными знаниями, не допуская возможности их самостоятельного осмысления ввиду разного рода страхов, главный из которых – страх выхода из религии, что зачастую приводит к «отрицанию всего того, что превосходит средний уровень, и к тому, что отменяет единообразие» [2, с. 517]. Те немногие, кто действительно (не формально) ступает на непростой путь теолога-исследователя, осознавая (или не осознавая) духовные риски, сопровождающие этот процесс, начинают в полной мере испытывать на себе «второй переворот» – собственно умоперемену, заключающуюся в серьезной внутренней работе, направленной на «выход за пределы своего «я» [14, с. 188], «перерождение посредством ничтожения» [10, с. 82], «повороте к собственному опыту», предполагающему крайние предельные переживания радости и отчаяния от обретения и неудовлетворенности достигнутым, новых осознаний и новой жажды познания, благодаря чему и становится вероятным «достижение максимально возможного в наличном состоянии ума» [14, с. 186].

Выявлены точки соприкосновения идей философов-традиционалистов и теологов-исследователей, опирающихся на высшие метафизические принципы, направленные на восстановление и поддержание контакта с живой традицией посредством транслирования исконных традиционных ценностей и возвращения сакрального в повседневность, являясь не «носителями внешней скорлупы Традиции, страшящейся и ненавидящей все превосходящее средний уровень», но «званными и избранными» ради реализации дарованного Всевышнем потенциала, возможной благодаря метанойе.

В ходе проведенного исследования можно утверждать, что метанойя (умоперемена) играет ключевую роль в формировании мировоззрения теолога-исследователя, являясь «процессом своеобразного перерождения» [10, с. 81], осуществляющегося посредством перепроживания состояний предельного отчаяния от невозможности постичь непостижимое до экстатической радости постижения того, что ранее казалось недостижимым. Благодаря метанойе теолог становится «не от мира сего» дважды: сначала, смещая акценты внимания с посястороннего мира к потустороннему, затем совершая

«дерзновенный разворот» сознания в сторону постижения сакральных истин, что на наш взгляд и является путем теолога-исследователя.

В связи с вышеизложенным считаем, что исследовательская деятельность теолога представляет собой как особый вид поклонения Всевышнему, так и особый вид научного творчества, а потому теолога-исследователя можно сравнить с творцом, сотворяющим сакральную реальность в повседневном профанном мире.

Список источников

1. Карпов А. О. Социализация и исследовательское поведение научного типа // Школьные технологии. 2015. № 4. С. 21–34.
2. Генон Р. Кризис современного мира. М.: Эксмо, 2008. 784 с.
3. Седанкина Т. Е. Теоцентрическая модель воспитания студента направления 48.04.01 Теология, профиль «исламская теология» // Теология и образование 2021. Ежегодник Научно-образовательной теологической ассоциации. М.: Изд-во РАНХиГС. 2022. С.144–183.
4. Седанкина Т. Е. Презентация авторского курса «Духовно-ориентированная педагогика и психология. // Minbar. Islamic Studies. 2020. Т. 13. № 4. С. 980–998.
5. Кангиева А. М. Суфийская коммуникативистика как «Алхимия души» (на примере источников Крымского ханства) // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. 2020. № 9. С. 54–64.
6. Онтоаналитика патосов. С. 40–42 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psihdocs.ru/ontoanalitika-patosov.html?page=32> Дата обращения: 29.05.2022.
7. Елисеев С. А. (диакон Святослав) Внутренний органон: экспозиция, квалификация и верификация духовного опыта в православной традиции // Вестник Омской православной духовной семинарии. 2021. Т. 10. №1. С. 22–32.
8. Феофан Затворник, епископ. «Умное делание о молитве Иисусовой. (Сборник поучений св. отцов и опытных ее делателей)» / составил игумен Валаамского монастыря Харитон. Изд. 3-е. М., 1992. 233 с.
9. Аль-Газали А. Х. Кимий а-й и са‘адат [Эликсир счастья]. Часть 1: ‘Унваны 1-4. Рукн 1. Хисматулин А. А. (Пер. с перс., вступ. ст., коммент. и указ.). М.: Издательство «Ихлас»; 2011. 464 с.
10. Власова О. А. Опыт безумия и ничтожение бытия: от экзистенциальной философии к экзистенциально-феноменологической психиатрии // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2008. Т. 14, № 3. С. 74–82.

11. Новичкова Г. А. Философское обоснование труда // Теория и практика общественного развития. 2015. № 5. С. 95–104.
12. Годава М., Маслова А. В. Мистические традиции в духовной культуре Запада и Востока // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. № 5. С. 215–223.
13. Кумарасвами А. К. Восток и Запад. Религия, мифология, символика, искусство; [пер. с англ.: М. В. Макович]. М.: Беловодье; 2018. 184 с.
14. Иванов О. Е. Об интеллектуальных приоритетах в христианстве // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16. № 2. С. 176–197.
15. Корбен А. Световой человек в иранском суфизме. Пер. с франц. Ю. Стефанова / предисл. Я. Эшотс. М.: «Фонд исследований исламской культура», «Волшебная Гора», «Дизайн. Информация Картография»; 2009. 237 с.
16. Эвола Ю. Мистерия Грааля. Воронеж: Terra Foliata, 2013. 216 с.
17. Эвола Ю. Восстание против современного мира. [пер. Д. Зеленцова]. М.: Прометей, 2016. 476 с.
18. Хондзинский П. В. Разрешение проблем русского богословия XVIII века в синтезе Святителя Филарета, митрополита Московского: автореф. Дис. ... канд. фил. наук. М., 2017. 25 с.
19. Шмонин Д. В. Тайна ответа: введение в рациональную теологию: монография. СПб.: Изд-во СПб ПДА: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. 460 с.

References

1. Karpov A. O. Socializaciya i issledovatel'skoe povedenie nauchnogo tipa [Socialization and research behavior of scientific type]. *Shkol'nye tehnologii*. 2015;(4):21–34. (In Russ).
2. Guenon R. *Krizis sovremennogo mira* [The crisis of the modern world]. М.: Eksmo; 2008. 784 p. (In Russ).
3. Sedankina T. E. Teocentricheskaja model' vospitanija studenta napravlenija 48.04.01 Teologija, profil' «islamskaja teologija» [Theocentric model of student education in the field of 48.04.01 Theology, profile “Islamic theology”] // *Teologija i obrazovanie 2021. Ezhegodnik Nauchno-obrazovatel'noj teologičeskoj asociacii*. 2022:144–183. (In Russ).
4. Sedankina T. E. Prezentacija avtorskogo kursa “Duhovno-orientirovannaja pedagogika i psihologija” [Presentation of the author's course “Spiritually Guided Pedagogy and Psychology”]. *Minbar. Islamic Studies*. 2020;13(4):980–998. (In Russ).

5. Kangieva A. M. Sufijskaya kommunikativistika kak “Alximiya dushi” (na primere istochnikov Kry’mskogo xanstva [Sufi communication studies as “Alchemy of the soul” (on the example of the sources of the Crimean Khanate)]. *Voprosy krymskotatarskoj filologii, istorii i kul’tury*. 2020;(9):54–64. (In Russ).
6. Ontoanalitika patosov. [Ontoanalytics of Pathos]. Pp. 40–42. URL: <http://www.psihdocs.ru/ontoanalitika-patosov.html?page=32> [Accessed: 29 May 2022]. (In Russ).
7. Eliseev S. A. (Deacon Svyatoslav) Vnutrennij organon: e’kspoziciya, kvalifikaciya i verifikaciya duxovnogo opy’ta v pravoslavnoj tradicii [Internal organon: exposition, qualification and verification of spiritual experience in the Orthodox tradition]. *Vestnik Omskoj pravoslavnoj duhovnoj seminarii*. 2021;10(1):22–32. (In Russ).
8. Feofan Zatvornik, episkop. Umnoe delanie o molitve Iisusovoj. (Sbornik pouchenij sv. otcov i opytnyh ee delatelej) [An Intelligent Work on the Prayer of Jesus. (A Collection of the Teachings of the Fathers and the Experienced Doctors of Jesus Prayer)]. / sostavil igumen Valaamskogo monastyrja Hariton. Izd. 3-e. M., 1992. 233 p. (In Russ).
9. Al’-Gazali A. H. Kimij a-j i sa’ada [Elixir of Happiness] Part 1: ‘Unvany 1-4. Rukn 1. Hismatuln A. A. (tr. from Pers.). M.: Izdatel’sтво «Ihlas»; 2011. 464 p. (In Russ).
10. Vlasova O. A. Opy’t bezumiya i nichtozhenie by’tiya: ot e’kzistencial’noj filosofii k e’kzistencial’no-fenomenologicheskoj psixiatrii [The experience of madness and the nothingness of being: from existential philosophy to existential-phenomenological psychiatry]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*. 2008;14(3):74–82. (In Russ).
11. Novichkova G. A. Filosofskoe obosnovanie truda [Philosophical substantiation of labor]. *Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya*. 2015;(5):95–104. (In Russ).
12. Godava M., Maslova A. V. Misticheskie tradicii v duxovnoj kul’ture Zapada i Vostoka [Mystical traditions in the spiritual culture of the West and East]. *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki*. 2018;(5):215–223. (In Russ).
13. Kumarasvymi A. K. Vostok i Zapad. Religija, mifologija, simbolika, iskusstvo [The East and the West. Religion, mythology, symbolism, art]. [tr. from Eng.: M.V. Makovich]. M.: Belovodie; 2018. 184 p. (In Russ).
14. Ivanov O. E. Ob intellektual’ny’x prioritax v xristianstve [On intellectual priorities in Christianity]. *Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnej akademii*. 2015;16(2):176–197. (In Russ).

15. Korben A. Svetovoj chelovek v iranskom sufizme [The Light Man in Iranian Sufism]. (Tr. from Fr. Ju. Stefanova / predisl. Ja. Jeshots). M.: "Fond issledovaniy islamskoj kul'tura", "Volshebnaja Gora", "Dizajn. Informacija Kartografija"; 2009. 237 p. (In Russ).
16. Jevola Ju. Misterija Graalja [The Grail Mystery]. Voronezh: Terra Foliata; 2013. 216 p. (In Russ).
17. Jevola Ju. Vosstanie protiv sovremennogo mira [Rebellion against the Modern World]. M.: Prometej; 2016. 476 p. (In Russ).
18. Khondzinsky P. V. Razreshenie problem russkogo bogoslovija XVIII veka v sinteze Svjatitelja Filareta, mitropolita Moskovskogo [Resolution of the problems of Russian theology of the 18th century in the synthesis of St. Philaret, Metropolitan of Moscow]. Thesis Diss. Cand. Phil. Sci. Moscow; 2017. 25 p. (In Russ).
19. Shmonin D. V. Tajna otveta: vvedenie v racional'nuju teologiju: monografija [The Mystery of the Answer: An Introduction to Rational Theology: A Monograph]. SPb.: Izd-vo SPb PDA: Izd-vo RGPU im. A. I. Gercena; 2021. 460 p. (In Russ).

Информация об авторе

Седанкина Татьяна Евгеньевна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой систематической теологии ЧУВО Российского исламского института; <https://orcid.org/0000-0001-5241-6479>, e-mail: tatiana-svetlaya@mail.ru

Information about the author

Tatyana Ev. Sedankina – Ph.D (Pedag.), Associate Professor, head of the Department of systematic theology of the Russian Islamic Institute; <https://orcid.org/0000-0001-5241-6479>, e-mail: tatiana-svetlaya@mail.ru

Статья поступила в редакцию 30.07.2022; одобрена после рецензирования 06.08.2022; принята к публикации 09.08.2022.

The article was submitted 30.07.2022; approved after reviewing 06.08.2022; accepted for publication 09.08.2022.

Раскрытие информации о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure: The author declares Conflicts of Interest Disclosure.

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ: ЙЕМЕНСКИЙ ВЗГЛЯД НА ТАТАРСТАН

Аль-Аммари М. С.

Казанский (Приволжский) федеральный университет

alamary2011@mail.ru

Выпуск 4

Когда мы вернулись за учебные парты на третий год, то чувствовали себя уже как рыба в воде. Советский образ жизни пришелся нам по душе, а русская еда стала казаться вкусной и привычной, несмотря на ее довольно пресный вкус. К сведению, восточная кухня, в особенности, йеменская, к которой мы привыкли с самого детства, отличается использованием в приготовлении огромного количества приправ. Город стал для нас родным, а наша жизнь в целом наладилась и была привязана в основном к университету и городу.

Даже лекции, которые вызывали у нас основные трудности из-за непонимания языка, перестали быть столь уж большой проблемой. Без всяких преувеличений, мы даже давали наши тетради пропустившим занятия советским однокурсникам, чтобы они могли переписать лекции. У нас троих были прекрасные взаимоотношения с преподавателями и руководством университета.

Наша жизнь не была ограничена рамками учебы, нам посчастливилось быть участниками общественной жизни, имевшей политический оттенок. И, поскольку, мы были представителями социалистического лагеря, антикапиталистического строя, то программа подготовки таких как мы, кадров будущего, должна была в результате закалять нас как с научной, так и с практической стороны.

На третий год обучения меня избрали секретарем Комитета солидарности университета. Эта должность входила в структуру Клуба интернациональной дружбы и солидарности, известного и значимого в университете, а также достаточно хорошо финансируемого. Клуб занимался организацией активного досуга иностранных и советских студентов с целью укрепления дружеских уз между молодыми людьми социалистических стран, а также стран социалистической ориентации, одним из которых был мой родной Демократический Йемен.

Благодаря этой должности, Демократический Йемен был освещён во всех средствах массовой информации. Также мне представилась возможность посетить огромное количество республик Советского Союза в составе официальных студенческих делегаций Казанского университета по приглашению других советских университетов. Так, я посетил Киевский университет на Украине, Университет Тбилиси в Грузии, Ташкентский университет в Узбекистане, Университет Дзержинского в Киргизии, Университет Дружбы Народов имени Патриса Лумумбы в Москве.

В этом плане я немного упрекаю наших йеменских студентов, количество которых в Казанском федеральном университете и в других университетах Казани стало больше раз в сто, при том что нас было всего-навсего трое. Многие из них делают успехи в учебе, и это, действительно, их заслуга. Однако наши студенты за весьма редким исключением, не сделали ничего, что могло бы поднять авторитет Йемена в глазах остальных, сделать нашу страну узнаваемой.

Что же касается нас, троих студентов из Демократического Йемена, то мы принимали участие во всех университетских мероприятиях; ежегодно, 30 ноября организовывали празднование в честь Дня Независимости в актовом зале. Мы были очень инициативны и деятельны, и наш секрет был прост – энтузиазм, желание и организаторские способности. Нам активно помогали наши советские друзья, и заслуга в этом принадлежала нашей замечательной группе 431 во главе со старостой Светланой Чумаровой (Швецовой). Студенты нашей группы трудились днями напролет, чтобы представления, связанные с

Демократическим Йеменом или ГДР прошли успешно, а также активное участие принимали студенты Казанского государственного университета из таких стран, как Республика Куба, ГДР, Афганистан, Северная Корея, Лаос, Монголия. Каждое землячество готовило несколько концертных номеров, и они, наряду с выступлением с речью на официальной части праздника, длились полтора-два часа. Дорогие йеменские студенты, обучающиеся и живущие сейчас в Казани, вы можете посмотреть архивы 1983–1988 гг., чтобы убедиться в правоте моих слов.

Наша настойчивость удивляла руководство университета: они поначалу не верили, что мы сможем успешно справиться с организацией и, впоследствии, с изумлением наблюдали за тем, как всего трое представителей одной диаспоры организуют что-то поистине грандиозное, наряду с представителями более многочисленных диаспор, самая немногочисленная из которых насчитывала не менее 80 человек. Например, студентов и студенток из Кубы было 220 человек. Мы старались и брали всю ответственность в случае неудачи на себя, потому что безоговорочно доверяли однокурсникам из других диаспор, они были для нас воплощением правильных ценностей. Так, принцип доверия и солидарности проявлялся в конкретных жизненных ситуациях.

Третий год обучения был особенным. Несмотря на огромное количество изучаемых в течение первого семестра предметов, это был действительно замечательный год. Тогда к власти только что пришел Михаил Горбачев, намеренный воплотить в жизнь идеи гласности. Наверное, даже самые заядлые пессимисты не могли и представить, что конечным результатом этой политики станет развал Советского Союза и крах социалистического строя.

Безусловно, приход Михаила Горбачева к самой вершине власти после смерти Константина Черненко (11 апреля 1984 г. – 10 марта 1985 г.), который был у власти недолго, а также взятый им курс на «перестройку» – «перестройку экономики», в рамках которой он проводил политику гласности или прозрачности, давали людям блестящее представление о будущем демократическом обществе. Более того, Горбачев был умелым политиком и прекрасным оратором: он мог убедить людей в правоте принятого государством направления развития. К тому же, Советский Союз был закрытым государством, если не брать во внимание отношения с дружественными странами социалистического лагеря.

Никто и представить не мог, что эти два принципа – перестройка и гласность – в конце концов, перевернут все с ног на голову.

В первый период пребывания М. С. Горбачева у власти (1985–1987) шли разговоры о пересмотре принципа централизованного планирования, но на самом деле никаких коренных изменений, повлиявших на повышение уровня производства, не произошло. Сохранялся экономический застой, вместе с тем произошла беспрецедентная «полировка» процесса перестройки и внедрения прозрачности; университеты, научно-исследовательские центры, партийные, молодежные, профсоюзные и творческие организации работали над разъяснением этого процесса и его целей, направленных на благосостояние и процветание советского народа. После этого М. С. Горбачев и его команда экономистов и помощников начали проведение более коренных преобразований. Так, в июне 1987 г. на общем собрании ЦК КПСС М. С. Горбачев выступил с докладом, в котором были представлены основные проекты экономических реформ на оставшийся период существования Советского Союза.

В июле 1987 г. Верховный Совет СССР – высший советский законодательный орган – одобрил проект «Государственные обязательства», который гласил, что «государственная обязанность» – это свобода определять объемы производства и другие обязательства по запросу индивидуальных потребителей. Исполнительные агентства выполняли

государственные указания, но имели право при необходимости решать судьбу оставшейся продукции самостоятельно. После того, как государство закупало продукцию, они должны были покрыть расходы (зарплаты, налоги, основные материалы, ссуды и проценты) из своих доходов. Правительство больше не вмешивалось, чтобы спасти предприятия, которые не были прибыльными и столкнулись с риском банкротства. Наконец, новый закон передал контроль над компаниями от министерств – к выборным рабочим коллективам. Обязанности правительственного комитета по планированию ограничивались определением общих принципов и национальных инвестиционных приоритетов, но не формулированием подробных планов производства.

Несомненно, эти планы и идеи, которые сначала казались блестящими и обнадеживающими, не были хорошо продуманы, даже если мы не хотим предполагать, что М. С. Горбачев действительно был фигурой, предназначенной для разрушения Советского Союза, действуя мягко, без открытой конфронтации с капиталистическим лагерем. И, как мы знаем, результатом стало официальное объявление 25 декабря 1991 г. о распаде Советского Союза, и Российская Федерация во главе с Борисом Ельциным осталась одна, несмотря на возражения многих президентов советских республик и в первую очередь Н. А. Назарбаева, президента Республики Казахстан. Они призвали не проявлять безрассудство, распуская Союз, а быть благоразумными, заняться поиском новых формул, которые сохранят Советский Союз и установят новые отношения между его членами. Однако Б. Н. Ельцин и Л. М. Кравчук, президент Украины, с большим энтузиазмом относились к независимости, особенно после референдума, который прошел на Украине, и более 90% жителей выразили свое желание отделиться.

Безусловно, Татарская АССР, будучи неотъемлемой частью страны, ощущала на себе влияние всей советской эпохи: экономические, политические и социальные падения и взлеты республики напрямую зависели от ситуации в Советском Союзе и в социалистическом лагере. Татарская АССР развивалась в едином темпе со всей страной.

Перевод на русский язык: Галимова Э.

تاتارستان بعيون يمانية

العدد 4

عند وصولنا إلى مقاعد الدراسة للسنة الجامعية الثالثة، كنا قد أصبحنا مثل السمكات التي تعوم في أعماق البحار، حيث كنا قد تكيفنا تمامًا على نمط الحياة السوفيتية، حتى تلك المأكولات الروسية التي لم تلق لنا، وكانت عديمة الذوق والرائحة بسبب خلوها من بهاراتنا الشرقية وخاصة اليمنية التي تعودنا عليها من سن الطفولة. وأصبحت المدينة مدينتنا والوجوه مألوفة لنا وأصبحت حياتنا لصيقة بكل شيء يتعلق بالجامعة والمدينة.

حتى المحاضرات التي كانت تمثل لنا مشكلة عظمى بسبب اللغة لم تعد اليوم مشكلة، بل أننا وبعيدًا عن المبالغة كنا نسلم دفاترنا لزملائنا من السوفيت اللذين كانوا يتخلفون عن حضور الدروس لنقل المحاضرات. وكانت لنا ثلاثتنا علاقات أكثر من رائعة مع معلمينا وإدارة الجامعة.

لم تنحصر حياتنا في الجانب التعليمي، بل كان لنا نصيب كبير من جانب النشاط الاجتماعي المصبوغ بصبغة سياسية، كوننا كنا نمثل المعسكر الآخر، المقابل للمعسكر الرأسمالي. ومن هنا فقد كان من برامج إعدادنا ككوادر المستقبل أن يتم صقلنا من الجانب العلمي والجانب التطبيقي.

ففي السن الثالثة تم إنتخابي سكرتيرًا للجنة التضامن في الجامعة، و هذا المنصب كان يدخل في هيكل نادي الصداقة والتضامن الأممي الذي كان له مكانة كبيرة في الجامعة وكان يمول تمويلًا كبيرًا لما ينفذه من نشاطات يومية لشغل أوقات فراغ الطلاب السوفيت والأجانب وتعزيز أواصر الصداقة بين شباب البلدان الاشتراكية وبلدان التوجه الاشتراكي والتي كانت بلدي العزيز اليمن الديمقراطية إحداها.

و بفضل هذا المنصب فقد كانت تسلط الأضواء على اليمن الديمقراطية في كل مناسبة، كما أن هذا المنصب قد مكّني من زيارة العديد من جمهوريات الاتحاد السوفيتي ممثلاً لجامعة قازان ضمن الوفود الرسمية للمشاركة بأي مناسبة لجامعات الجمهوريات السوفييتية الأخرى، حيث تمكنت من زيارة جامعة كييف في أوكرانيا، وجامعة تبليسي في جورجيا، وجامعة طشقند في أوزبكستان، وجامعة دزرجينسكي في قرقيزيا، وجامعة باتريس لومومبا "جامعة الصداقة بين الشعوب" في موسكو.

اليوم وفي هذا السياق لي عتب صغير على طلابنا والذي أصبح عددهم أكثر من عددنا بمئات المرات في جامعة قازان الفيدرالية وغيرها من الجامعات في مدينة قازان، فالكثير يتفوقون في دراستهم وهذا محسوب لهم، لكنهم لا يقدمون شيئاً يذكر حتى في فترة ما قبل الأوضاع المزرية في البلد. وإذا ما استثنينا بعض الطلاب فأنهم لم يقدموا شيئاً يرفع من سمعة اليمن ومكانته والتعريف به، ما زاد الطين بله في الفترة الأخيرة هو التمزق الحاصل بين أطراف الصراع في اليمن، والذي أرى شخصياً أن ليس هناك من محق في هذا الصراع الدموي التدميري الحاصل.

ما علينا، نذكر للمقارنة فقد كنا ثلاثة من اليمن الديمقراطية فقط، ولكننا إلى جانب المشاركة في كل فعاليات الجامعة كنا ننظم فعالية سنوية بمناسبة عيد الإستقلال 30 نوفمبر وفي القاعة الكبرى للاحتفالات في الجامعة، وكانت العملية والسّر في ذلك هي الرغبة، والقدرة على التنظيم فقد كنا نشرك زملائنا من السوفيت وكل الجاليات الدارسة في جامعة قازان الحكومية: جمهورية كوبا، ألمانيا الديمقراطية، أفغانستان، كوريا الشمالية، لاؤوس، منغوليا، حيث كانت تقدم كل دولة من فقرة إلى فقرتين فكان هذا إلى جانب الكلمات أو الحفل الرسمي يستغرق من ساعة ونصف إلى ساعتين – يمكن لطلابنا الأعزاء المتواجدين في قازان الرجوع لإرشيف الجامعة 1983-1988م – ليتأكدوا من صحة ما أسير إليه.

كان أصرارنا يدهش إدارة الجامعة عندما يقولون لنا أنتم ثلاثة فقط بينما بقية الجاليات لا تقل عن 80 طالب، نعم لقد كان الكوبيون وحدهم 220 طالب وطالبة. لكننا كنا نصر ونقول لهم سنتحمل المسؤولية في حالة الفشل، لأن ثقتنا كانت كبيرة بزملائنا من الجاليات الأخرى اللذين كانوا يؤكدون لنا بالقيام بكل ما يلزم، وهنا كان يتجسد مبدأ التضامن على الواقع الملموس.

كان للسنة الثالثة طعم خاص بالرغم من كثافة المواد خلال الفصل الأول إلا أنها كانت سنة رائعة بكل ما تعنيه الكلمة.

في تلك الفترة كان قد وصل إلى رأس الحكم ميخائيل غورباتشوف، حاملاً فكراً منفتحاً لم يتوقع حتى أكثر المتشائمين بأن النتيجة الأخيرة لتلك السياسة ستكون تفكيك الاتحاد السوفيتي وإنهيار تلك المنظومة الاشتراكية برمتها.

إن تربع ميخائيل غورباتشوف لقمة الحكم بعد وفاة قسطنطين تشيرنينكو 11- أبريل، 1984 – 10 مارس، 1985 – التي لم تدم طويلاً و تبنيه للبروسترويك – إعادة البناء أو هيكلة الاقتصاد – إلى جانب غلاسنوست – الشفافية – قد كان لها بريقها الخاص وكان غورباتشوف خطيب جيد وجاذب، وكان له حنكة سياسية قادرة على إقناع الآخرين بصحة التوجهات التي يرمي إليها، خصوصاً إن الاتحاد السوفيتي كان دولة مغلقة على نفسها إذا ما استثنينا تلك العلاقات التي كانت قائمة بين دول المعسكر الاشتراكي والتي كانت متشابهة إلى حد كبير.

لم يفكر أحد بأن هذين المبدئين سيقبلان الطاولة رأساً على عقب في نهاية المطاف. فخلال الفترة الأولى من وصول ميخائيل غورباتشوف إلى السلطة (1985 - 1987)، تحدث عن تعديل التخطيط المركزي، ولكنه لم يقم بأي تغييرات جذرية حقيقة لتسريع عجلة الإنتاج، فضل الركود قائماً إقتصادياً يرافقه تلميع منقطع النظر لعملية البروسترويك والشفافية، حيث عملت الجامعات ومراكز البحث العلمي والمنظمات الحزبية والشبابية والنقابية والإبداعية على توضيح تلك العملية وأهدافها الرامية إلى رخاء وإزدهار الشعب السوفيتي. بعدها قدم غورباتشوف وفريقه من المستشارين الاقتصاديين إصلاحات أكثر جذرية، ففي يونيو 1987 وفي الجلسة العامة للجنة المركزية للحزب الشيوعي السوفيتي قدم غورباتشوف أطروحته الأساسية، التي قدمت القاعدة السياسية للإصلاح الاقتصادي للفترة المتبقية لوجود الاتحاد السوفيتي.

في يوليو 1987، وافق " مجلس السوفييت الأعلى"، وهو أعلى هيئة تشريعية سوفيتية، على مشروع "التزام الدولة" الذي ينص وفق القانون على أن "التزام الدولة" يتمثل في حرية تحديد مستويات الإنتاج بناء على طلب المستهلكين من الأفراد ومن الالتزامات الأخرى وكان على الجهات المنفذة تطبيق أوامر الدولة، ولكن كان لها الحرية في تقرير مصير المنتجات الفائضة إن حصل ذلك. فبعد شراء الدولة للمنتجات أصبح عليها تغطية التكاليف (الرواتب، الضرائب، المواد الأساسية، والقروض وفوائدها) من عائداتها. ولم تعد الحكومة تتدخل لإنقاذ المؤسسات التي لم تكن مربحة وواجهت خطر الإفلاس. وأخيراً، نقل القانون الجديد السيطرة على المقاولات من الوزارات إلى تجمعات عمالية منتخبة. كانت مسؤوليات لجنة التخطيط الحكومي فيها تنحصر في تحديد الخطوط العريضة والتوجيهات العامة وأولويات الاستثمار القومي، وليس صياغة خطط الإنتاج التفصيلية بدون شك إن تلك الخطط والأفكار التي بدأت للوهلة الأولى مشجعة وبراقة لم تكن مدروسة جيداً أن أحسنا الظن بأن غوربتشوف لم يكن تلك الشخصية المكلفة بتدمير الإتحاد السوفيتي بتلك الصورة السلسة التي لم تدخل المعسكر الرأسمالي بحرب من أي نوع. و كما نعرف أن النتيجة كانت الإعلان رسمياً في يوم 25 ديسمبر من عام 1991م عن تفكيك الاتحاد السوفيتي، وبقيت روسيا الاتحادية بقيادة بوريس يلتسين وحدها برغم تغريدات العديد من رؤساء الجمهوريات السوفيتية وعلى رأسهم نزاربايف رئيس جمهورية كازاخستان قد دعوا إلى عدم التهور و تفكيك الإتحاد، بل الثاني والبحث عن صيغ جديدة تحفظ الإتحاد السوفيتي وتحقيق علاقات جديدة بين أعضاءه، إلا أن يلتسين و ليونيد ماكاروفيتش كرافتشوك رئيس أوكرانيا كانا أكثر المتحمسين للإستقلال . خصوصاً بعد الإستفتاء الذي جرى في أوكرانيا و صوت أكثر من 90 % على رغبتهم في الانفصال طبعاً بالعودة لحالة جمهورية تتاريا السوفيتية ذات الحكم الذاتي في تلك الحقبة فقد كانت جزء لا يتجزأ من تلك الحقبة نفسها، فقد صعدت و هبطت إقتصادياً وإجتماعياً وسياسياً بذلك القدر والحالة التي كان يمر بها الإتحاد السوفيتي والمعسكر الاشتراكي برمته، فلم نرى أي تطور يذكر غير السير بتلك الوتيرة التي تسير بها البلد

Фотография 1

Фотография 2

Фотография 3

Фотография 4

Фотография 5

Фотография 6

Фотография 7

Фотография 8

Фотография 9

Фотография 10

Все фотографии взяты из личного архива автора.